

The illustration depicts a dark, dystopian cityscape at night, with buildings and structures illuminated by a warm, orange glow. In the foreground, a woman in a black hooded jumpsuit is shown from a high-angle perspective, holding a man with blonde hair who is slumped over her. The ground is dark and littered with debris, including what appears to be a severed head. The overall atmosphere is grim and somber.

ВСЕЛЕННАЯ НАДЗОРА

ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ

Святослав Савенков
Сергей Юдин

Святослав Савенков

**Вселенная Надзора.
Исправительные работы**

«Издательские решения»

Савенков С.

Вселенная Надзора. Исправительные работы / С. Савенков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935128-9

Вселенная Надзора — это мир, в котором все не то, чем кажется. Третья мировая загнала людей в анклав, а планета меняется под мистическим влиянием чего-то чудовищного. История переписывается, а людская жизнь — лишь цифра в статистике. Умные, смелые и сильные люди, стремящиеся служить идеалам, становятся изгоями и невольными участниками противостояния могущественных сил, а границы добра и зла стираются. И остается лишь одно — умереть или попытаться выжить любой ценой.

ISBN 978-5-44-935128-9

© Савенков С.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Пролог	8
Глава 1	12
Глава 2	24
Глава 3	34
Глава 4	43
Глава 5	55
Глава 6	62
Глава 7	72
Глава 8	83
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Вселенная Надзора. Исправительные работы

**Святослав Савенков
Сергей Юдин**

Дизайнер обложки Михаил Поляков

Редактор Елена Токмакова

Редактор Марина «Min Gard»

Редактор Денис Сапронов

© Святослав Савенков, 2018

© Сергей Юдин, 2018

© Михаил Поляков, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-5128-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

История работы над этой книгой уходит корнями в те благословенные времена, когда оба ее будущих автора были еще школьниками. Это была весна нашей юности – импульсивная, скорая на оглушительные эмоции и решения без оглядки. Не могли мы похвастаться ни богатым жизненным опытом, ни литературными познаниями, ни писательскими навыками. Впрочем, по правде-то говоря, все равно вполне себе хвастались – что нам, запретит кто-то?

Мы с Сергеем познакомились на Интернет-сайте популярной тогда компьютерной игры. Прекрасно друг к другу притерлись и совершенно спонтанно подсели на самый сильный наркотик на планете – на желание творить. Творить, создавать, выплескивать в любой доступной творческой форме бурлящую в молодой крови впечатлительность. Пробовали все: рисовали, дизайнили, делали модификации для игр. И писали. Поначалу плохо, грубо, до одури наивно. Страдали от критики (а обремененные хорошим вкусом рецензенты страдали от нашей писанины), ругались, терпели, потом начали учиться. И не бросали. Продолжали упорно экспериментировать, придумывать, работать. Так появился фундамент будущих «Исправительных работ» – наш первый крупный труд, повесть «Служба». Сейчас от ее прочтения кровь из глаз льется, но «Служба» хорошенько нам послужила – научила не графоманить под впечатлением от очередного фильма или игры, но работать. Seriously, упорно трудиться над крупноформатной литературой.

Когда повесть увидела свет, мы с Сергеем поняли, что все еще голодны. Что хочется еще – писать, придумывать, жить. Поэтому, пережив горячку от первого литературного успеха (по нашим меркам, конечно), мы придумали «Исправительные работы».

И написали.

Не быстро, ведь как раз взрослая жизнь подвалила. За три года. И были эти три года такими, что до сих пор гордость берет – роман стремительно рос и взрослел вместе с нами. Из тупого боевика превратился в нечто очень непростое, противоречивое и – главное – живое. Потому что получились герои, которые стали сами вести сюжет, уводя его от предварительных планов авторов. Потому что получился огромный мир, лишь часть которого затронули события «Исправительных работ». Потому что по ходу написания роман обретал такую полноту картины, такую самобытность, что авторам оставалось лишь записывать то, что вставало перед их мысленным взором. У «Исправительных работ» появился собственный дух, а авторы оказались лишь проводниками, которые помогли ему лечь на бумагу.

Настоящий, живущий роман. Понимание того, что это ты вдохнул в него жизнь – вершина творческого экстаза и самореализации.

Я ни за что не написал бы «Исправительные работы» в одиночку. С огромным удовольствием черпал творческую энергию моего коллеги, Сергея Юдина. Именно он своим творчеством вдохновил меня на подвиг первого литературного опыта. Именно с ним мы выстрадали «Службу». И именно с ним создали книгу, которую вы держите в руках. За все это, Серега, друг, я тебя благодарю.

Святослав Савенков.

Насколько трудно было тогда, несколько лет назад, представить, что мы доберемся до публикации, настолько же трудно сейчас вспомнить и осознать, с чего мы начинали. А начинали мы с мелочей – сцен, концепций, реплик, то общих и расплывчатых, то бессмысленно и бесполезно конкретных. Когда такого добра накопилось столько, что оно перестало помещаться в наших головах, мы начали укладывать его в более-менее последовательную и непротиворечивую картину мира, а потом и сюжета.

Обычно в таких случаях говорят «сел и начать писать», но для нас актуальнее «встал и пошел шататься по городу, проводя часы в увлекательных и столь же утомительных мозговых штурмах». Которые, к слову, мы до сих пор вспоминаем с ностальгией.

Сюжет придумывался, обдумывался, дополнялся и к такой-то матери выкидывался, текст писался, переписывался, обретал новое прочтение, стирался и снова переписывался. Завершая сюжетную арку или отвечая на автоматически возникающие вопросы, мы понимали: хотим и должны рассказать больше. В результате, первая версия злоключений героев дожила до наших дней в относительно целом виде, но сейчас это от силы треть книги, которую вы держите в руках.

Мы с моим дорогим соавтором по-разному воспринимаем литературу и как искусство, и как производственный процесс, но мы оба любим закрученные сюжеты, в которых каждому участнику найдется и мотивация, и характер. Поэтому мы прожили жизнь наших героев час за часом, не осуждая и не одобряя, но стараясь понять и объяснить. Мы привыкли, прикипели и по-своему полюбили их (хотя проследив весь их путь до конца, читатель, возможно, и не поймет нас). И мы надеемся, что примет наших героев и читатель, со всеми их недостатками, тараканами, страхами; постарается понять и посочувствовать им как живым людям и как детям своего жестокого времени. И вместе с ними выйдет в непонятный, жуткий и опасный мир.

Говоря о всяческих благодарностях первым делом я бы хотел выразить безграничное уважение своему коллеге, который проявил удивительные твердость духа и самоотверженность, доводя работу до конца. Прошли мы этот путь удачно или не очень, но мы его прошли, и в первую очередь это его заслуга.

Сергей Юдин.

Выражаем огромную благодарность нашим семьям и друзьям, всем тем, кто поддерживал нас словом и делом. Говоря о самоотверженности и вообще невинных жертвах среди гражданского населения, считаем необходимым поблагодарить наших первопроходцев и невольных корректоров, разгребавших последствия наших первых баталий с русским литературным языком:

Елену Токмакову

Марину «Min Gard»

Дениса Сапронова

Отдельную благодарность выражаем автору обложки данного издания Михаилу Полякову – художнику, который лучше нас понял, что же мы хотим увидеть.

Савенков Святослав, Юдин Сергей, август 2013 год.

Пролог

Взбаламученная ложкой чайная гуща медленно и степенно опускалась на дно кружки. Брэндон Мэллори дождался, когда та уляжется, и снова сделал короткое движение рукой, вызвав новый вихрь темной массы.

Его коллега проследил за манипуляциями Брэндона и грустно вздохнул.

– Это параграф, дружок.

Мэллори улыбнулся и приподнял вопросительно брови.

– Который же?

– Сорок пятый. Помешательство.

– Не так уж и плохо, – засмеялся Брэндон. – За него хотя бы не расстреливают, как за двадцатый.

Алексей Грим, поморщился, мигом теряя всю ленивую веселость.

– Все настроение испортил, черт бы тебя подрал.

Брэндон пожал плечами и вновь сосредоточился на кружке. Темные снежинки рвались ввысь, словно вспугнутые низко летящим вертолетом.

– Если у меня и впрямь помешательство, то не так страшен черт, как его малюют, – произнес он. – Но я думаю, это все же не оно.

– А что?

– Ностальгия.

Грим задумчиво взглянул на клубящиеся в кружке Мэллори темные щепотки заварки.

– И что же тебе это напоминает?

– Метели, – с готовностью отозвался Брэндон. – Я читал, что раньше деревенская зима не обходилась без долгих метелей, на несколько дней. А снег доходил аж до крыш.

Алексей нахмурился.

– Сомневаюсь. Это какой же должен быть снег, чтобы завалить десятки метров?

– В деревнях не строили многоэтажки. Были маленькие домики в несколько комнат и, может быть, чердаки под крышами.

– Не врешь?

– Нет. Ты не знал, что ли?

– Никогда не любил историю.

Брэндон покачал головой.

– Этой истории всего шесть десятков лет, дружок.

– Поправка. Нашей новейшей истории лет двадцать. Она начинается с тех самых пор, как Совет Структур начал строчить учебники со штампом «Одобрено СГБ», а на меня это действует угнетающе.

– Поэтому ты не знаешь историю?

– Ну да, – без стеснения признал Алексей. – Новейшая история – это как познавательные брошюры о сексе для молодежи. Ничего действительно нового, да и написано скучно. А старые учебники хрен найдешь.

Брэндон покосился на него.

– Ты так спокойно об этом говоришь, как будто это нормально.

– В темные времена живем, – пожал плечами Грим. – Надо вперед двигаться. Бессмысленное оглядывание назад никому не поможет. Марок на этом точно заработать не выйдет. Нам, считай, и так повезло.

– С чем же?

– С тем, что работаем не на заводе и не в конторке, а в Службе внешнего контроля. Хороший гражданский статус, вкусная жратва, годные сигареты. А у надзирателей из Департамента всегда есть, из чего самогон гнать.

Мэллори усмехнулся.

– Так ты будущее хочешь строить?

– Ну, – почесался Грим, – по крайней мере свое.

– Как бы мы тут ни жили благодаря Картеру хорошо, будущее наше не здесь.

– А где?

Брэндон кивнул в сторону обзорного окна.

– Там.

Алексей снова поморщился.

– Брэн, мужик, заканчивай. Скоро обед, а я хочу подойти к перекусону с каким-нибудь, да аппетитом. Не надо сейчас о зоне карантина. Ни к чему это. Я не суеверный, но на Барьере лучше не...

Он резко замолчал, подался к монитору, пристально взгляделся в изображение.

– Ну вот, – мрачно пробормотал он. – Как в воду глядел...

– Что там? – напрягся Мэллори.

– Вроде, пробежал кто-то. Ты ничего не заметил, а?

Брэндон нахмурился, ругая себя за невнимательность. «Не стоит так много чая жрать», – выругался он про себя.

– Нет, не заметил. Но я и не смотрел. Проворонили что-то? – осторожно спросил оператор, взглядываясь в мрачные угловатые громады зданий, застывшие на мониторах.

– Да черт его... – Алексей зло цокнул языком. – Когда ремонтники обещали систему наладить?

– Да уже все работать должно было. Надо солдатам сообщить, пусть группу зачистки вышлют.

– Угу, давай, – мрачно поглядел на товарища Алексей. – У нас сегодня дежурит Служба городской очистки, а не Надзор. Этих сам знаешь. Они погуляют, ничего не найдут, после чего нам звиздюлей всыпят по полной программе. Делать им, что ли, больше нечего?

– Что-то я тебя не понимаю, – нахмурился Брэндон и машинально отхлебнул половину оставшегося чая. – Ты аберранта видел или нет?

– Да... – дежурный неопределенно помахал пятерней. Жест сей мог означать что угодно: от «определенно, вызывай наряд» до «кажется, дождь собирается». – Вроде мелькнуло что-то. Что ты, уродов этих не знаешь? Только и умеют, блин, что мелькать.

– Если бы только это, – пробормотал Брэндон и опустошил кружку. – Зря мы про двадцатый параграф вспомнили... Я все же с операторской свяжусь, а то черт его знает... Лучше пересмотреть, чем недосмотреть.

Отодвинув кружку, дежурный потянулся к трубке связи, когда на столе вдруг загорелся красный огонек вызова.

– «Операторская», – прочитал флегматично Алексей. – Кажись, уже недосмотрели.

– Мэллори, тридцать девятый участок, – ответил на вызов Брэндон. – Да, хорошо. Наконец-то. Принято. Есть подозрения, да. Проверка нужна. Сейчас и займемся. Конец связи.

Опустив трубку на место, Брэндон развернулся на стуле и кивнул Алексею:

– Починили аппаратуру. Давай-ка, отмотай минут на десять запись, надо перепроверить нашего аберранта.

«Хотя чего их перепроверять, ё-мое», – добавил он уже про себя, вытряхивая неоднократно использованную чайную гушу со дна кружки и заготавливая новую заварку. Аппаратура на Барьере работала в автоматическом режиме. Если в зону видимости стационарных турелей попадало что-то живое, не имеющее проблесковых маячков, пулеметы открывали огонь.

Если же аппаратура фиксировала маячки, дежурным поступал соответствующий звуковой сигнал. Правда, согласно процедуре, когда солдаты выходили в зону видимости турелей, те отключались. Древнюю рухлядь вполне могло переключить, так что никто не хотел рисковать. «Уже вторая поломка за месяц, ё-мое», – с досадой подумал Брэндон. Турели-то работали, но вот системы оповещения накрылись.

– Опаньки! – воскликнул Алексей. – Подойди, полюбуйся.

Оставив свежесваренный чай остывать, Брэндон приблизился к пульту наблюдения и взгляделся в застывшее на повторе изображение. Нечто, едва различимое на фоне городского мусора, солдатом явно не являлось. Сейчас не являлось. Да, некоторая его часть в свое время определенно была человеком, и сейчас в бурых, белесых и чуть зеленоватых хитросплетениях жил, мышц и прочей биомассы четко просматривались обрывки форменной одежды. На груди и руках аппаратура уверенно выделяла проблесковые точки. С другой стороны, даже не слишком остроглазый наблюдатель обязательно отметил бы, что у носителей такой формы обычно не бывает нескольких пар щупалец и чего-то крайне неудобно напоминающего кривые зазубренные клешни. Да и перемещаются они обычно не резкими целеустремленными рывками, словно рвущаяся с цепи овчарка.

– Красота, – сказал, как сплюнул, Брэндон, уже вызывавший операторскую. – И ты смотри, проскочила такая мразь с меткой как раз в тот момент, когда у нас опознавалка не работала... Операторская, я Мэллори, тридцать девятый участок. У нас прорыв, семь минут назад аберрант прошел перекресток. С маячком, да. Ушел в сторону старой пятиэтажки, где ресторан еще. Принято. Конец связи.

Повесив трубку, Брэндон задумчиво посмотрел на стынувший чай. Желание что-то пить или есть пропало без следа.

– Ну что, – устало произнес он, проведя ладонью по седеющим волосам, – вырубай турели, сейчас группа зачистки подойдет.

Алексей кивнул и забарабанил пальцами по клавиатуре. Брэндон с неприязнью взглянул на мониторы. Располагалась внешняя линия Барьера далеко не по периметру городской застройки, а глубоко внутри, так, что еще около километра в сторону пригорода оставалось дикой территорией. Камеры выхватывали из темноты позднего вечера довольно унылую картину: никаких глобальных разрушений, никаких вывороченных кусков асфальта. Только парочка сгоревших остовов автомобилей и кучи брошенного здесь с полвека назад мусора, покрытого пеленой пыли. Плюс обгорелые участки асфальта там, где солдаты с огнеметами сжигали трупы отстреливаемых аберрантов.

Через пару минут в объективы камер слежения попала группа из двух десятков тяжеловооруженных людей. Увешанные массивными бронежилетами и пластинами щитков, с надетыми противогазами, солдаты медленно приблизились к ресторану и долго всматривались во тьму.

– Что они телятся? – нервно проворчал Алексей. – Вот вечно так: как вместо Надзора пришлют СГО, так они по часу каждый шаг обмозговывают.

– Ну так выйди к ним, – хмыкнул Брэндон, – объясни, как работать. А еще лучше изобрети лекарство против вируса мирмелантов и других паразитов.

– Есть уже одно лекарство, – отвернулся Грим.

– Да, – кивнул Мэллори. – Пуля в лоб. Не слишком обнадеживает, наверное. Поэтому не надо парней подгонять.

Ничего не обнаружив, солдаты медленно двинулись в здание ресторана, прикрывая друг друга и следя за скрытыми во тьме углами. Аберранты отличались невероятным проворством и звериной реакцией, поэтому бойцы оставались начеку. Наконец последний солдат скрылся за стеной.

Установилась неудобная, поощряющая воображение тишина.

Минут двадцать Мэллори и Грим нервно вглядывались в мониторы, ожидая вызова. Не забывая следить за общей обстановкой и готовые в любой момент вновь включить турели, Брэндон время от времени поглядывал на темный провал входа в ресторан. Успокаивало лишь одно: если бы с солдатами что-то случилось, туда бы уже выдвинулась другая группа. Скорее всего, с огнеметами и взрывчаткой.

Но нет, ничего с людьми не произошло. Совсем. Скоро группа солдат вышла из здания и двинулась обратно. А еще через пару минут Брэндон принял сообщение:

– Тридцать девятый, это операторская. Прокопалась-таки сволочь в город, придется связаться со Службой городской очистки, сообщать о прорыве. Давайте, конец связи.

Глава 1

Брызнув водой себе на лицо, Филипп смыл последние следы мыльной пены. Он долго не поднимал головы, задумчиво глядя на то, как крошечные водопадики стекают с его ладоней, запястий. Ударяясь о жестяную раковину, ручейки воды разлетались миллионом брызг. Отмечая их не повторяющуюся форму, глядя на отблески света Филипп недоумевал, как же так вышло, что раньше он не замечал разнообразия и богатства окружающих его предметов. Удивительной мозаики используемого для бритья мыла, заворачивающего круговорота воды в раковине. Всех этих простых, но таких невероятных вещей.

Мужчина поднял взгляд и долго рассматривал свое лицо. Серые, возбужденно блестящие глаза, короткий нос с широкими крыльями, разбегающиеся по вискам и лбу трещинки морщинок. На себя Филипп тоже обращал преступно мало внимания. Жизнь бойца Сопротивления не позволяла задумываться о том, насколько страдает гигиена. Вокруг глаз раскинулась паутина извивающихся сосудов, сломанный нос косил направо, а в морщинах давно уже обосновалась грязь. И все же Филипп выгодно отличался от многих своих товарищей, потому что в глазах его светился интеллект и горел идейный огонек. Мужчина считал, что ему есть за что жить. И он надеялся, что сможет достойно умереть.

Сглотнув, Филипп глубоко вздохнул. Его была легкая дрожь – бесконечная роскошь, которую он мог себе позволить только наедине с самим собой. Остальные бойцы группы не должны были видеть его таким. Разве что опытный Максим, но и с ним Филипп старался не показывать слабину.

Филипп оторвал хмурый взгляд от зеркала и покосился на часы. Половина десятого. Улицу уже наверняка укрыли предтекающие ночь сумерки. Время пришло. В последний раз шумно втянув воздух, мужчина убедился, что дрожь его оставила, и тихо вышел из ванной.

Комнату заливал скромный свет настольной лампы, на подмогу ему спешил яркий экран работающего телевизора. В помещении собрались все, кроме приглядывающего за улицей из соседней комнаты Артура и держащейся в стороне от отряда Майи. Максим с завидным аппетитом уплетал добытый у знакомых сухпак, временами удовлетворенно побряхтывая. Стэнли, как всегда молчаливый, сидел на подоконнике, чистя пистолет. Временами он поглядывал через неплотно задвинутые шторы на улицу. Лори лежал, растянувшись во весь свой двухметровый рост, на кровати. Бойцы молчали, прислушиваясь к телепередаче. Фантазийные тени, вычерненные на стенах слабым светом, едва шевелились, подобно траве на слабом ветру.

Бросив взгляд на экран, Филипп презрительно скривил тонкие губы, увидев девушку с приятными чертами лица в белой одежде. Вечерний выпуск новостей, как же.

– В результате решительных действий сотрудников патрульной службы Департамента Надзора за правопорядком, убийцы были обнаружены по горячим следам, – говорила диктор мелодично и спокойно, делая выразительные ударения на ключевых словах. Филиппа вдруг охватила злость. Он знал, что стоит послушать девушку подольше, и он начнет мысленно повторять последние услышанные слова. – Территория вокруг жилого дома на границе Второго и Третьего Блоков была оцеплена, жильцы эвакуированы. Городские службы ввели в районе режим специальной операции. На предложение сдать преступники ответили автоматическим огнем. К счастью, никто из гражданских и правоохранителей не пострадал.

Лори раздосадовано цокнул языком.

– Не люблю я Красное Крыло, – тихо сказал он. – Маньяки и те еще уроды. Ни дисциплины, ни веры. Но что они так вот просто сдохли – жаль. Могли бы отправить на тот свет хоть кого-нибудь из надзоров или сбшников.

Как раз закончивший с ужином Максим протяжно отрыгнул и глухо рассмеялся.

– Чем отправлять-то? У «крыльев» нормального оружия почти нет. А если бы и было, то все равно без толку. Они не бойцы, они дегенераты с засратыми мозгами и кривыми руками.

Лори усмехнулся.

– Потому что так лидер Джамал говорит?

– Да, – просто ответил Максим. – Потому что так говорит лидер Джамал. А еще потому что я их видел. Они больные. На всю голову.

Диктор продолжала вещать.

– В результате штурма, предпринятого сотрудниками Службы гражданской безопасности и Департамента Надзора за правопорядком, боевики были ликвидированы. На месте работает оперативно-следственная группа, режим специальной операции в районе сохраняется.

Лори задумчиво покосился на Максима.

– Может, врут?

– Может, и врут. Нас это шатать не должно. Сгбшников завтра все равно на всех хватит.

– Президент Картер на встрече с высокопоставленными сотрудниками Службы гражданской безопасности и Департамента Надзора за правопорядком обратил особое внимание на рост преступности и активизацию бандподполья. Городской лидер призвал усилить работу по поиску и ликвидации террористов.

– Это он про нас, падла, – довольно заявил Лори.

– Тогда я его обрадую, – отозвался Максим, заметив замершего на пороге Филиппа. – Искать нас не придется. Правда, командир?

Лори и Стэнли обернулись к Филиппу, улыбнулись.

– Садись, – пригласил его на свободное место Максим. – Как раз твоя порция осталась, еле-еле сохранил. Говорят, Совет хочет сократить халявное питание для граждан – вместо двух раз, будет один.

– Слышал об этом, – кивком подтвердил Стэнли. – Причем работа в городских конторах будет как и раньше повышать гражданский статус разве что до одной дополнительной порции.

– Да. Так что где жрать третий раз в день – непонятно. Повезло вам, – ухмыльнулся Максим, – что я знаю, где еду раздобыть. Иначе бы тапки грызли, как весь город.

Филипп молча прошел в комнату, взглянул на телевизор, стиснул зубы. Заметив выражение его лица, бойцы замолчали.

– Если завтра все выгорит, – отрывисто произнес Филипп, – то о голоде забудем. Выключите телевизор и зовите наших.

Экран мигнул, изображение свернулось в малюсенькую точку и исчезло. Лори пошел за Артуром и Майей, Максим с пониманием посмотрел Филиппу в глаза.

– Все будет в порядке, командир, – серьезно сказал он.

Филипп слабо улыбнулся. Он задумчиво поднял взгляд к потолку. Перед завтрашним делом стоило кое-что сказать. Несколько слов, которые, если он преуспеет, помогут бойцам в трудный момент. Которые смогут что-то в них зажечь, запалить огонь. Помочь им выжить. Филипп мало чего хотел так сильно, как увидеть завтра вечером своих людей живыми и здоровыми. Увидеть их победителями.

Он никогда не готовил речей заранее. Нужные слова всегда сами приходили в голову, потому что ему всегда было что сказать. Он достаточно натерпелся в этом городе, чтобы найти для него пару определений и пожеланий. Так что когда Лори вернулся в комнату, ведя за собой Артура и Майю, Филипп уже успел достичь нужной кондиции. Его разрывал коктейль из злости, обиды, усталости и надежд.

Мужчина поднял горящий взгляд и медленно осмотрел своих людей. Собранных, уверенных, переживших слишком многих своих соратников. Они смотрели на него и ждали.

– Итак, мы здесь, – с трудом сдерживая эмоции, заговорил Филипп. – После всех этих лет мы здесь. Вам может показаться, что это конец нашего пути, но это не так. Мы не в конце,

друзья, а лишь в начале. Наверное, в это сложно поверить, но доверьтесь мне, как доверялись все эти годы. Вопреки ропоту недовольства, который я слышу, вопреки всему злу, которое завтра встанет против нас. Доверьтесь мне, потому что я точно, я абсолютно уверен: завтра мы не отправимся к Единому, но откроем ему дверь в этот мир.

Максим одобрительно кивнул. Филипп не удержал благодарственной улыбки.

– Все мы, собравшиеся в этой комнате, кого-то потеряли в борьбе с Советом Структур. Все мы видели, как наших друзей и близких рвут пули, секут осколки, жрет огонь. Поэтому я не буду рассказывать вам о том, почему мы здесь. Но даже лучших из нас иногда гложут сомнения, одолевает страх. Поэтому я напомним, кого мы идем убивать. Мы идем убивать мразь из Службы гражданской безопасности, которая забирает и пытается людей. Мы идем убивать тварей из Надзора, которые не стыдятся даже своего скотского названия. Мы идем убивать Картера.

Лори закашлялся, опустил взгляд. Здоровяк Артур нервно дотронулся до перечеркнутого желтоватым пластырем сломанного носа, Стэнли вздрогнул.

– Мы идем убивать Картера, – повторил Филипп. – Самопровозглашенного президента. Демона, чудовище, слугу Иного, который построил в этом городе ад имени самого себя. Потому что все, что мы знаем, сделал этот человек. Он создал лагеря. Он запугал всех тюремными поездами, навсегда увозящими людей через зону карантина в Город-17. Он утопил граждан в крови революции, а потом – в болоте коррупции и преступности. Он доводит людей до самоубийств, разоряет экономику, превращает наших детей в тупорылых отморозков с автоматами, которые ходят строем и готовы собственную мать зарезать. Он – чудовище, копающее нам могилу. Но его ждет шикарный сюрприз.

Филипп с трудом перевел дыхание.

– Мы двадцать лет терпели этого монстра и его детище – Совет Структур. Эту ораву ублюдков. Но теперь время пришло. Картер больше не даст никаких интервью, не будет плевать ложью и пафосной чушью в уже давно не верящий ему народ. Потому что завтра мы объединимся с пятью другими группами и выполним, наконец, нашу миссию, к которой нас так долго вел лидер Джамал. Завтра мы убьем Картера. А без него эта обезглавленная гиена, Совет Структур, сдохнет в течение нескольких дней. Как и предсказывало «Кредо свободного человека» мы пройдем испытание. Как и говорил Джамал, мы прекратим этот кошмар.

Почти все серьезно слушали. Стэнли приходилось приглядывать за улицей, но и он был весь внимание. Майя же хмуро взирала куда-то за спину Филиппа. Подавив вспыхнувшую на миг обиду, мужчина продолжал.

– Я не обещаю, что все мы переживем завтрашний день. Но что бы ни произошло, за что бы вы не сражались – за веру в нашего Единого господина, во имя мести или ради свободы, вы должны понимать одну вещь. Вы должны осознавать, что вы – лучшие люди этого города. И для меня было честью жить и бороться вместе с вами все эти годы.

Отряд зашевелился, бойцы молча посмотрели друг на друга. Филипп знал, что они уже давно сказали все нужное и товарищами и самим себе. И Филипп знал, что они готовы.

– А теперь спать, – распорядился он. – Лори, смени на посту Стэнли. Артур – ты тоже давай на боковую. Тебя подменит Майя.

Девушка стрельнула в него яркими глазами, нахмурилась. Филипп на секунду подумал, что она поняла его затею, но наваждение быстро прошло. Майя безразлично пожала плечами и вышла в коридор. За ней потянулись и остальные бойцы.

Выйдя из комнаты и добравшись до своей постели, Филипп поднял стоявший у изголовья автомат. Усевшись по-турецки на плед, мужчина принялся задумчиво разбирать оружие. Он достаивал каждую детальку таким вниманием, какого иная жена никогда не получает от супруга. Причина была проста: оружие Филипп собрал сам. Когда в помещение вошел Максим, прошло уже немало времени. Вставив на место пустой магазин только что вычищенного

автомата, Филипп сдул с цевья невидимую пылинку, передернул затвор и потянул за спусковой крючок. Оружие отозвалось сухим щелчком. Мужчина усмехнулся.

– Лучше бы тебе сменить старичка на что-нибудь другое, – покачал головой Максим. – Слишком серьезное дело намечается.

– Я уже был на серьезных делах, – улынулся Филипп. – И эта дрянь всегда была со мной.

– Командир, президента мы убить еще не пытались. Мы подрывники, и никто серьезнее патрульных Надзора с табельными пистолетами нам не встречался.

– Ты не понимаешь. Это не просто автомат. Это символ.

– Символ не защитит тебя от пуль. И не поможет достать сбшника или надзора.

– Как знать, Максим. Сколько наших уже легло. Тех, кто был вооружен со складов СГБ и годами учился воевать. Все эти дорогие игрушки им не помогали.

– А тебе, получается, поможет что-то другое?

– Да, – просто ответил Филипп. – Мне поможет этот старый кусок дерева и металла. Потому что она дает мне сил. Это печать, понимаешь? Печать, которая скрепляет то что было до Сопротивления и после. Она не даст мне забыть о том, почему мы уже много лет живем в холоде и не доедаем, почему мне нельзя будет завтра поддаться панике и сбежать.

– Надеюсь, – усмехнулся Максим, – что эта твоя печать еще и стрелять тебя научит поточнее. Боец из тебя особо никогда крутой не был. Ты уж извини, командир.

Филипп махнул рукой.

– Хорошая речь, – сменил тему Максим. – Простая, но правильная. Хотя ты меня удивил.

– Чем?

– Ты говорил, как проповедник. Как Олдус Марш. Я никогда у тебя не спрашивал, но ты веришь в Единого? В Иного?

– Я верю в «Кредо свободного человека». И в лидера Джамала, который его написал.

– Я не о том спросил. «Кредо» – духовный труд.

– Спорный вопрос.

– Может быть. В нем говорится о правильном быте, и многим этого достаточно. Но я хочу узнать, веришь ли ты в то, что лидер Джамал пишет о вечном духе? О Едином?

Филипп отложил автомат, растянулся на постели, уставившись в потолок.

– Не знаю, – отозвался он через несколько минут. – Не знаю, верю ли я в Единого. Но я верю в пули.

– Картер – сильный враг. Опасный враг. Враг, который подчинил своей воле целый город. Думаешь, пуль будет достаточно, чтобы его одолеть?

– Думаю, да. А если их не хватит – у нас еще есть гранаты.

Максим хмыкнул, неодобрительно покачал головой, но промолчал. Лег на расстеленный по полу матрас. Филипп подумал, что старый боец заснул, когда тот вдруг подал голос.

– Остальные уже давно спят, – тихо сказал он. – А если и не спят, то какая разница? Отправляйся к ней.

У Филиппа что-то ойкнуло в груди, к горлу подступил влажный жаркий комок. Он долго молчал, не находясь, что ответить.

– Это так заметно? – спросил, наконец, он.

– Нет, – отозвался Максим. – Но я уже пожил на свете и на многое насмотрелся. Остальные слишком заняты собой, поэтому не беспокойся.

– Она жутко удивится, – натянуто усмехнулся Филипп.

– Не удивится. Женщины замечают такие вещи. Она все знает.

– Может, в этом-то и проблема. Она меня презирает.

– Нет. Она злится, но не на тебя. После реформирования боевых групп ей нечем руководить, и она не привыкла подчиняться. Это пройдет.

– Надеюсь. Думаешь, мне стоит?..

- Уверен, – отрезал Максим. – Через сутки мы вполне можем быть мертвы.
– Ты прав.

Когда он вошел, девушка не казалась сильно удивленной. Света в комнате не было, но Филипп все равно мог разглядеть ее силуэт на фоне окна. Вряд ли кто-то мог сходу признать Майю привлекательной. Ее губы как обычно кривились в презрительной ухмылке. Ее фигуру как всегда скрывала грубая ткань камуфляжного комбинезона. На фоне кобальтового неба чернели забранные в хвост волосы, поблескивали холодные зеленые глаза.

Тихонько прикрыв за собой дверь, Филипп сделал пару шагов и замер в метре от нее. Так они стояли очень долго, глядя друг на друга. Девушка не выдержала первая.

- Ну? – требовательным тоном спросила она.

Мужчина прокашлялся.

- Ты понимаешь, – тихо начал он, – что это, быть может, последняя наша ночь?

- Чья это – наша?

Филипп отвел взгляд, помолчал.

- Ты – необычная, Майя.

Девушка усмехнулась, еще раз глянула в окно, сняла с плеча ремень автомата.

- Только не ори, – прошипела она, устремляясь вперед.

Она прильнула к нему всем телом, сильно толкнула в грудь, прижала к стене. Филипп быстро справился с удивлением, ответил на ее агрессивный поцелуй. Он учился у ее мягких полных губ, его руки искали под бесформенной одеждой очертания ее тела. Он хотел сделать ей приятное, не желал спешить, но ничего не вышло. Одной рукой Майя перехватила его запястье, затащила его под свою растянутую куртку, футболку. Вторая узкая ладонь скользнула вниз, бесцеремонно расправилась с его ремнем, опустилась ниже.

Почувствовав ее прикосновение, Филипп задохнулся от возбуждения, оторвался от хищных губ, его рука застыла на мягкой округлости груди. Майя не дала ему перерыва – вцепилась в горло, шибанула затылком о стену, впиалась в него новым поцелуем. Чувствуя подступающий к груди жар, Филипп наконец вспомнил, кто здесь мужчина.

Резко освободив руки, он оттолкнулся от девушки, развернул ее лицом к стене, налег на ее спину. Не выпуская одной руки из-под ее футболки, другой Филипп опустил ниже, резко рванул штаны Майи.

- Ах ты зараза, – приглушенно пробубнила она. – Иж чего захотел!..

Филипп не ответил. Нашупав искомое, он резко двинул тазом, вошел в девушку, надавил на нее всем телом. Майя напряглась, ее ягодицы напряжились. Мужчина почувствовал, как она выгибается под одеждой, но не дал ей перехватить инициативу, схватил ее волосы за хвостик.

- Только не ори, – хрипло пробормотал он.

Девушка промолчала.

Они ритмично двигались верх-вниз, борясь друг с другом и с бестолковыми мыслями, пушечными ядрами носившимися в их головах. Им мешала мешковатая грубая одежда, сковывала необходимость соблюдать тишину, словно они делали что-то постыдное и гадкое. Тяжелое дыхание вырывалось вместе с едва ли сдерживаемыми стонами, страсть стучала в ушах бесконечным набатом, так что оставалось только гадать, действительно ли получается не шуметь.

Чувствуя подступающий апогей, Филипп оторвал вспотевшую руку от затвердевшей пирамиды сосочка девушки, обхватил ее бедра, подстроил под свой ритм. Майя обернулась, взглянула на него в упор. От ее жаркого дыхания Филипп совсем потерял голову, но в последний момент успел оторваться, отступить на шаг, тяжело дыша. Он понял, что почти готов, просительно взглянул на девушку, но та лишь усмехнулась. В следующую секунду она развернулась, поставила ему подножку и сильно толкнула в грудь. Мужчина упал, разрываясь между

изумлением, еще не остывшим желанием и стыдом от того, что он забрызгал в падении сам себя.

Но не успел Филипп собраться с мыслями, как девушка оказалась на нем.

– Подожди, – хрипло буркнул мужчина. – Я же только...

– Поздно, – зло ответила она, обхватывая его бедрами.

После того, как все кончилось, Филипп еще долго лежал, размышляя, не грозит ли ему инфаркт, удастся ли еще когда-нибудь ублажить женщину, и что вообще сейчас произошло. Дыхание обезумевшим мулом рвалось из груди, ребра болели в тех местах, где девушка слишком сильно нажала руками. Когда мужчина все же нашел в себе силы приподняться на локтях, Майя уже стояла одетой у окна, зорко наблюдая за улицей. На плече висел автомат, на теле – бесформенная куртка, застегнутая до самого подбородка. На Филиппа она не смотрела.

Мужчина с трудом поднялся, ощущая в позвоночнике боль от твердого пола. Он неспешно оделся, посмотрел на девушку.

– Я не последний человек в Сопротивлении, – сказал он. – Я могу для тебя кое-что сделать. Что ты хочешь после того, как все это закончится?

Майя с удивлением обернулась, словно только сейчас его заметила.

– Почему ты спрашиваешь? – спросила она. – Ты боевой командир, но это не твое дело.

Заметив его изумленный взгляд, она презрительно усмехнулась.

– А, я, кажется, поняла. Ты ошибся. Мы трахнулись, Филипп. Ничего более. Завтра нас всех наверняка перестреляют, так что мне захотелось секса, а никого лучше тебя рядом не оказалось.

Мужчина недоверчиво покачал головой.

– И дело только в этом? В самом деле?

– В самом деле. Ты не в моем вкусе. Я слышала, как ты разговариваешь. Ты – фанатик.

Филипп нахмурился. В его голове голосили самые разные мысли, но в груди уже вставал знакомый сгусток отчаяния и обиды.

– Отговорки. Ты так говоришь, словно не хочешь нормальных отношений. Так не бывает.

– Если и хочу, то не с тобой. Закроем эту тему.

Мужчина покачал головой, развернулся. Ему захотелось оказаться как можно дальше от этой комнаты. Остановился уже у самой двери.

– Завтра мы сделаем великое дело, – тихо произнес он. – После этого ты передумаешь, обещаю.

Майя задумчиво взглянула на него, слабо улыбнулась.

– Может быть. Но чтобы его сделать, нужно хорошенько выспаться. Иди спать, командир. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Лейтенант Ричард Ортега стряхнул согнутым пальцем попавшую на ресницу дождевую каплю и приподнял воротник пальто. Чертов дождь словно наждачкой поглаживал город моросящей мерзостью, которую пронзительный ветер сносил под самыми неожиданными углами. Временами небесное решето словно прорывало, и тогда на землю вместо измороси проливались целые водопады воды. Не спасали и козырьки подъездов, под одним из которых ютился лейтенант – водяная пыль одинаково успешно проникала под навесы кафе, в переулки и под кроны деревьев.

Однако не только дождь был причиной раздражения Ортеги. Главным раздражителем являлся невысокий среднего возраста человек, жавшийся к стене дома под тем же козырьком. В очередной раз встряхнув плечами и вызвав тем самым целый водопад грязных капелек, Ортега продолжил начатый ранее разговор:

– Нет, вы мне объясните: какого хрена?

– Лейтенант, вы как будто сами ничего не понимаете, – недовольно ответил мужчина, поглядывая на галопирующие по горизонту темные тучи. – Ваше дело переходит к нам, теперь это забота Службы гражданской безопасности, а не Департамента Надзора. Уймитесь и поезжайте разбираться со своими проблемами.

– Нет у меня проблем! – рявкнул Ортега. Но, заметив оживившийся взгляд собеседника, он поспешно добавил. – И не надо мне их. Я не ставлю, майор, под вопрос вашу юрисдикцию и полномочия, но это, черт подери, третье мое дело подряд, которое снимает в ключевой момент СГБ. – Ортега дернул головой и сдул свисающие с волос капли. – Я таких намеков, майор, – если это намеки – не понимаю. Мой долг как сотрудника отдела расследований, – заниматься этими самыми, черт бы их побрал, расследованиями! И если я лезу куда-то в сферу чужой ответственности, то было бы здорово об этом услышать!

Майор СГБ задумчиво потянулся за сигаретами, но, вовремя вспомнив про дождь, раздосадовано вздохнул.

Мимо тем временем проехал черный грузовик с затемненными стеклами. Приблизившись к внешнему кольцу оцепления, водитель остановил автомобиль, и из машины начали неторопливо выбираться вооруженные люди в камуфляжных комбинезонах городской расцветки, бронежилетах, масках и шлемах с тяжелыми забралами. Быстро проверив документы, стоящие в оцеплении солдаты в схожей форме пропустили новоприбывших через кордон.

Глядящий на все это Ортега сплюнул в лужу и перевел недовольный взгляд на молчащего мужчину.

– Что, штурмовиков тоже своих привлекли? Наши-то чем не нравятся?

– Да что вы, честное слово, как... – начал было майор, но замолк и безнадежно махнул рукой. – Прямо патриотический припадок какой-то! Уже даже это сравнивать начали! Какая разница, кто работать будет, наше УСО или ваша «Кобра»?

– У сотрудников отдела «К» двое бойцов погибли на прошлой недели в Шестом Блоке, – напомнил Ортега. – Слышали, наверное?

– Еще бы, – отозвался мужчина. – Зато накрыли крупную партию пропагандистских материалов и отработали замечательно по Армии Нельсона. Ваша «Кобра», смею напомнить, взяла его, Нельсона, телохранителя живым, что позволило нам действовать дальше. Это успех, лейтенант.

– Это не отвечает на вопрос о том, почему Департамент Надзора отстранили от сегодняшнего дела. В этой квартире, в доме за углом, находятся трое членов Сопrotивления, выйти на которых...

– Не трое. Наблюдатели говорят, что их там больше.

– Не важно. Там бойцы Сопrotивления, выйти на которых было крайне нелегко. Еще вчера утром о них ничего не было известно, а сегодня, когда в районе вводится режим специальной операции, на место приезжаете вы и берете, значит, дело себе. Какое дело, майор? – Ортега усмехнулся. – У меня создается, знаете, такое впечатление, что СГБ просто отработывает за мой счет ежемесячную норму раскрытия преступлений.

– Оставьте такие мысли при себе, лейтенант, – недружелюбно глянул на Ортегу майор. – В здании находятся не укрыватели и не пропагандисты, там сидят террористы, а это – наша юрисдикция. Замечу, что, несмотря на озвученное вами неприятное совпадение, все эти три дела в ваш актив засчитаны.

Ортега, криво усмехаясь, собирался уже, было, ответить, как разговор вдруг прервали. Шлепая полными воды ботинками, под козырек влетел молодой офицер. Поприветствовав майора СГБ, он быстро доложил:

– Оперативно-штурмовые группы готовы, ждут приказа к началу операции.

– Ну, пусть начинают, коли ждут, – кисло отозвался тот, протирая залитые очки.

Офицер кивнул и, с неохотой выбравшись под дождь, скрылся. Ортега с интересом глянул на хмурого майора и поинтересовался, не ожидая, однако, ответа:

– Что-то вы, я смотрю, невеселый какой-то.

– Наблюдательный вы, – ответил неожиданно майор, после чего изменившимся голосом продолжил. – Сотрудники в Управлении спецоперациями хорошие, но их же раз, два – и обчелся... В наших условиях, сами понимаете, их готовить очень непросто. Терять таких нехорошо, поэтому и приходится прибегать к разного рода... спецсредствам.

Последний слог потонул в грохоте взрыва, затараторили сразу несколько пулеметов, после чего заговорила автоматическая пушка броневика. Через некоторое время бухнули целых два взрыва, потом еще один. И еще.

– Вот оно, – задумчиво протянул майор. – А спецсредства эти от дома мало что оставляют. Как из гранатометов здание обработают, так и моргнуть не успеешь – пожар! Или опора слетела. Или еще что. Строению конец, на восстановление нужны ресурсы, а отвечать за это мне придется. Так что не смотрите так на меня, лейтенант. Не из природного злорадства я этим занимаюсь.

– Ладно, Бог с вами, – махнул рукой Ортега и, не прощаясь, двинулся полубегом к оставленной неподалеку служебной машине.

Стоило ему только покинуть не слишком уютное, но кое-как спасающее от влаги укрытие, как дождь заколотил с новой силой. За поднятый воротник серого пальто хлынули потоки воды, ветер бросал в лицо капли мерзкой измороси, ноги то и дело находили грязные лужи разной глубины.

На бегу, чертыхаясь и кляня на чем свет стоит подлую погоду, Ортега бегло окинул взглядом происходящее неподалеку. Выбравшийся на полкорпуса за угол дома бронетранспортер от души поливал невидимое отсюда строение огнем из крупнокалиберного пулемета. Укрывающиеся за техникой и ручными щитами бойцы СГБ выцеливали окна из автоматов и ручных гранатометов.

Завалившись в салон автомобиля, Ортега с силой захлопнул дверь и попробовал утереть мокрое лицо мокрой же шляпой. Когда затея провалилась, он со злостью отбросил головной убор и завел мотор. Ему хотелось как можно скорее убраться подальше от чертова майора СГБ, от чертова дома, от всего этого чертова места.

В действительности лейтенант Ортега был взбешен. Сложившаяся ситуация не была чем-то выдающимся, Служба гражданской безопасности, «Старший брат», и правда частенько забирала дела Департамента Надзора. Случай банальной коррупции вполне мог вывести на террористическую ячейку, уличная драка – помочь в поисках активных боевиков, а странное поведение какой-нибудь семейной пары – раскрыть подпольный цех по производству оружия. Это была нормальная практика правоохранительных служб, однако Ортега, хоть и понимал, что он, скорее всего, ошибается, упорно старался найти проступок в своей работе, на который ему «намекали». Старался и не находил.

Три дела подряд, черт побери. Монополисты хреновы.

Оторвавшись от невеселых мыслей, Ортега включил радио. Ничто так не успокаивало его нервную систему, как работа с бумагами и – смешно ли! – выпуски новостей. Ортега прекрасно понимал пропагандистскую роль средств массовой информации города, что не мешало ему с удовольствием внимать им. После работы с ворами, убийцами и сумасшедшими ему чертовски хотелось услышать и поверить в то, что живет он не в таком уж и плохом мире и труд его приводит хоть к чему-то. Это был сладкий... не самообман даже, а сеанс душевной релаксации.

Впрочем, сегодня день не заладился с самого утра.

Некоторое время ему казалось странным, что он все еще слышит выстрелы и взрывы, ведь место проведения спецоперации осталось далеко позади. Однако теперь он понял, что они раздаются из радиоприемника, передающего прямой репортаж оттуда, откуда он так спешно

уехал. Голос же диктора, приятной женщины, ведущей передачи Единого новостного агентства уже пару десятков лет, Ортега просто не воспринимал. Слова ее проникали непосредственно в голову и уверенно закапывались в мозг, минуя, собственно, аналитический центр.

– Доброе утро, в эфире программа «Утренний обзор», в студии Елена Фролова. Начнем с экстренного сообщения. Раннее утро отметилось чередой антигражданских выступлений. В некоторых районах сразу трех Блоков города был введен режим специальной операции. Таким образом, в Блоках Пять, Шесть и Три временно действует ряд следующий ограниченный, одобренных в рамках гражданского закона «О борьбе с терроризмом» Советом Структур и Президентом Картером...

Ортега заскучал и переключился мысленно на другую тему. Все накрытые сегодня бандитские шайки принадлежали к группировке под названием «Спротивление», которая в большей мере досаждала спецслужбам чем, скажем, отморожки из Красного Крыла. Те фанатики просто обматывались взрывчаткой и бежали к постам Департамента Надзора, подрывая надзирателей из патрульной службы. Это было в высшей степени неприятно, но очень наглядно. Должно быть, отвечающий за пропаганду отдел СГБ был таким случаям рад, Ортегу же это бесило. Сомнительную пользу от этих случаев он понимал, но совершенно не одобрял. И не нужно было быть рядовым сотрудником Надзора, чтобы сочувствовать тем, кто так бесславно и бессмысленно погибал на службе. Но, по крайней мере, тут все было очевидно: террорист подорвал себя, граждане это видят и осуждают, требуя организаторов поймать и наказать. Все ясно и правильно.

Спротивление же действовало тоньше. Оно внедряло своих агентов везде, то и дело пуская в ряды спецслужб «тараканов», как их звали в отделе Ортеги. Те собирали информацию и помогали готовить теракты, которые беспокоили Совет Структур гораздо больше очередного самоподрыва одурманенного наркотиками идиота. Спротивление не только устраивало крупные теракты, но и крало пищу и воду, оружие, устраивало нападения на конвои с заключенными, учиняло сбои в работе теле- и радиовещания. В условиях чертовски ограниченных ресурсов и во многом плановой экономики города, окруженного на многие километры смертельно опасной и отравленной глушью, такая деятельность была категорически недопустима.

Диктор тем временем продолжала.

– ... сообщили, что на Барьер было совершено крупное нападение из зоны карантина. Сотрудники Департамента Надзора, несмотря на позднее время, достойно проявили себя в защите города, полностью уничтожив нападавших. Департамент Надзора за порядком напоминает, что если вы встретили аберранта или следы его деятельности, следует немедленно сообщить об этом в Службу городской очистки по телефону...

Что касается «позднего времени», то тут замечание попало в самую точку, пусть и не по содержанию, но по форме уж точно. Вид бесшумно замерших на перекрестке машин ввел Ортегу в уныние. Разумеется, он слышал о том, что утром центральное шоссе города будет перекрыто из-за кортежа Президента Картера, однако лейтенант и не собирался в контору в такой ранний час. Сейчас он должен был присутствовать при проведении спецоперации по ликвидации боевиков в Пятом Блоке, а не мчаться по скользкому асфальту, надеясь успеть проскочить через пересекающее город шоссе до того, как его наглухо перекроют люди из Службы охраны президента. Ну что же, видимо, не судьба.

Притормозив за последней машиной, Ортега приспустил окно и расстегнул верхние пуговицы пальто. Несмотря на дождь и слякоть, в салоне служебного автомобиля было довольно душно.

Закурив, Ортега с ленцой начал разглядывать стоящие вокруг него машины. Редко можно было увидеть столько гражданского транспорта сразу и в одном месте: далеко не все могли себе его позволить. Марки и так утекали на все подряд. Даже за еду, если ты хотел разнообразить свой рацион, приходилось платить этой валютой. Однако мало кто жаловался: все понимали,

что после войны и Заражения город находился перед лицом гибели, и то, что он выстоял в ту темную пору и продолжал уверенно функционировать, уже было замечательным достижением.

На дороге впереди начали с промежутком в несколько минут мелькать черные автомобили с тонированными стеклами. Одна только мысль о том, что в одной из них может находиться сам Картер, приводила Ортегу в странное возбуждение.

Переведя взгляд выше, насколько позволяла крыша его автомобиля, на окна высотных домов, лейтенант стал искать взглядом снайперов, наверняка простреливающих каждый дюйм дороги. Подумав об этом, лейтенант усмехнулся: он знал, что Служба охраны президента комплектуется бывшими сотрудниками специальных подразделений СГБ и Департамента Надзора. Хоть и понимая номинальную важность ее работы, где-то в глубине души он не мог избавиться от ощущения, что она довольно бессмысленна. За двадцать лет правления Картера лишь одна попытка покушения на него дошла до какой-то остроты. Однако люди продолжали приходить и уходить в этот орган безопасности, зарабатывая марки, повышая гражданский статус и сжигая нервы в атмосфере сумасшедшей напряженности.

«Все это бессмысленно», – успела мелькнуть невольная мысль в голове Ортеги, когда на дороге впереди вдруг произошло движение. Из ближайшего к перекрестку дома навстречу очередной паре автомобилей выскочил одетый в ярко-оранжевый рабочий комбинезон человек. Он успел пробежать не так уж и далеко, как вдруг шум падающего дождя разрезали сразу два мощных хлопка. Снайперы поразили человека в голову и шею, после чего тот безвольно рухнул на асфальт грудой бесформенного тряпья.

А потом вдруг взорвался, скрывшись в облаке серого дыма. Ортега инстинктивно потянулся за пистолетом, как вдруг его с силой бросило в сторону. В задний бампер служебного авто смачно въехал заспешивший развернуться грузовик. Перепуганные взрывом и стрельбой, водители заспешили убраться как можно дальше от этого места. Заревели двигатели, послышались крики, свист, грохот и треск сталкивающихся машин.

Начался хаос.

Автомобили возились, словно жуки в грязи, зажатые между соседями, сбивая мусорные баки и фонарные столбы, сминая и повреждая другие старающиеся выбраться из пробки машины. Ортега, ругая злым матом стадный инстинкт людей, постарался отъехать назад, но за ним уже выстроилось с десятков авто. Он отстегнул ремни безопасности, чтобы получше осмотреться, как вдруг краем глаза заметил несущийся на него из глубины всей этой свалки грузовик.

Последнее, что успело зафиксировать его отключившееся сознание, был мощный высокий бампер, врезающийся в дверцу автомобиля со стороны водителя.

Майя выглянула из-за угла и, выругавшись, нырнула обратно. Короткая автоматная очередь выбила каменную крошку из стены за ее спиной. Последовавший за этим огонь на подавление заставил девушку отползти вглубь переулка, что и спасло ей жизнь. Пулемет грохотал секунд десять, после чего атакующие дважды выстрелили из ручных гранатометов.

Ослепленная пылью, вся с головы до пят в грязи, Майя кое-как поднялась на ноги и укрылась за ржавым мусорным контейнером.

Они поняли, что за ними пришли, на рассвете благодаря следящему за улицей перед домом Лори. Именно он заметил приехавших надзирателей и поднял тревогу. У Майи тогда все похолодело внутри. Она прекрасно понимала, что ловушка уже наверняка захлопнута и выбраться они не смогут. Все и не смогли. Надзор почему-то замешкался, потом приехали еще машины – уже СГБ, судя по надписям на бортах – и еще... В какой-то момент спецназ их заметил и открыл огонь. Мигом подключилась бронетехника, начали стрелять с гранатометов. И тогда начался ад.

Филипп, как казалось Майе, погиб первым. Сразу несколько пуль перебили приклад его смешного самодельного автомата и пропоролы правую часть тела. Потом, уходя в переулок через черный ход, они не досчитались Стэнли. Возможно, его достал осколок гранаты. Или пуля вошедшего в здание спецназа. Это было неважно.

Плана у них не было никакого, они просто бежали от наступающих на пятки силовиков. Майя пыталась вывести у товарищей какие-нибудь пути отхода или хоть что-то полезное, но ее словно не слышали. Командиром их был Филипп, и его смерть до них пока что не дошла.

А еще через минуту погиб Артур и чуть было не погибла Майя.

– Лори! – начала было кричать девушка, но закашлялась.

Лори, слава Богу, понял все и сам. После гибели Артура и отступления Майи кто-то должен был взять направление в переулке на себя.

– Нас вот-вот окружают, – пробормотал Максим, не выпуская другой конец переулка из прицела пулемета. – Что делать будем?

– Нужно уходить в тоннели, – ответила, отдышавшись, Майя. – Пока они не зашли на крыши и не перестреляли нас тут всех, как котят!

– Да ты сдурела! – начал было Лори, но, не договорив, рухнул за груды мусора.

Через секунду грохнула граната, потом еще одна. В воздухе засвистели пули.

– Штурмуют! – проорал Максим, быстро разворачиваясь вместе с пулеметом.

Недостаточно быстро.

Две пули вошли здоровяку в верхнюю часть груди, еще одна пропорол горло, две другие разворотили лицо. Атакующие вошли в переулок. По укрытию Майи и Лори заколотили пули. Девушка понимала, что противник вот-вот применит гранаты. Высунув руку с пистолетом-пулеметом из-за контейнера, она начала стрелять вслепую. Как ни странно, спецназ огонь прекратил. Воспользовавшись ситуацией, Лори вытащил из подсумка гранату и бросил ее в направлении противника. Послышались крики, которые перекрыл резкий сухой треск взрыва.

– Пошли! – крикнула Майя, выскакивая из-за укрытия и поднимая оружие.

Впереди никого не было.

– Убил кого? – присоединяясь к ней, спросил Лори.

– Нет, ушли.

Они бросились бежать. Через некоторое время позади слышались голоса преследователей, останавливаться беглецы не могли. Стоило позволить атакующим перекрыть выходы из переулка, и их последняя надежда на спасение была бы потеряна.

Под ногами скользил грязный мусор, лицо заливал ледяной дождь.

Вывалившись за очередной поворот, Майя только чудом успела дернуться в сторону, чтобы избежать автоматического огня. Лори вскрикнул и упал. Прерывисто дыша, девушка швырнула из-за укрытия гранату, надеясь хоть на пару секунд задержать приближающихся солдат. Она обнаружила, что сидит прямо на искомом канализационном люке и поспешно осмотрелась. Из-за угрозы прорыва аберрантов через Барьер, все подобные люки, выходящие в город, были наглухо заперты, но у Сопротивления имелись ключи и не к такому.

Разобравшись с расшатанными креплениями, обдирая кожу на руках и ломая ногти, Майя таки сняла люк с пазов и отбросила его в сторону. Заняло все это довольно много времени, и живы они с Лори все еще были лишь благодаря чуду. И самому Лори. Пули прошли Лори левое плечо, так что рука теперь безвольно свисала вдоль тела. Сам же боец лежал за грудой мусора и вел огонь, не экономя патронов, выигрывая столь ценные для товарища секунды.

Майя уже была готова окликнуть его, призывая следовать за ней, когда пуля поразила Лори в голову, оставив темную, почти черную кровавую кляксу на стене позади. Со стороны атакующих кто-то закричал, предлагая использовать гранату.

Выругавшись, Майя нырнула в люк. Да, здесь можно было встретить аберранта, и не одного, но сюда за ней никто не последует.

Глава 2

Нашупав внушительную шишку на голове, Ортега в очередной раз болезненно поморщился. Он и сам не знал, зачем раз за разом трогал больное место, счастья ему это точно не приносило.

В больницу его доставили с час назад, и все это время он провел на первом этаже, дожидаясь врача. Серьезных повреждений он в аварии не получил, однако у него все еще кружилась голова, провериться казалось не лишним.

Наконец, шторку, отгораживающую койку лейтенанта от коридора, отвел в сторону хмурого вида молодой врач. Не тратя времени, он вытащил из нагрудного кармана халата небольшой медицинский фонарик и посветил им сначала в один, а затем и другой глаз Ортеги.

– Ага... Ваше полное имя?

– Ричард Ортега, – говорил лейтенант слегка невнятно, но вполне трезво.

– Место работы?

– Департамент Надзора.

– Ваш возраст?

– Сорок шесть лет.

– Какой сейчас год?

– Ортега! Эй, Ортега!

Лейтенант обернулся. К нему, уворачиваясь от врачей, медсестер и пациентов, спешил не слишком высокого роста коренастый человек в светлом пальто.

– Здоровы будем, Винкс, – протянул руку Ортега.

Коллега Ричарда по работе отличался, мягко сказать, не самой типичной для сотрудника следственного отдела внешностью. Он щеголял модно зачесанной густой шевелюрой и пышными светлыми усами, которыми при разговоре или просто так любил забавно шевелить, создавая впечатление куста, в котором спрятался батальон солдат. При невысоком росте и широких плечах, Эдварда Винкса гораздо проще было представить в рядах патрульных надзирателей, где-нибудь в оцеплении.

– Ну, как он? – спросил Винкс, остановившись и шумно втянув пропитанный медикаментозным запахом воздух.

– В полном порядке, – пожал плечами врач. – Вам сильно повезло, лейтенант. Я выпишу вам справку. Сегодня отдохните, а завтра...

Ортега встал с койки и, оправив пальто, возразил:

– Не стоит. Думаю, я все же пойду на работу.

– Как знаете. Но сегодня воздержитесь от активной деятельности.

Показав им, как пройти к выходу, врач направился по своим делам и быстро затерялся в толпе белых халатов. Шагая по черно-белой плитке приемного отделения, Эдвард добродушно заговорил:

– Слышал об утреннем вмешательстве СГБ в наше дело. Скажи честно, я не обижусь: это не ты Картера взорвать пытался?

– Очень смешно, – уныло отозвался Ортега. Его все еще слегка мотало в стороны, тело сковывала слабость.

– В любом случае, стоило взять отгул, пока предлагали. Марков на одиннадцать запланировал разнос всему отделу. Если поторопимся, успеем к основной раздаче. Машина у тебя не на ходу?

Ортега угрюмо покосился на напарника. Машина была совсем не на ходу. Счет лейтенанту никто за нее выписывать, конечно, не будет, но новую выдадут совсем не скоро. Похоже, предстоящие месяцы Ричарду придется довольствоваться общественным транспортом.

Уловив по выражению лица Ортеги суть его тяжких дум, Винкс кивнул:

– Ясно. Я тебя подброшу.

– Благодарю.

Они вышли из здания и забрались в служебную машину Винкса. Устроившись поудобнее, Ортега откинулся на спинку сидения и безнадежно осведомился:

– Как думаешь, когда вещи из разбитой машины доставят к нам?

– Доставят-то сегодня, вопрос в другом: когда тебе о них сообщат.

Ортега вздохнул.

Мягко тронувшись с места, автомобиль выехал на шоссе, влился в жиденький поток машин, и двинулся к центру города, к Первому Блоку.

– Да, Ричард, совсем забыл сказать. Ты попал в аварию.

Ортега свирепо уставился на коллегу, однако когда он заговорил, голос его звучал более-менее спокойно:

– Винкс. Я заметил.

– Не в том смысле. Не было никакого смертника, просто в районе случился взрыв газа в идущей под шоссе магистрали. В результате погиб один прохожий.

– А-а, – Ортега понимающе ухмыльнулся, – дошло. СГБ не хочет признавать, что наше-все Картер едва не погиб из-за одного укурка, увешанного взрывчаткой?

Винкс фыркнул.

– В общем, да. Наверняка сейчас ихний аналог нашего Маркова проводит раздачу слонов подчиненным, а те объясняют, где их крутая агентура и силы безопасности.

– Я бы, наверное, порадовался, да только после этого СГБ будет давить на Маркова, а Марков будет давить на нас. На кого давить нам?

– Ну-у, – Эдвард завращал усами, – помнится, в архиве сидит и чихает от пыли одна очень милая сотрудница. Я бы с радостью, э-э, надавил.

Ортега засмеялся. У Винкса была потрясающая способность менять тему разговора.

– Ну-ну, – покивал он, – ты смотри, дави не слишком сильно. А то на тебя надавит комитет по выдаче лицензий на деторождение, Марков надавит на твою работу и офицерское звание, а потом весь Департамент – на твой личный счет на карточке гражданина.

У Ортеги была потрясающая способность возвращать людей с небес на землю.

Департамент Надзора, как и некоторые другие городские службы, занимал целый закрытый комплекс зданий. Конечно, участками и отделениями, постами правоохранительных сил был усыпан весь город, но именно здесь, в Первом Блоке, располагалась штаб-квартира. Кроме автопарка, тренировочных площадок для сотрудников силового подразделения и нескольких офисных зданий территорию комплекса занимала единственная в своем роде Академия Департамента Надзора. Выучившись здесь, любой мог посвятить жизнь работе на благо города. Проработав в Департаменте Надзора немалое время и проявив выдающиеся результаты и личные качества, гражданин мог получить приглашение на работу в Службу гражданской безопасности.

Подъехав к воротам, охраняемым вооруженными надзирателями, Винкс высунулся из машины, снял перчатку и приложил к стационарному сканеру большой палец. Дождавшись утвердительного сигнала, он достал документы и передал их подошедшему охраннику. Ортега недовольно заворчал: ему для этих операций нужно было выйти из машины и обойти ее.

Разобравшись с идентификацией личности и документами, охрана подняла шлагбаумы и открыла ворота.

– Я прекрасно понимаю необходимость всех этих проверок, – пробурчал снова успевший намокнуть под дождем Ортега, – но каждое чертово утро проклиная их.

– Посмотрю я на тебя, если Соппротивление решится у нас что-нибудь взорвать, – парировал Винкс.

– Интересно, каким образом.

Машина преодолела охранный периметр и въехала на территорию комплекса. Это был целый городок со своими улицами и небольшими площадями. Большинство зданий представляло собой пяти-шести этажные блочные конструкции с плоскими крышами и облупившейся краской на стенах. Тем не менее, окна во всех зданиях были затонированы, словно хозяевам каждого до одного офисов и комнат было, что скрывать даже от своих коллег. Или от отдела собственного контроля, – хмуро подумал Ортега.

Проехавшись немного по узким улочкам, машина вильнула в сторону и остановилась перед не примечательным серовато-желтым зданием. Ортега взглянул на газон во дворе. Ричарду он нравился, пусть тот и нелепо контрастировал со стальным забором и самим зданием, да и не следил за ним никто уже лет двадцать. Что-то в нем напоминало о временах до Заражения, когда зелени в городе было гораздо больше. Ортега родился уже после войны, однако любил в свои студенческие годы просматривать видео- и фотоматериалы о тех временах.

Пройдя через пост охраны, Ортега и Винкс оказались в вестибюле. Внутренний интерьер здания выглядел не то чтобы блеклым, но незапоминающимся. Желтый линолеумный пол, облупленный временем плинтус, бежевая краска на стенах. Порой взгляд наткнулся на фотографии видных сотрудников Департамента, висящие в рамках. Больше ничего интересного, как ни старайся, найти не получалось.

Дождавшись лифта, Ортега и Винкс поднялись на пятый этаж. На входе в занятые отделом расследований помещения пришлось снова демонстрировать охране документы и сканироваться для подтверждения личности.

– Лейтенант Ортега, лейтенант Винкс? – окликнула их девушка на входе. – Полковник Марков проводит беседу с сотрудниками вашего отдела в комнате пятьсот пять. Присутствие обязательно.

– Беседа, значит, – Ортега попытался перейти на шуточный тон. – И давно началась экзекуция?

– Беседа началась шесть минут назад, – переходить на шуточный тон девушка отказалась.

Ричард ее не помнил. Очевидно, новенькая, неустанно следует всем правилам и изображает из себя сноба. Хотя с полной уверенностью Ортега этого сказать не мог: поутру он обычно бывал сонным и в лица не всматривался. Вела она себя вполне обычно. Нечего удивляться, что при однообразном образе жизни и нищенской зарплате она держалась холодно. Лицо у девушки было вполне приятное, светлые волосы собраны в короткий хвост, на лице минимум косметики. Под рабочей униформой проглядывалась приятная талия и приподнятая грудь. Она заметила заинтересованный взгляд Ортеги, но проигнорировала его. Жената или нет?

«А, впрочем, хрен с тобой», – подумал лейтенант. В любом случае любовные интрижки между сотрудниками Департамента были запрещены уставом.

Закончив проверку, охранники расступились, и напарники двинулись вперед. Картонные стенки двухметровой высоты разделяли большое помещение, формируя что-то вроде кабинетов, где и работали сотрудники отдела. Лишь старшие офицеры и руководство имели личные рабочие помещения, располагающиеся на другом конце этажа. Сейчас здесь никого не было видно. Очевидно, Марков решил помыть мозг всем и каждому, собрав подчиненных у себя.

Добравшись до нужной комнаты, Ортега и Винкс остановились, чтобы оправить одежду.

– Противодавательные щиты приготовил?

– Да ну тебя...

Этаж, собравшийся в полном составе, с дежурным интересом внимал речи полковника. Кое-кому посчастливилось усеститься на синие пластиковые стулья, большая же часть сотрудников маялась стоя – помещение не предназначалось для столь больших собраний, мест на всех не хватало. Марков же как раз остановился на какой-то пронзительной ноте, но, услышав, как отрывается дверь, обернулся к вошедшим:

– Ортега! Ты ж сегодня болеешь.

– Я выздоровел, – отрезал лейтенант, – сэр.

Полковник понимающе кивнул и скрестил тяжелые руки на обширной груди.

– Зачем машину угробил?

– ДТП, сэр, – не моргнув глазом, сообщил Ортега. Ему был по душе неформальный стиль общения начальника. – На шоссе рванула газовая магистраль, после чего какой-то идиот не справился с управлением и влетел в меня.

– В курсе официальной версии, молодец. За отмазку сойдет – значит, работать можешь.

Подождав, пока новоприбывшие протолкнулись в центр комнаты, Марков продолжил. Точнее, начал заново:

– Для только что появившихся напомним тему этого совещания. Я тут пришел к выводу, господа детективы, что вы нихрена не работаете.

– Сэр? – не слишком удивленным голосом уточнил Винкс.

– Да-да. Уж если в девятичасовом выпуске новостей ЕНА говорят о повышении уровня преступности, все должно быть не просто хреново, а очень хреново.

– Так в чем разница? – подал голос сухопарый мужчина из первых рядов. – Они всегда это говорят, это часть их работы.

– Уолберг, – ласковым голосом отозвался Марков, – разница в том, что к этому выпуску Шестой отдел СГБ отношения почти не имел. И озвучивалось только самое громкое. – Черты лица полковника вдруг приобрели суровое выражение, и он выразительно глянул на подопечного. – Твое последнее дело, Уолберг?

– Укокошенный чиновник из министерства образования.

– И?..

– Дело рук его коллег по работе. Чиновник этот черт знает сколько сидел на одном уровне гражданского статуса. Очевидно, все они были на чем-то неприятном завязаны.

– Дело закрыто?

– А это не ко мне вопрос, сэр, – с улыбкой развел руками Уолберг. – Дело было передано в следственный отдел СГБ, как попадающее под их юрисдикцию.

– Это какую же?

– Терроризм.

Ортега подавил смешок. Показательный пример не удался. Правда, казалось, что Маркова это нисколько не тронуло.

– Да черт с ними, с СГБ. Сегодняшнее происшествие – яркий пример того, что мы не тем занимаемся.

– Сэр, – осторожно заметил Ортега, – мне казалось, что сегодняшнее происшествие – как раз юрисдикция СГБ.

– Это наша общая юрисдикция. Чтобы устроить взрыв на дороге, нужно просто сходить в магазин и купить необходимое – при условии, что тебе известен рецепт изготовления взрывчатки. Но чтобы устроить взрыв на пути следования кортежа Картера, нужна информация, я уж молчу, опять же, про материалы для взрывчатки и вербовку смертника.

В зале повисла ощутимая тишина. Несмотря на то, что Марков не душил своих подчиненных злобной дисциплиной и сноба из себя строить не пытался, повторять что-то, касающееся реально серьезных дел, он не любил. Да и вообще Ортега уже давно пришел к выводу, что человек, дослужившийся до должности начальника следственного отдела такой мощной

структуры, как Департамент Надзора, простаком да и вообще добродушным человеком быть не мог. Вот и сейчас еще до окончания последней фразы полковник вдруг изменился в лице, нахмурился. Ортега с любопытством отметил про себя, что, казалось, начальник стал занимать больше места.

– Так что еще раз: это наша общая с СГБ юрисдикция. Мы делаем общее дело, пусть и по-разному, – Марков остановился, чтобы промочить горло. Ортега почувствовал на себе страдальческий взгляд Винкса, но только мотнул головой. Он прекрасно знал, что этой паузой Марков просто проверяет, насколько внимательно его слушают. Полковник обожал подобные фокусы.

– Так что, господа, – продолжал он, – хотим мы того или нет, но сделать вид, что ничего не произошло и скинуть работу на СГБ у нас не получится. Некоторые аспекты работы останутся за ними, некоторые за нами. На сегодняшний день мне нужно, чтобы вы максимально быстро проверили все моменты, связанные с террористическими группировками в городе, проработали все возможные версии случившегося и максимум к концу недели составили списки вероятных исполнителей и организаторов теракта. Кто чем займется?

– Сэр, – подал голос Винкс. – Мы с Ричардом могли бы выяснить, откуда они взяли материалы для взрывчатки.

Лицо Ортеги осталось невозмутимым, про себя же он удовлетворенно улыбнулся. В их с Винксом тандеме Эдвард занимал роль, которую Ричард часто сравнивал с тампоном. В то время как Ортега забивал за собой обязанности аналитического центра, Винкс по большей части занимался полевой работой, отгораживая напарника от бумажной волокиты и прочих мелких неудобств. Кроме того, Ортега, как ни старался – то есть старался-то он как раз не особо – богатым актерским даром не отличался, а в их работе умение угадать намерения людей и правильно им подыграть было очень и очень важным. Винкс же по жизни был человеком пугающе жизнерадостным, и любой, кто не был искушен в невербальном языке тела – как, например, Ортега – спокойно принял бы за чистую монету широкую добродушную физиономию лейтенанта.

Наблюдая годами за работой напарника, Ортега полагал, что Винкс вовсе не притворялся двадцать четыре часа в сутки, давая приятную улыбку, а действительно получал от работы с людьми истинное удовольствие. Особенный оскал Эдвард любил показывать после того, как очередной незадачливый дурачок попадался к ним с Ортегой на крючок и получал предложение, от которого чертовски сложно отказаться. Что уж поделать, лейтенант Винкс родился в семье с не слишком высоким гражданским статусом, а потому пробираться в Академию Департамента Надзора, а затем и в следственный отдел ему пришлось самостоятельно, без связей и чьих-либо подачек. Разумеется, это наложило на него определенный отпечаток.

Как бы то ни было, Винкс был отличным следователем, проницательным, но расчетливым. Вот и теперь, оперативно рассчитав в уме различные направления возможной работы, он быстро выбрал и застолбил за собой – и за Ортегой – сравнительно простое, но важное дельце.

– Вперед, – Марков утвердительно кивнул. – Отправляйтесь сейчас к Кусту, он со своими уже должен заканчивать взрывотехническую экспертизу. Отчеты направляйте лично мне.

– Смотри не забудь, что рядом с ним курить нельзя, – хмыкнул Винкс, когда они с Ортегой выбрались обратно в коридор.

– Эта шутка, – мрачно заметил Ортега, – была седой еще во времена раннего картерства, ты не находишь?

– Может быть. Однако пока от Фрэнка несет, как от химзавода, шутка не перестанет быть актуальной.

С этим Ортега спорить не стал. Действительно, эксперта по взрывчатке Фрэнка Куста сложно было представить вне отдела, в гражданской одежде – настолько крепко образ пропахшего взрывчатыми веществами лысого типа приелся работающим с ним коллегам. Его уди-

вительно чистый белый лабораторный халат вечно источал невероятную мешанину запахов, навевающих мысли о том, что стирался он не с порошком, а как минимум с серой.

Отдельной строки в департаментском фольклоре заслужила лысая башка Куста, подчеркивающая его невероятно длинный горбатый нос. Доподлинно было известно, что побрился Фрэнк сам. Вариантов же того, почему он это сделал, бродило великое множество. Самой распространенной оставалась версия о том, что как-то утром специалист по взрывчатке Департамента Надзора Фрэнк Куст поднялся с кровати, поставил завариваться смородинный чай и отправился в ванну для выполнения обычных утренних процедур вроде чистки зубов. Эти обычные дела были, однако же, прерваны неожиданно обнаруженным первым седым волосом, образовавшимся на голове Фрэнка. Постояв некоторое время в состоянии необыкновенной печали, Куст решил вдруг закрыть для себя проблему седых волос раз и навсегда, сбрав все волосы вообще. Решение, сказать прямо, внешность его совсем не улучшило, но проблема и правда была успешно устранена.

Фрэнк Куст обнаружился в курилке на одном из подземных этажей, где находилась взрывотехническая лаборатория.

– Здорово, – завидев приближающихся следователей, пробасил Куст, протягивая им руку. – Что хотели?

Роста Куст был немаленького, особой полнотой не отличался. Наоборот, он был довольно худым человеком, что совсем не вязалось с его мощным голосом и властными, с ленцой, движениями.

– И тебе привет, – Ортега пожал протянутую руку. – Полковник поручил расследовать утреннее дело. Выяснил уже что?

– А что конкретно интересует? – любопытно спросил Куст.

Ортега приложил усилия, чтобы страдальчески не вздохнуть. Фрэнк обожал задавать бессмысленные вопросы. Возможно, ему по каким-то причинам было неуютно в обществе коллег, и он пытался побороть неуверенность болтовней – кто знает. В любом случае выслушивать с десятков «чего» и «почему» у лейтенанта сейчас не было ни малейшего желания. Ну что, в самом деле, могло их с Винксом интересовать?

– Дай общую оценку. Все, что выяснил.

– Ну, – Фрэнк задумчиво поскоблил лысину, – бомба была самодельная, мощность порядка четырех-пяти килограмм в тротиловом эквиваленте. Работа от детонатора. Судя по тому, что снайперы прострелили смертнику башку, а взрыв произошел, по свидетельствам очевидцев, только через добрый десяток секунд, подрывник бежал с зажатым предохранителем, надеясь добраться до машины и потом уже его отпустить.

– Почему не рвануло сразу, как только его подстрелили? – поинтересовался Винкс.

– Мало ли, – пожал плечами Куст. – Причин может быть несколько. Скорее всего, самодельная хрень просто сработала с запозданием.

– То есть работа была халтурной?

– Не халтурной, просто так получилось. В метро два года назад Соппротивление использовало нечто очень похожее. Слышали, наверное?

«Нет, черт подери, не слышали», – зло подумал Ортега и нахмурился.

В последние годы боевики из Соппротивления устраивали все более и более дерзкие теракты, чуть ли не еженедельно попадая так или иначе в выпуски новостей. Если эту акцию также подготовили и провели они, можно было только представить те оплеухи, которые должны были получить работающие по этой банде сгбшники. «Впрочем – подумал Ортега – нет, хрен с ними, с сгбшниками».

– Из чего изготавливалась взрывчатка сказать можешь?

– Разумеется, – Фрэнк вдруг как-то подозрительно оживился, что не ускользнуло от внимания Ортеги. – Жир, азотная кислота, азотно-кислый натрий и древесные опилки. Все можно

приобрести в магазине. Растапливаем жир, чтобы всплыло сало, помешиваем. Сало затвердевает, сверху образуется глицерин. Добавляем к этой радости азотной кислоты и получим нитроглицерин. Добавим азотно-кислый натрий и древесные опилки – будет динамит.

Куст растянул довольное лицо в улыбке и замер в ожидании реакции, но Ортега не был расположен к шуткам.

– Фрэнк. Это же липа из какого-то старого кино.

– Надо же, – хмыкнул Куст. – Оказывается, не я один запрещенными фильмишками балуюсь. Где достал? Понравилось?

– Понятия не имею, чем ты там балуешься, – проигнорировал последние слова Фрэнка Ортега, – но давай серьезнее: чем пытались убить Картера?

– Известно, чем. А вот из чего... – Куст задумался. – Если серьезно, то очень похоже на кустарную взрывчатку, где воспламеняющийся материал взяли... ну, например, из сахарной пудры и субстанции в головках спичек. В действительности компоненты могут быть любые, вариантов множество, но почему-то то же Соппротивление чаще всего использует именно спички.

– Что, легко достать?

– До ужаса. Сами знаете, большая часть города после полуночи сидит при свечах, когда свет вырубает.

Ортега и Винкс хмуро переглянулись.

– Точнее сказать не сможешь?

– Пока нет, – Куст как-то странно, словно извиняясь, повел плечами. – Более-менее точная информация будет только к вечеру завтрашнего дня. Могу только добавить, что взрыв был направленным. Очевидно, жестянка со взрывчаткой находилась в другой заполненной поражающими элементами емкости, у которой верхняя часть была в форме выгнутой линзы. Очень самонадеянно, надо сказать, если они собирались убивать Картера.

– Ладно, Фрэнк, благодарю, – Ортега, поняв, что больше ничего от Куста не добьется, решил сворачивать разговор. – Что будет нового – сразу сообщай.

Распрошавшись со специалистом, Ортега и Винкс направились обратно к лифту. Ричарду чертовски не нравилось спускаться в подземные участки строения. Если надземные этажи можно было по уровню дизайна сравнить с пустыней, то подземные скорее походили на высушенную временем пещеру. Голые бетонные стены вечно излучали холод, шаги и слова отдавались в запутанных узких коридорах унылым эхом. «Неудивительно, – подумал про себя Ортега, с облегчением заходя в кабинку лифта, – что здесь работают люди вроде Фрэнка».

– Ну что, – подал голос Винкс. – До завтра отдыхаем?

Ортега уверенно и нецензурно пояснил свою позицию.

– Ну, нет, так нет, – Винкс продолжал излучать воодушевление с удвоенной силой, что временами здорово нервировало Ортегу. – Что тогда?

– Будем работать по спичечным заводам, – Ортега потянул было руку за сигаретами, но взглянул на стенки лифта и опомнился. – Маркову, видимо, хорошенько напекли задницу, а значит, он не будет терпеть промедления.

– Заводы могут быть ложной дорожкой, – Винкс хоть и продолжал лучиться энтузиазмом, все же пропустил на секунду выражение озабоченности, что не ушло от внимания Ортеги. – Кстати, коли уж мы об этом говорим, то не заводы, а завод. Он в городе один, во Втором Блоке.

– Во Втором? – со внезапно проснувшимся подозрением переспросил Ортега.

Ничего хорошего, разумеется, это означать не могло. Так уж у Ортеги повелось, что коли день не задавался с самого начала, далее он все более и более напоминал злобную бабку-вахтершу, ищущую способ насолить лейтенанту побольше. В данном конкретном случае это выразилось в необходимости навестить Рупута Шухмана, давнего знакомого Ортеги и Винкса, почтенного возраста выдающуюся личность, махровую гниду и феерического циника. Лей-

тенант всегда подозревал, что принятая за единицу хитрозадость их дражайшего с Винксом сослуживца заставила бы схожие параметры лидеров политических партий измеряться в каких-нибудь наношухманах. Как бы то ни было, самодурство его было очевидно, как кратеры на Луне, а потому к власти его никто допускать не собирался.

Так уж получилось, что именно Рупут курировал район, приютивший на своей территории спичечный завод, а значит, именно этого персонажа нужно было трясти на предмет информации о тамошних людях и нравах. В обычных обстоятельствах вероятнее было выдавить шутку из офицера СГБ, чем получить ответы от Шухмана, однако Ортеге с Винксом неожиданно повезло. По крайней мере, Ричард на это очень надеялся. Вряд ли попавшийся недавно на крышевании проституток и лишь чудом сохранивший не только работу, но и должность Шухман рискнул бы дальше злить начальство. Уж в том, что Марков разозлится, стоит Рупуту затормозить расследование такой важности, Ортега не сомневался.

Так и вышло. Разумеется, Шухман ломался, как школьница, всячески строя хитрые рожи и выдавая полупустые намеки на ответную помощь, но Ортега мог лишь пожелать ему удачи. Ни о какой ответной помощи он и не помышлял.

Впрочем, разговор с Шухманом того стоил, ибо благодаря своей шельмовской натуре работать он умел. Конечно, выдал он лишь самую необходимую информацию, однако и в ней было много любопытного. Так, например, выяснилось, что после событий в метро двухлетней давности Департамент проводил дотошную проверку завода на предмет разных тараканов. Безуспешно.

Кроме того, Рупут обещал свести Ортегу и Винкса с висящим на его крючке работником завода по имени Дэнни. Парень был пойман Шухманом на каком-то мелком воровстве, да так теперь и висел. Именно с него Ричард и Эдвард решили начать.

С трудом протолкнув по измученному горлу последнюю ложку жидкой каши с металлическим привкусом, Майя повалилась на подушку. Ее снова начала мучать тошнота, но поесть было необходимо. Она и так практически неделю не питалась нормально, пока с ней беседовали специалисты по допросам Сопротивления. Голова была словно размякший кусок ваты, сосуды на висках надувались от стучащей крови, походя на тонких мерзких червей. Она сильно температурила, зудела раздраженная кожа. Да уж, что ни говори, идея пройтись по каналам и карантинной части метрополитена была не самой блестящей. Однако она выжила и добралась до своих.

Свои, впрочем, ей не слишком обрадовались. Оно и понятно: сложно было с восторгом принять что-то грязное и пыльное, вылезшее из тьмы заброшенного тоннеля. Еще сложнее было с доверием услышать от этого человека, что он единственный выжил из всего отряда и каким-то чудом ушел от облавы. Это наводило на определенные мысли, не больно-то веселые, и вызывало вопросы. Сопротивление эти вопросы и задало.

Майю разбудил звук упавшей на пол посуды. Она все еще была очень слаба и, похоже, задремала, уронив ржавую металлическую тарелку с постели. «Да и черт с ней», – подумала она. Не хватало еще переживать о таких мелочах после всего, что произошло.

– Хулиганить вовсе не обязательно, – раздался от входа в комнату гортанный голос.

Несмотря на слабость, Майя резко повернула голову. Разумеется, ее вряд ли снова забили на допрос, но голос этого человека сопровождал ее всю неделю пыток и не мог не вызывать очевидной реакции.

– Дахоев, – сказала она. Намеревалась жестко и холодно, но голос предательски подломился на втором слоге.

В дверях стоял немолодой уже мужчина со спокойными глазами убийцы и ничего не выражающим, многое и многих пережившим лицом. Нижнюю его часть прикрывала спу-

танная борода с проседью. Поверх камуфляжной куртки висел разгрузочный жилет, с которым Дахоев не расставался никогда, равно как и с автоматом, перекинутым через плечо.

– Не волнуйся, – серьезно произнес он, – тебя никто не собирается забирать.

– Я не волнуюсь, – честно ответила она, глядя на него.

– Ты понимаешь, почему это было необходимо? – спросил Дахоев, проходя в комнату и садясь на стул в паре метров от кровати.

– Понимаю, – Майя отвернулась, чтобы собеседник не заметил выступившие на ее лице эмоции, которые она более не могла скрывать. Она вся бурлила от негодования и ярости.

– Ты могла быть крысой, – продолжал Дахоев. – Весь отряд Филиппа остался там, а ты выжила, да еще и прошла живой и незараженной через метро. Это было странно.

– Я понимаю! – повысив голос, повторила Майя. Разумеется, она все понимала, но при этом искренне была рада, что слабость не позволяет ей поддаться желанию вскочить и свернуть Дахоеву шею. – Что с другими? Я до сих пор не знаю, кто еще уцелел!

– Мы тебе верим, – спокойно произнес мужчина, игнорируя заданные вопросы.

Майя гневно уставилась на него, подбирая и отбрасывая все новые и новые ругательства. Ее всегда бесила манера Дахоева полностью закрывать любую начатую в разговоре тему, игнорируя все прочие реплики собеседника.

– Конечно, мы не можем быть уверены, – продолжал он, – но очень похоже, что ты говоришь правду. К тому же мы с лидером Джамалом приняли во внимание твои заслуги перед Соппротивлением.

– Кто еще уцелел?! – не выдержав, закричала, наконец, она.

– Ты одна.

Замерев на несколько секунд, Майя опустила голову на подушку и плотно закрыла глаза в бессильной ярости. Два коротких слова Дахоева означали, что в намеченный для смерти Картера день было убито около тридцати человек. Лучшие бойцы Соппротивления, среди которых было много друзей Майи. В том числе и все ее бывшие подчиненные, которыми она командовала до присоединения к отряду Филиппа. Это была катастрофа, которую сложно переоценить.

И, разумеется, это делало очевидным решение Джамала оставить ее в живых. Заслуги перед Соппротивлением, как же. Из нее сделают ходячее чудо, невероятным образом спасшееся из лап Надзора и СГБ. После произошедшего нужно было хоть что-то, что могло воодушевить людей.

– Теперь я понимаю. Еще больше, если это только возможно. Из всех выжила только я. Разумеется.

– Это не единственная причина.

Обычно Майя старалась уловить подоплеку любого дела, однако сейчас на нее навалилось сразу слишком много всего. Не дождавшись ее реакции, Дахоев продолжил:

– В этот день произошло еще кое-что. Покушение на Картера состоялось-таки.

Майе понадобилось все ее самообладание, чтобы не выдать себя. Дахоев был мастером в вопросах чтения людей, и сейчас он, безусловно, очень внимательно за ней наблюдал. С трудом поборов застрявший в горле комок, она спросила, изобразив некоторое недоверие:

– Кто-то еще пытался убить Картера? Красное Крыло? Свободное Общество?

– Джонатан Берг, – ответил, не сводя с нее взгляда своих отвратительно пронизательных глаз, Дахоев. – Смертник. Ты занималась полгода назад его подготовкой.

– Не помню его, – соврала Майя, изо всех сил стараясь выдержать взгляд собеседника. – У меня были группы по пять человек, несколько. Кроме меня их готовили еще трое, в том числе Олдус Марш.

– Знаю, – отозвался Дахоев.

– Не понимаю. Зачем было посылать смертника, если собирались работать мы. Значит, его посылали не вы, правильно?

– Конечно не мы. Хватит играть, девушка.

– Зачем ты мне это говоришь? – после некоторой паузы спросила Майя.

– Хочу увидеть твою реакцию, – произнес Дахоев и вдруг весьма приятно улыбнулся. – Уже увидел.

Майя внутренне содрогнулась, чуть ли не физически ощущая опасность своего положения. Она так и не научилась правильно понимать этого человека, одного из лидеров Сопротивления, а потому его улыбка могла означать что угодно.

Взяв себя в руки и искренне надеясь, что ее очевидная измотанность может частично скрыть эмоции, Майя спросила:

– Теперь вы подозреваете меня в связи с этим покушением?

Улыбка на лице Дахоева исчезла столь же быстро, сколь и появилась.

– Разумеется. Мы с тобой не дети, девушка, и мы не в детском саду – мы на войне. Когда кто-то распоряжается нашими ресурсами без нашего ведома, это может означать только предательство, – сделав ударение на последнем слове, Дахоев подождал, пока смысл сказанного станет полностью ясным, после чего продолжил. – Вот мне и интересно, не предатель ли ты. Или предатель кто-то еще? Или ты и кто-то еще вместе?.. Я бы сказал, что на твоём месте следовало радоваться такому серьезному подходу нашей организации к своей безопасности, но кто знает? Может, тебя это наоборот огорчает? Обременяет? Что скажешь, девушка, тебя это огорчает?

– Нет, – выдавила Майя, чувствуя, что под атакой Дахоева ей все труднее и труднее оставаться невозмутимой. – Я понимаю, зачем все это нужно. Это единственная причина, по которой я, например, не убью тебя. Но обвинения эти держи при себе. Я в Сопротивлении почти всю сознательную жизнь, у меня нет никаких причин желать нашему делу зла и нет никаких шансов выжить вне организации. Твои слова меня раздражают и только. Я не собираюсь оправдываться.

– Однако именно этим ты и занимаешься, – Дахоев встал, закинул автомат на плечо. – Я еще не знаю, предатель ли ты, и так ли тебе на самом деле нужно Сопротивление, но ты – Сопротивлению нужна. Поэтому поправляйся скорее, девушка.

Бросив последний, полный отвратительно функционального, пристального внимания взгляд на Майю, мужчина вышел из комнаты.

Глава 3

Информатор Шухмана, Дэнни, оказался прыщавым маленьким пареньком неполных двадцати лет с бледной кожей и отращиваемой щетиной.

– Хреново щетину отращивает, – прокомментировал из салона своего автомобиля Винкс. – Может, он и думает, что выглядит это как brutальные заросли, но на деле скорее долбаный лишай.

Ортега, сидящий рядом, данный тезис не прокомментировал. Он и при лучшем-то настроении был совершенно не расположен размышлять о том, как там и что себе отращивает незнакомый паренек, работающий грузчиком на спичечном заводе, а уж сегодня и подавно. Среди доставленных ему в кабинет из разбитой машины вещей он недосчитался куда-то мистическим образом пропавшего сборника песен весьма известной дореволюционной певицы. За сборник этот было в свое время отдано немало марок, но дело тут было вовсе не в деньгах. Можно было бы, конечно, скачать музыку из Горсети, но не в ближайшие недели, в разгар тематических проверок, затеянных отделом собственного контроля.

«Впрочем, – усмехнулся про себя угрюмо Ортега, – машину я все равно разбил, так что и музыку мне слушать теперь вроде как негде».

Дома Ричард предпочитал радио.

– Ну так что, пошли? – спросил Винкс. – Сколько его пасти можно? И смысл вообще какой?

– Не доверяю Шухману, – отозвался Ортега. – Сука он. Мало ли, что придумает.

– Да, разумеется, – скривил задумчивую физиономию Винкс. – Например, он нас грохнет! Вот возьмет и просто так грохнет! Потому что он сука. Логично. Короче, не хочешь – давай, как хочешь, а хочешь – так давай!

Выбравшись из машины, следователи не спеша перешли дорогу и побрели к тощему осведомителю. Заметив Ричарда и Эдварда, Дэнни нарисовал на лице независимую мину и с намерением бросить остроту изрек:

– Здравствуй. Я вас давно запалил, что вы, того, стояли. Что не подошли-то сразу, а? Привычка?

– Профессиональная, да, – оскалился Винкс. – А ты что-то больно воровато по сторонам глядишь. Тоже привычка, наверное?

Лицо Дэнни, и без того длинное, вытянулось еще больше. Ортега, который даже здороваться с ним не стал, про себя усмехнулся. Стало очевидным, во-первых, что Шухман четко пояснил пацану, что работает Дэнни не с ним, а потому парень и относился к ним как к левым надзорам. Таким образом их дражайший коллега, видимо, заранее отгораживался от любых их дел. Во-вторых, Дэнни явно считал, что они с Винксом не в курсе, почему тот помогает Надзору, а потому замечание лейтенанта изрядно выбило его из колеи. Ну что же, в таком случае славно, что эта встреча сразу принесла какие-то плоды.

– Это не очень хорошо, что у тебя такая антигражданская хренотень в привычку входит, – перестав улыбаться, в упор глянул на побледневшего парня Винкс. – Мы тебе навстречу пошли, вместо срока дали возможность поработать на благо города, а ты чего?

– А чего я-то? – набычился парень. – Не делал я ничего, стоял, того, вас ждал.

– Стоял он, – с пониманием улыбнулся Винкс. – Хвалю. Лучше, конечно, стоять, чем сидеть. Или, скажем, лежать. Но это дела возможного завтра, а сейчас у нас конкретное сегодня.

– Ладно, хватит языками трепать, – заговорил Ортега. Пугать Винкс всегда был горазд, а с людьми социального статуса Дэнни можно было смело блефовать: они без мелких проступ-

ков и преступлений выживают редко. Другое дело, что сейчас в этом большого смысла Ричард не видел: парень и так соглашался помогать.

– Нам нужна информация по заводу твоему, вся.

– Какая-токая информация? – чуть забеспокоился парень. Ясное дело, сливать товарищей ему было и неприятно, и небезопасно.

– Да любая, пацан, любая, – нетерпеливо ответил Ортега. Шло раннее утро, на улице было еще весьма прохладно, поэтому долго сыреть тут с изображавшим непонятливого шкетом ему вовсе не улыбалось. – Что у вас там вообще нехорошего творится, что подозрительного было в последнее время, нету ли странных работников... Ладно-ладно, – добавил вдруг лейтенант, заметив, что Дэнни становится с каждым словом все более угрюмым. – Ваши мелкие делишки меня не интересуют, можно без имен. Опиши ситуацию в общем.

– Ну, – парень поскреб пальцами затылок и озадачено посмотрел на вымазавшуюся при этом в чем-то руку. – Ну что, самое фиговое – это что у нас мужиков кто-то мочит.

– Мочит? – вопросительно поднял бровь Винкс. – Пропадают они, наверное, а не их мочат?

– Ну да, – неопределенно глянув на лейтенанта, ответил парень. – Уже три мужика за неделю пропали, все из разных цехов. В ночные смены пахали, а на утро хоп – и нету! И никаких следов, вообще ничего.

– Да, мы слышали, – Винкс вопросительно глянул на Ортегу и, уловив кивок, продолжил. – Давай дальше, это нам неинтересно.

Да, как ни странно, но вероятные убийства рабочих завода, скорее всего, вели не туда. Ортега с Винксом, конечно, отправили запрос ведущим дело коллегам, но больших надежд на этот след не возлагали. Террористы могут вербовать сторонников, распространять пропаганду, шантажировать предпринимателей, что-то красть, но убивать нищих безвредных трудяг им как-то без надобности. Что-то знать они тоже вряд ли могли: боевики не стали бы вести сразу несколько дел на одном объекте, связанных с разными цехами.

– Дальше, – задумчиво прогудел Дэнни. – Ну, дальше что?.. Ваши надзоры в прошлый вторник начальника третьего цеха увели, говорят, на лапу брал. А так что, мирно все, того, без происшествий.

– Ладно ты хрень городить, – разозлился Ортега. – Левые заказы какие-нибудь поступают? Чтобы производили больше, чем в бухгалтерии указано?

– Это я не знаю, начальник. Я на складе работаю, к бухгалтериям не отношусь. Мужики тоже не знают, иначе б, того, жаловались.

– И верно, – высказался молчавший уже некоторое время Винкс. – Ты лучше другое скажи: прут из остатка много? – увидев округлившиеся, готовые визжать на всю улицу о своей невинности глаза Дэнни, он быстро добавил. – Да ладно тебе рожи кривить. Время сейчас серьезное, у большинства ваших мужиков в карманах не больше, чем в головах, ну. Разумеется, воруете, сучьи дети. Никого загребать не собираемся, имен не спрашиваем, так что кончай сопли жевать и давай по делу: воруете?

– Ну, – по небольшому раздумью отозвался Дэнни, – того, бывает, кто-то из мужиков что в дом отнесет. Но какое же это воровство?.. Оно ж на рынок не идет, потом все едино – в утиль!

– Так. В последнее время не было такого, чтобы больше обычного исчезало? Может, мужики твои смеялись, типа, кому так много спичек или еще что. Не слышал?

– Не, начальник, – уверенно, без раздумий ответил парень, – чего не было, того не было. Иногда, говорю ж, того, носят домой остатки, но что б много – не было.

Ортега всмотрелся в парня и понял, что тот не врет. Либо сам сильно засел в этом дерьме, а потому убедительно скрывает.

– Ладно, дружок, спасибо, – Винкс снова врубил генератор энтузиазма, причем так резко, что даже привыкший уже Ортега немало удивился, что уж говорить об побледневшем Дэнни. – Давай, беги. Если что будет – свяжемся.

Ричард с Эдвардом уже собирались отправиться обратно к машине, когда парень вновь подал голос. Причем звучал этот голос довольно возмущенно и притом недоверчиво:

– Это!.. Того... Погодьте, а плата что?

– Какая плата? – обернулся с грозным видом Ортега. Он уже догадался, о чем идет речь.

– Ну, – немного смутился Дэнни. – Шухман мне обычно, того, за разговоры платит. Я же вроде как, того, на Совет Структур работаю, вся хрень.

– Вся хрень... – зло протянул Ортега, глядя на вконец удрученного парня. – Ну так ничего не изменилось, Дэнни. Как тебе Шухман платил, так и на этот раз заплатит. Бывай.

– Он сказал, с вас требовать, – нашел в себе силы возразить молодой человек.

– Ладно, ты иди, я разберусь, – хлопнул Ортегу по плечу Винкс. Признаться, Ричард был ему за это весьма благодарен, о чем не забыл сообщить в машине, как только туда забрался рассчитавшийся с прыщавым информатором Эдвард:

– Говорю же я, Винкс, ты как тампон между мной и окружающим миром.

– Я в восторге, Ортега, но за столько лет нашего знакомства даже такой чертов циник и зануда, как ты, мог бы выдумать метафору попримичнее.

– Считаю это за признательность.

– Считаю же, дружище, считаю! Давай-ка лучше о деле.

– Ну а что о деле? – утомленно произнес Ортега, массируя лицо. – Лично я ничего толкового не услышал. Опять эти дурные пропажи рабочих, опять какая-то мелкота, ничего реально ценного. Придется копать все и надеяться, что какая-то ниточка к чему-то все же приведет.

– Вероятно. Но ты не забывай, что он мог не все рассказать, – Винкс достал сигарету и закурил, приспустив стекло. – Шухман мог дать инструкцию особо задницу не подставлять и о серьезных делах не говорить. Либо, что еще веселее, парень может сам быть пешкой во всей этой игре.

– Не похоже, – подумав, сказал Ортега. – Но, конечно, возможно. К сожалению, других людей с завода у нас нет. Разве что начинать копать еще и по всей этой мелкой хрени, ища рыбку.

– Времени уьем до черта и больше, – озабоченно ответил Винкс. – К тому же будет рыбка на крючке мотыльком – поработаем с ней один раз и все. Блок-то совсем не наш.

– А что делать, – усмехнулся Ортега. – Сами вызвались.

– Ну, – лицо Винкса приняло задумчивое выражение. – Можно, теоретически, попытаться на этот завод устроиться работать. Скажем, замом начальника какого-нибудь цеха.

– Что, собираешься сам этим заняться? – Ортега скривился, представляя себе все неудобства работы под прикрытием. – Так накладно же, что даже думать не хочется. Да и времени, небось, займет немало.

– Пару месяцев поработаю, если ничего не замечу – закроем тему, – Эдвард выбросил окурок в окно, пристегнулся, и машина легко тронулась с места. – А ты пока по остальным вариантам пройдешься. Может, дело все же и вовсе не в этом заводе. Куст вечером пришлет результаты экспертизы, там и посмотрим. А пока давай к мистеру давителю заявимся, выпросим для меня на эти два месяца отгул.

– Да ты мастер несвоевременных визитов, – хмыкнул Ричард. – К нему как раз первые доклады после «беседы» должны поступать, а там обычно столько перспектив и позитива, что он бесится, как черт.

– Уж если он и бесится, то точно не как черт. Скорее как... мангуст.

– Ты хоть раз в жизни видел живого мангуста, Винкс? – уточнил Ортега.

– Нет, конечно. Ладно, нечего задницы мозолить, поехали. На месте разберемся.

Как выяснилось, собственно, на месте, разбираться было особо не с чем. Марков и правда собирался разгребать уже подступающую волну литературных шедевров от своих подчиненных, но в силу раннего часа был еще сравнительно благосклонен к окружающим.

– Можно войти? – постучавшись, спросил Винкс.

– Лейтенант, – отозвался полковник Марков, подняв на вошедших дружелюбный взгляд. В кабинете кроме него находились лейтенанты Эмберли и Железняк. Судя по напряженным выражениям лиц, следователи докладывались о проделанной работе, а по ходу дела пытались понять, насколько гладко проходит их треп.

– Прошу меня извинить, господа, – развернулся к ним Марков. – По проделанной работе все ясно, но не помешала бы детализация, слишком уж много у вас переменных. В течение дня жду отчета.

Эмберли и Железняк с каменными лицами профессиональных халтурщиков встали со стульев, – несколько поспешно, – и проследовали к выходу, – подозрительно неторопливо. Ортега догадывался, в чем дело, и усмехнулся про себя. Как и в любом рабочем коллективе, в отделе расследований народ вовсе не обожал вкалывать круглые сутки. Идеалистов было достаточно, но вот чтобы кто-то дорабатывал с огнем в глазах до пенсии – такого Ричард еще не видел. Проще говоря, все любили делать как можно меньше, получая за это как можно больше.

По этой причине примерные сроки расследований в докладах растягивались, отличаясь от реально необходимого времени дай Боже если в два-три раза. Схема была простой: из месяца работы весь необходимый ее объем выполнялся за неделю, далее же требовалось с уверенным видом гонять балду оставшееся время, что чудесным образом любили делать все: как сотрудницы бухгалтерии, так и brave следователи. Марков это прекрасно понимал, но по какой-то причине особо не пресекал, ограничиваясь периодическими облавами. Тем не менее, в разговоре с ним обычно было нелегко понять, насколько серьезно полковник фиксирует уровень брехливости, что ему известно, а о чем он только догадывается.

В данном конкретном случае Ортега был уверен, что выпроваживание Эмберли и Железняк посреди доклада было умышленным: лейтенанты получили время подумать и оценить степень риска при дальнейшем валянии дурака.

– Присаживайтесь, господа офицеры, прошу.

Полковник Марков сидел за самым обыкновенным рабочим столом, какие пачками штамповались на мебельном заводе города для нужд различных городских служб. За годы учебы и службы Ортега видел точно такой же стол в учебных классах своей школы, кабинетах деканата и ректората академии, офисных помещениях различных учреждений. Было что-то забавное в том, что и в его с Винксом кабинете стояли точно такие же столы. Эдвард любил шутить, что производя одинаковые столы, Совет Структур пытается укрепить единство граждан. Насчет единства Ричард не знал, а вот разнообразие убивалось на корню.

– Полковник, – приветственно кивнул головой Ортега, усаживаясь на такой же стандартизированный стул.

– Ортега. Что волнует юную душу?

– Сволота и мразь, полковник, – спокойно отозвался Ортега, юная душа которого подбиралась к пятому десятку. Ответ, как он ожидал, должен был вызвать определенную положительную реакцию. Но как часто случалось с Марковым, результат вышел совсем иным.

– Так сажать их надо, лейтенант, – Марков озабочено приподнял брови. – Что ж вы их не сажаете?

– Закон не позволяет, – попытался сострить Винкс.

– Ой да ладно – «закон», – Марков озорно улыбнулся. – Закон это инструмент. Иногда можно и опустить. Уж вам-то это как никому должно быть известно.

Винкс снова открыл было рот, но Ортега без капли эмоций на лице пнул его под столом ногой. Марков любил такие вот разговоры ни о чем, из которых, похоже, черпал для себя какую-то информацию о собеседниках. Или нихрена не черпал, а только делал вид, кто его знает.

Полковник Марков был, конечно же, любопытнейшим самодуром. За годы службы он умудрился выстроить работу с подчиненными таким образом, что каждый из них, отдавая себе отчет о его хитрозадости, проникался к нему искренним уважением.

Марков никогда не срывался на крик, не проводил массовых репрессий в отделе, не наливался от ярости кровью. Но его опасались. За полковником всегда чувствовалась грандиозная сила, которая стояла как-то особняком даже среди обычных денег и власти. Да, Марков наказывал провинившихся, да, увольнял сотрудников, но все по делу, прикопаться к его поведению обычно мог разве что обиженный, то бишь уволенный, человек. Кроме того, Марков был до безумия пунктуальным и чертовски внимательным с подчиненным.

Он ездил на дорогушем автомобиле, сделанном по уникальному заказу, который сам себе с его зарплатой ни за что бы позволить не смог, но при этом было достоверно известно – Марков взятки не берет. Вне зависимости от гражданского статуса предлагающего мзду человека, тот получал от ворот поворот, да при том еще и с мыслью, что легко отделался.

В связях Маркова тоже был какой-то парадокс, потому как начальник отдела расследований Департамента просто не мог быть лично знаком со всеми теми влиятельными людьми, которых периодически видели с ним за непринужденной беседой. Отсюда мягко вытекала еще одна занятная деталь: никто не мог сказать ничего конкретного о его прошлом. Ни где тот учился, ни где работал до того, как его назначили начальником отдела. Да и хотя бы вообще когда его назначили.

О нынешней его жизни тоже было известно мало. Он занимался рукопашным боем, но никто не знал, каким. Он замечательно стрелял на соревнованиях Департамента, но никто не знал, где он упражняется. Он был женат, но никто не знал ни имени его супруги, ни чего-либо о возможных детях.

Любопытно Марков вел себя при беседах с подчиненными. Он умудрялся задавать вопросы с настолько очевидными ответами, что их можно было бы назвать риторическими, но магия заключалась в том, что идиотом чувствовал себя отвечающий, а вовсе не Марков. Простыми разговорами он легко выводил людей из равновесия и смущал их до крайности, сложными же мог довести любого до отчаяния, логично и неизменно корректно доказывая любые, даже самые абсурдные тезисы.

Словом, полковник Марков был человеком-загадкой. Кем-то очень непредсказуемым, а потому опасным. Его подчиненные предполагали, что Марков был способен на очень и очень многое, но как далеко это «очень многое» простирается, никто выяснять не решался.

Лейтенант Ортега проработал с Марковым уже много лет, но вот и теперь, выйдя из его кабинета, он не мог понять, каким образом его выставили дураком и выставили ли вообще.

– В любом случае, – потряс головой Винкс, – свое мы получили. Отгул мне таки выдали.

– Да, только я так и не понял, что он думает о проделанной работе. Эта его улыбочка...

– Есть вещи куда интереснее, и над ними тоже стоит поразмышлять, – прервал его Эдвард.

– Например?

Винкс раскрыл дверь в их кабинет и с ходу утрамбовал задом стул.

– Например, то, – произнес он, странно улыбаясь, – что мы уже восемь лет обсуждаем после бесед со стариком, дураки ли мы.

Передвигаясь мерным шагом на чуть согнутых ногах, Майя Фаукс пристально вглядывалась в дышащую ей в лицо пылью, порохом и духотой темноту. Удерживаемый на вытянутых

руках пистолет чуть подрагивал, несмотря на тренированные запястья и большой опыт. Майя все еще не решалась полностью положиться на два пальца правой руки, лишь недавно оправившиеся от полученных при допросе переломов. Добравшись до конца отмеченного заранее участка, девушка быстро развернулась и двинулась вполуоборот обратно, сменив на пистолете ведущую руку.

На этот раз она не прошла и четверти пути, когда в десятке метрах впереди появилась подсвеченная внезапно включившимся ламповым светом пара людей. Молодой человек с перекошенным злобой лицом грубо схватил за горло женщину средних лет, прижав ее к себе на манер живого щита и целясь в Майю с пистолета. Повинуясь рефлексам, девушка произвела два выстрела, прострелив заложнице грудь и достав стрелка в горло. Еще до того, как картонная мишень перестала подрагивать от попаданий, Майя зло сплюнула, поняв свою ошибку. Конечно, никто не требовал от нее ювелирного обращения с оружием, но Майе уже не нужны были наставники, чтобы пытаться постоянно совершенствоваться в том, от чего зависело ее выживание.

За то время, что девушка провела в Сопротивлении, ей довольно часто приходилось участвовать в боевых операциях группировки, вступая в бой с сотрудниками Надзора и СГБ. Несколько раз ей даже посчастливилось сталкиваться с их спецназом, лишь укрепившим ее веру в то, что без оттачивания боевых навыков она рано или поздно схлопочет-таки пулю или осколок от гранаты.

Случившееся недавно фиаско с гибелью группы Филиппа стало на этом фоне весьма и весьма значимым событием. Во-первых, Майя еще никогда не была так близка к смерти, а во-вторых, она ясно понимала: если бы не ее старательные тренировки, одной только близостью дело бы тогда не ограничилось.

Поэтому ее чертовски раздражало, что у нее не всегда получалось верно реагировать на появляющиеся мишени и действовать соответственно ситуации. Если бы в реальном бою вместо придурка с заложницей перед Майей предстал спецназовец со щитом, ее первого промаха хватило бы на гибель от автоматной очереди.

Сделав ровный вдох, девушка возобновила движение и еще дважды плавно нажала на спусковой крючок. Первая дырочка от пули образовалась в голове преступника, вторая у него же в районе ключицы.

Тир на данной базе Сопротивления, расположившейся в карантинной зоне метрополитена на одной из заброшенных станций, был оборудован на славу. Помимо богатого выбора мишеней присутствовала возможность отрабатывать меткость и технику стрельбы в условиях приглушенного света и полной темноты, ориентируясь на звук. Имелась и тренировочная площадка для отработки квартирного боя, представлявшая собой созданный из подручных материалов макет этажа со сложной планировкой. Кроме того Майя могла сравнительно свободно обращаться с боезапасом, недостатка в котором на базе так же не наблюдалось. Не привыкшая к подобной роскоши, но привыкшая экономить на всем Майя всегда проводила немало времени в тирах, если попадалась возможность посетить крупные лагеря группировки.

Преступник с заложницей исчезли, лампа потухла. Продолжая свой неторопливый путь, Майя прислушивалась к царящей в зале относительной тишине, стараясь предугадать, где выскочат из темноты следующие цели. Не прошло и десяти секунд, окрашенных горьковатым нетерпением и легким напряжением, как в свете ламп неподалеку друг от друга появились два силуэта. Быстро взяв первый на прицел, Майя увидела мужчину в грязной одежде с неприятной заросшей давней щетиной физиономией. Стрелять, безусловно, хотелось, но он не был вооружен. Удовлетворенная быстро проделанной аналитической работой, Майя быстро повела стволом ко второй мишени, которая оказалась пожилым мужчиной в длинном пальто. Легкое замешательство оборвалось двумя резко выскочившими мужчинами – юнцом, сжимающим в руках

автомат и офисным работником, держащим в той же, что и парень, позе дипломат. Оперативно сориентировавшись, Майя трижды поразила первого, не останавливая ровного шага.

Этот условный противник мигом породил перед ее мысленным взором картину из прошлого. Отвратительно циничную, типичную для сложившейся к тому времени в городе ситуации. Тогда она впервые убила человека.

В поле зрения вербовщиков Сопrotивления Майя попала, смешно ли, в двенадцать лет. Разумеется, никто тогда не собирался делать из нее то, чем она в конце концов стала, но семейное горе, судьба ее на тот момент еще весьма короткой, но уже наполненной совсем не детскими испытаниями жизни позволяли рассматривать ее как потенциальную смертницу или, на крайний случай, боевика.

В еще юном возрасте Майя уже состояла на учете в отделе Департамента Надзора по делам несовершеннолетних. Она попадалась на воровстве и хулиганстве, порче общественной собственности. В школе девочку характеризовали весьма негативно, а чертовски низкий гражданский статус ее родителей с богатой антигражданской историей понятным образом дополнял представление о ней окружающих.

После смерти родителей поведение драчливой и сквернословящей девчужки лишь ухудшалось, что светило ей переводом в специальную школу для детей с антигражданскими наклонностями. Туда бы она и отправилась, если бы внезапно не исчезла. Проведя небольшое расследование, сотрудники Надзора легко и быстро обнаружили, что девочка уже несколько месяцев как активно общалась с прочими районными сорванцами, часть из которых, – те, что постарше, – через пять-десять лет всплыли в рядах Сопrotивления. Майе на это потребовалось несколько больше времени, однако причиной тому был недосмотр правоохранителей, а не ее прилежание.

Новые мишени появились на существенном удалении друг от друга. Выстрелив семь раз, Майя попала пять. Медленно выдохнув, она прищурила зеленые глаза, плотно сжала губы и продолжила движение.

Девушка провела на разных базах Сопrotивления два года, занимаясь стряпней и уборкой. Поначалу она считала, что попала в крутую уличную банду, в чем ее не переставали убеждать старшие товарищи, с которыми она познакомилась на улицах. Длились иллюзии не так уж и долго, потому как весьма скоро Майю принялись подвергать идеологической и агитационной обработке.

Когда Майя догадалась, – без особой, впрочем, дрожи, – куда попала и задала прямой вопрос, ее сразу же инициировали по всем правилам группировки. Взятой на рейд вместе с небольшой диверсионной группой Майе настойчиво предложили застрелить плененного патрульного надзирателя, довольно молодого парня лет двадцати двух. Несмотря на юный возраст, Майя была уже совсем не ребенком и прекрасно понимала, что нажав на курок, она не только навсегда что-то для себя решит, переступив через общественную мораль и закон, впервые убив человека. Вышибив мозги этому надзору, она закроет для себя какой бы то ни было путь в жизни, не связанный с ее новыми друзьями.

Не зная, как поступить, девушка попыталась разыграть обморок, но была весьма решительно приведена в чувства. Видя ее нерешительность, куратор добавил парочку дополнительных обещаний, что с ней произойдет, не сделай она выстрела. Пожалуй, можно было бы обойтись и без этого, но уж что произошло, то произошло. Обещанные «бонусы» девушка запомнила на всю жизнь. В ту ночь четырнадцатилетняя растрепанная испуганная до полусмерти Майя впервые убила человека. Может быть, даже двух, потому как от ее существовавших до того детских представлений о ценностях и каких-то принципах не осталось ни следа.

С шоком и психологической травмой Майе никто бороться не помогал. Отношение к ней окружающих вообще резко изменилось, словно все вдруг сбросили с себя роли озорных и отчаянных бандитов, обнажив грязные немые морды с волчьими осками, более свойственные

обычным ублюдкам и убийцам. Возможно, кто-то другой и сломался бы, Майя же смогла взять себя в руки. Стараясь справиться со стрессом, она много работала, осваивала какие-то полезные бытовые навыки, начала учиться обращению с огнестрельным оружием, плотно занялась боевыми искусствами, как их называл ее учитель, бывший сотрудник Надзора. «Боевые искусства» оказались brutальным мордобоем, эффективным и жестоким набором разных техник и методов рукопашного боя, применявшихся в Надзоре силовыми подразделениями. Привыкшая к уличным дракам с мальчишками, Майя не боялась боли, быстро училась и скоро достигла весьма удовлетворительных результатов. На этом, правда, ее обучение с профессиональным инструктором и закончилось, потому как его весьма неаппетитно расстреляли сгбшники при штурме обнаруженного лагеря.

Снова сменив ведущую руку, Майя двинулась обратно. Следующие цели она обстреливала предварительно присев, целясь в руки и ноги, после чего отрабатывала грудную клетку и голову. По нормативам СГБ девушка, возможно, и не отличалась невероятными способностями, но большинству повстанцев было до нее очень и очень далеко.

Через несколько лет после «инициации» Майя получила свой первый боевой опыт, чуть было не потеряв руку, которую прострелил из пистолета охранник в магазине. Мужчина был убит, лавочка ограблена и сожжена. Отходящая банда боевиков кое-как тащила оглушенную от боли Майю с собой, но двигалась из-за раненой недостаточно быстро. Их нагнал Надзор. В результате перестрелки несколько человек пострадали, а группе пришлось затаиться. Разъяренные друзья да товарищи грубо воспользовались девушкой. Возможно, она бы и вовсе не пережила ту ночь, если бы укрытие не накрыли по горячим следам силы Надзора и СГБ. Шокированную и раненую Майю, по счастью, солдаты приняли за гражданскую. Руку ей спасли, оказав на месте грамотную медицинскую помощь, после чего при транспортировке девушке удалось сбежать. Несмотря на произошедшее, она прекрасно понимала, что стоит попасть в больницу и позволить установить личность – ей конец.

Раненая, кое-как переставляющая ноги от усталости, Майя вернулась к Сопrotивлению, которое весьма своеобразно отнеслось к ее чудесному спасению, несколько дней выпытывая с большим пристрастием все детали происшествия. Надзор любил отправлять взятую в плен экстремистскую молодежь обратно в группировки, проведя предварительно жесткую и предельно ясную беседу. Сопrotивление должно было все проверить, что оно и сделало. Проверке подверглось как пулевое ранение, так и факт изнасилования. По окончании допросов, девушка была реабилитирована, и получила право вернуться в строй пушечного мяса.

Примерно к этому времени Майя вдруг вынырнула из тянувшейся несколько лет дремы, когда тупая и тяжелая работа не позволяла внешне спокойной и расчетливой девушке вернуться мыслями назад. К тому выстрелу, который оборвал жизнь молодого надзора и круто изменил ее собственную. Она понимала необходимость разобраться, что же, черт подери, с ней произошло, и как она ко всему этому пришла, но откладывала это до последнего. Однако травма оказалась довольно глубокой, и девушка не раз вдруг понимала, что лежит ночью на жестком тонком матрасе, давясь истеричными слезами.

В какой-то момент она начала смиряться с ситуацией, тихие истерики прекратились. Однако внезапное крещение огнем не только вскрыло едва затянувшиеся раны, но и конкретно в них покопалось. Доведя себя за несколько месяцев после случившегося до ряда обмороков и обширного психического истощения, Майя вышла из кризиса сильно изменившимся человеком. Убийства перестали вызывать у нее большой выброс адреналина, слова «мораль» и «этика» больше не вызывали даже улыбки. Нет, ей не стало все равно, но сама она стала другой.

Расстреляв последний магазин, Майя включила в тире свет и начала упражняться в стрельбе по дальним мишеням. Промахиваясь, девушка презрительно кривила губы или сплевывала на пол, на удачные выстрелы никак не реагировала.

За дальнейшие годы Майя больше не менялась, несмотря ни на крупные удачи, ни на оглушительные провалы, сопровождавшие террористическую деятельность Сопротивления. Сложно было удивить и задеть за живое человека, который ненавидел все и вся. По крайней мере, так было до недавнего времени. До тех пор, пока девушка не раскрыла для себя новую глубину гнили и мерзости. Она шла по трупам к своему высокому положению в группировке, организовывала теракты и никому не доверяла, но вскрыть предательство в самых основах Сопротивления было для нее очередным ударом, на которые жизнь была невероятно щедра.

Выпустив в грудь интеллигентного вида парня с пистолетом в руках последнюю пулю, Майя спокойно поставила оружие на предохранитель и, убрав мишени в стойки, вышла из тира. Да, ей на радость судьба вновь врезала прикладом по зубам, но Майя не собиралась носиться с визгами, ожидая, что это как-то разрешит ситуацию. Она намеревалась ждать, искать возможности. И когда удачный момент представится, Майя будет готова.

Глава 4

Быстрых результатов работа Винкса на заводе не принесла. Впрочем, лейтенант на это и не надеялся. Поначалу рабочие относились к нему с явным недоверием и осторожностью, пытаясь понять, что за фрукт представляет собой новый замначальника. Марок на предприятии много не платили, до существенного повышения гражданского статуса можно было дослужиться лишь лет через десять унылой провонявшей потом работы, подорвав вдобавок печень. Поэтому добравшиеся-таки до этой почетной социальной ступеньки индивиды обычно являли собой весьма интересные экземпляры. Единственное, чем человек мог утешить себе жизнь, будучи, скажем, начальником обжигового цеха, было стремление к власти. Это стремление он, нисколько не сомневаясь, и реализовывал, причем в самых вызывающих и нецензурных словесных формах.

Рабочие за это начальников почему-то очень не любили, поэтому Винкс не слишком удивился, что на контакты его новые подопечные не шли, а физиономии строили весьма кислые. Стало очевидным, что вот так просто, с наскока, вытянуть что-то из этих не слишком умных, но чертовски упрямых мужичков не удастся.

Кроме того приходилось все же исполнять обязанности замначальника на далеко не самом благополучном предприятии. Завод являлся единственным производителем спичечных материалов в городе, что автоматически снимало вопрос о конкуренции. Последнее же привело к тому, что руководство вот уже лет тридцать как не собиралось не только закупать новое оборудование, но и ремонтировать должным образом имеющееся. Производство шло с постоянными сбоями, качество его от года к году падало все больше и больше, вызывая недовольство оптовиков. Правительство же вкладывало в предприятие поистине немалые суммы, которые, впрочем, доходили до пункта назначения в изрядно уменьшенном количестве. Единственным более или менее эффективным раздражителем, приструнивавшим коррупцию, был Комитет по чрезвычайным ситуациям, которому в какой-то момент надоело тушить пожары, вызываемые некачественной продукцией завода. Под давлением КЧС недобросовестные чиновники несколько поумерили пыл.

Прибыль завода оставалась минимальной, иногда ее не было вовсе, потому как планировать должным образом производственный процесс никто не собирался. Его руководители получали от правительства свои марки и жили вполне достойно, а потому лично в прибыльности предприятия заинтересованы были примерно как коты в поэзии. Завод жил в условиях отсутствующих конкурентов, а потому мог не бояться закрытия. Никто не собирался закрывать предприятие, пусть кое-как, но производящее нужный городу товар, а также создававшее какие-никакие, но рабочие места. Впрочем, задержки зарплаты стали обыденным делом, а уж об оплате сверхурочных часов говорить и вовсе не приходилось. Рабочие приходили на завод каждое утро по инерции, а скорее потому, что работа на городском предприятии гарантировала третью порцию еды и позволяла, отпахав десятку, стать начальником. До сего благостного момента нелюбимым, после же, вдруг – реабилитировавшимся. Прочая мотивация отсутствовала напрочь.

Вот в такую вот веселую, так сказать, организацию и попал Эдвард Винкс. Впрочем, были и безусловные плюсы. Низкие дисциплинарные нормы и общая безнадега постоянно приводили к дракам и пьяным выходкам на производстве, с которыми ему приходилось разбираться. Быстро поняв, как работает мышление местных работяг, Винкс оперативно сменил тактику и несколько вечеров подряд зверски заливался алкоголем в компании с рабочим коллективом. Коллектив понемногу начал оттаивать, а посему скорое братание с Винксом стало делом техники.

Но и это ощутимой пользы не принесло. Да, как и говорил Дэнни, рабочие периодически таскали домой разную мелочь, начиная от мыла и швабр из туалетов и заканчивая производимой продукцией, но ничего превышавшего мелкие бытовые потребности Винкс рассмотреть не мог.

Несколько рабочих из цеха лейтенанта были замешаны в деятельности небольших банд, но их плотная проверка не выявила никакой связи с террористическим подпольем. Единственным реальным результатом был выход на ячейку практически приконченной Армии Нельсона. Стало это возможным благодаря все тем же неутомимым работягам, которые после очередной пьяной движухи решили последние деньги спустить на местных девочек. Район, где располагался завод, был не самым благополучным, а потому и качество проституток и их расценки отличались приемлемой демократичностью. Отследив цепочку движения заработанных уличными принцессами денег, Винкс весьма удовлетворился результатами. Впрочем, это все еще не имело никакого отношения к его основной задаче.

Тем временем прошло уже больше месяца с момента покушения на Картера. Надзор, как и СГБ, бурлил деятельностью, и не проходило ни недели, чтобы в каком-нибудь Блоке города не вводился режим специальной операции. Ликвидация активных участников бандформирований пока что поглощала внимание начальников Департамента, однако скоро с Винкса и Ортеги наверняка спросят результаты их деятельности по поиску каналов поставки взрывчатки, и вот тут-то пока что был затык.

Решение нашлось совершенно неожиданно, когда Винкс отслеживал одну из многих интересовавших его, но казавшихся не особо перспективными ниточек. Некоторые работники завода тащили производственные запасы вовсе не для себя, а для продажи оптовикам. За вечер оптовик мог собрать из получаемых от работяг крошек весьма солидный батон, причем за совсем смешные марки.

Ухватившийся было за идею Винкс, впрочем, быстро остыл: один за другим все проверяемые им оптовики оказывались самыми обычными торгашами, работавшими с не менее обычными розничными торговцами. Так было до тех пор, пока в очередном проверяемом Винкс не узнал замначальника одного из цехов. Мужчина и раньше попадался в поле зрения лейтенанта как активный пьянчуга и любитель дешевой непривередливой любви, но на том же воровстве его поймать пока не получалось. Последнее было, если подумать, тем более подозрительным.

Служка за подозреваемым поначалу не вызвала никаких сложностей. Предприимчивый работяга по имени Марк Жряк был толст снаружи и глуп внутри. Подняв воротник старой выцветшей куртки, втянув голову в шею, словно укрываясь от дождя, он быстро удалялся от завода в направлении Загона – местного культурного центра, предлагавшего целый спектр запрещенных товаров и услуг всем, кто мог себе их позволить как карманом, так и наклонностями. Скрывалась реальная деятельность Загона под видом народной ярмарки. Народность заключалась в том, что у всех крупных игроков Блока были какие-то претензии на прибыль местечка.

Как и во всех подобных местах, качество товара соответствовало солидности собирающегося тут сброда. Боевики трущобских банд тратили заработанные кровью и потом – преимущественно, чужими – марки на не первой свежести девочек и грязную дурь. Между киосками и лавками, где под полкой между канцтоваров лежали ценники на оружие, сновали малолетние восторженные пацаны позднего школьного возраста, старающиеся выглядеть солидно и задиристо. За занавесками из засаленных тканей или брезента договаривались с держателями торговых точек исполнители более-менее серьезного уровня – из тех, которые успешно дожили хотя бы до двадцати пяти-тридцати лет и все еще помнили, как составлять из слов предложение.

Разбавленное пиво отдавало кислятиной, туалеты воняли, помимо очевидного, снующими кое-где собаками, от собак несло прижившимися у Загона бездомными. Бездомных посетители Загона не любили, но терпели – они были практически дармовой рабочей силой. Впрочем, на саму ярмарку их не пускали – дабы поддерживать престиж.

Поддерживался престиж или нет – сказать было нелегко. Деловые люди в Загон не захаживали.

Для Надзора, по идее, Загон должен был являться точкой номер один в списке на облаву, но высокие чины Департамента явно имели с этого места огромные прибыли. Рядовые же надзиратели получали на свои задницы огромные проблемы. Здесь, как знал Эдвард Винкс, можно было закупиться оружием, снаряжением разного толка, даже свежеспертыми электронными документами граждан – идентифицирующими картами, содержащими всю личную информацию и имеющими доступ к личным счетам людей. Ношение с собой Карт, – прозванных в народе «шкурами» за сегментированное покрытие, напоминающее змеиную кожу, – для граждан было строго обязательным, в случае их потери надлежало немедленно обратиться с заявлением в ближайший отдел Надзора, после чего утерянную карту блокировали. Местоположение «шкурки» отслеживалось дистанционно, но работающие в криминале технари давно уже нашли способы глушить сигнал. За то время, что обычно требовалось нерасторопному гражданину на обнаружение пропажи, высиживание в очередях в Надзоре и, наконец, заполнение заявления, предприимчивые посетители Загона успевали распорядиться средствами с карты и успешно замести следы своей деятельности. Дальнейшие блокирования «шкур» и связанных с ней счетов помешать уже никому не могли.

Стоили «шкур» немало, немал был и срок, который можно было отхватить, попавшись с чужими документами патрульному.

Винкс Загон ненавидел. Будучи выходцем с улиц, он успел заработать внушительную коллекцию отметин в своем мысленном послужном списке. Молокососом еще он воровал, потом работал посыльным. Когда начал вдруг осознавать, что детство прошло, вошел в силовый костяк фанатской фирмы одной из пяти футбольных команд города. Постоянные разборки с соперниками позволяли выпустить пар, наплевать на все и разряжать чуть ли не каждый день копившуюся годами злобу на весь белый свет. Потом, через много лет, когда Винкс узнал, что все до одной фирмы были созданы и управлялись с согласия Совета Структур, он уже давно не жалел о том, что когда-то входил в одну из них.

Тогда, мальцом, он много слышал о Загоне и чертовски хотел хоть раз в нем побывать. Но его лицо, вместе с подвигами, оставалось слишком хорошо знакомым на улицах, чтобы гулять без солидного сопровождения приятелей, да и Надзор, несмотря ни на что, не желал бесконтрольного вливания в деятельность ярмарки всех подряд молодых быков.

А все же хотелось. Среди молодых людей о Загоне всегда ходили самые безумные слухи, обычно прямо отражающие те проблемы, с которыми встречались ребята. Трудности с девушками быстро превращались в баллады о невероятном распутстве и доступности тамошних дам, вечная бедность обещала закончиться со вступлением в какой-нибудь близкий к Загону уличный клан, а гладкая повседневная серость создавала истории о ежедневных крутых разборках и приключениях.

Мечта исполнилась, когда во время очередного выхода Винкс и его приятели разбили лицо сыну не того папаши. Перед Эдвардом встали две альтернативы. Та, которую он выбрал, обязала его отрабатывать на загонском ринге в боях без правил. За полгода Винкс чуть было не стал инвалидом, спас его лишь опыт постоянных футбольных мордобоев. Отделался несколькими переломами, вбитыми костяшками, порванным ухом и кучей жизненного опыта.

Да, Винкс Загон ненавидел, пусть и чувствовал себя кое-чем ему обязанным. И теперь, приближаясь к этому местечку, он вовсе не был в восторге. Марк Жряк получил известность, в общем-то, только за два поистине уникальные достижения. Он никогда не трезвел да умуд-

рялся при том оприходовать чуть ли ни все остающиеся с алкоголя деньги на женщин. Какие уж хтонические резервы были заложены в этом человеке, Эдвард не знал, но сомневался, что они имеют какое-то отношение к расследуемому лейтенантом делу. Переться же вслед за ним в освещенные слабыми лампами провонявшие потом, кровью, мочой и деньгами узкие коридоры Загона ой как не хотелось. Скорее всего, Жряк тащился за очередной порцией дури и водки. Либо шел поговорить по поводу долга, взятого у местных барыг, которые давно уже окрутили его с ног до головы. Но взрывчатка и помощь Сопротивлению?..

Впрочем, Винксу повезло. Загон как раз показался в конце улицы, тихий, угрюмый, не привлекающий покупателей яркими вывесками и плакатами, когда замначальника цеха остановился и принялся топтаться на месте, поминутно сверяясь с часами и опасливо оглядываясь. Дабы не привлекать внимания, Эдвард зашел в книжную лавку, укрывшись за засаленной витриной так, чтобы его не было видно с улицы.

– Желаете чего-нибудь, сэр? – мигом подскочил к нему сухой низенький мужик лет пятидесяти. Точный его возраст было сложно установить из-за застаревшего слоя пыли, живущего в морщинах на лице.

– Не стоит беспокоиться, – отозвался Винкс, машинально принимая добродушный вид. – Если мне что-то понадобится, я дам знать.

– Может быть, вас интересуют какие-то особенные книги? – не обращая внимания на его реплику, продолжал мужичок. – Могу предложить вам некоторые экземпляры довоенной и революционной литературы, на которую, говорят, вот-вот наложат запрет.

– Не стоит беспокоиться, – повторил лейтенант чуть менее, но все же дружелюбно. Ему встречались, помимо прочих, совершенно увлеченные своим делом психи. Если мужичок был из таких, нервировать его грубым тоном было совсем ни к чему.

Жряк все еще топтался в тени переулка, прямо у дороги.

– Вот, например, могу предложить вам...

– Мужик, – повернулся, наконец, к продавцу Винкс, – не надо мне твоих...

Лейтенант резко замер, не сводя глаз с сидевшего в глубине магазина человека. Это был громила лет двадцати. Крупные черты лица было сложно разобрать, потому как физиономию парня крест накрест пересекала яркая татуировка-«менди» одного из уличных кланов. Широкие карманы потертой куртки были оттопырены по последней моде бандитской швали. Торгаши говорили, будто в таких куртках было удобно носить пистолеты и ножи. То, что время от времени оружие дырявило из модных карманов своих модных обладателей, прочих бандитов явно не вразумляло.

Покуривая какую-то дрянь, парень с явно привычным ему вызовом смотрел на Винкса, пуская ртом кольца дыма. Эдвард бросил взгляд на продавца: мужик все так же рекламировал свой товар, уставившись пустыми глазами с полопавшимися капиллярами куда-то вдаль.

Не произнеся больше ни слова, Винкс вышел на улицу. Как оказалось, весьма вовремя.

Жряк был уже не один. Рядом стоял парень лет тридцати. Не было ничего удивительного в том, что Эдвард не заметил, как тот подошел. В унылой серой куртке, темных штанах, с темной короткой прической в вечерних сумерках и паршивом освещении парень был довольно непримечателен. Не слишком массивный и без отличительных знаков банд. Вообще без цветов кланов, то есть вряд ли мордovorот. Вел он себя довольно спокойно и уверенно, так что и торговцем горячей травой, черным порошком или какой иной дрянью он, скорее всего, не был. Да и смысла торговать дурью у парадного входа в Загон не было никакого. Это как усесться на пикник прямо перед дверями ресторана. Вообще проворачивать какие-то дела у стен ярмарки, если можно было войти внутрь, казалось бессмысленным. С другой стороны, парень мог быть исполнителем при каком-нибудь серьезном человеке, а потому не желал лишний раз подмачивать свою растущую репутацию пребыванием в Загоне, кто знает.

Винкс полез, было, за наушниками и направленным микрофоном, но встреча вдруг окончилась. Жряк подошел к уличному терминалу, проверил что-то на своей «шкурке», кивнул, быстро пожал парню руку и двинулся к Загону. Похоже, проверил поступившие средства и отправился их бездарно пропивать. Лейтенант собрался двинуться следом, как вдруг нечто заставило его замереть в тени переулка.

Парень, с которым только что расстался рабочий, постоял немного один, разглядывая улицу, а затем достал из-за пазухи мобильный телефон и быстро пошел вниз по улице, в обратную от Загона сторону, к станции метрополитена, тихо с кем-то разговаривая.

Это несколько меняло дело.

Мобильный телефон был не самой редкой, но и далеко не распространенной вещью в городе. Обычно его приобретали либо те, кому он был реально необходим – как, скажем, Винкс по долгу службы – либо те, кто мог спокойно выкинуть немалые марки ради престижа обладания устройством. Левые шестерки с мобильными телефонами ходить не могли, это уж точно. Разве что левые шестерки каких-то действительно серьезных дядь. Таких, например, которые имели отношение к бандподполью.

Догадка могла быть ошибочной. Все же делать далеко идущие выводы лишь из-за наличия у человека мобильника было не слишком разумно. Кроме того, Винкс уже достаточно утомился от безуспешных поисков хоть каких-то ниточек в этом деле, поэтому мог просто неосознанно подгонять действительное под желаемое. И все же чем дольше он следовал за парнем, тем больше убеждался, что тот не случайный человек. Приятель Жряка не оглядывался и не проявлял беспокойства, несмотря на поздний час и весьма неблагополучный район. Его одежда не носила цветов никаких кланов, татуировок Винкс также не замечал. Шел парень долго, целеустремленно, не останавливаясь, но лейтенант, прекрасно знавший район, быстро понял, что мужчина не направлялся в какое-то конкретное место. Он путал следы. В его передвижениях явно не было ничего, свойственного маршрутам местных горожан. Но при этом парень не походил на психа, совсем наоборот. Его поведение настораживало.

Прошел уже час с тех пор, как Винкс отправился за странным парнем, а тот так и не думал останавливаться. За все это время он ни разу не обернулся, но Эдвард почему-то то и дело ловил себя на тревожной мысли, что незнакомец знает о преследователе и заманивает его в ловушку. По дороге парень прошел пару станций метрополитена и несколько автобусных остановок, миновал крупные жилищные комплексы, как трущобные, так и весьма приличные.

Да уж, неожиданно-негаданно Винкс, похоже, и правда вышел на ячейку Сопротивления. В том, что именно эта организация устроила покушение на президента, не сомневался уже никто. Данная информация была получена из надежного источника вскоре после происшествия, после чего подтверждена как Надзором, так и Службой гражданской безопасности. Причастных к вербовке смертников установили, некоторых даже удалось ликвидировать в рекордно быстрые сроки. Однако не всех. Пока не всех.

Время шло, а парень все так же уверенно двигался в никуда.

Размышляя, не пора ли что-то предпринять, Винкс на минуту забылся и без проверки повернул на углу здания городской библиотеки, где ранее скрылся парень.

Который стоял точно за поворотом.

Встретившись взглядом с умными спокойными глазами, изучающе смотрящими на него, лейтенант долгую секунду боролся с внезапно залившей тело волной горячего страха и горьким осознанием того, что сделать что-то уже поздно. Однако опыт и выдержка взяли свое, Винкс потупил взгляд и мелким, напряженным шагом обошел парня, направившись дальше. За спиной не раздавалось ни звука, но Эдвард ждал нападения. «Если это будет нож, – думал он, – есть хоть какие-то шансы. Если же пистолет...»

Ничего не происходило.

Пройдя метров двадцать, он резко, как бы испугано, обернулся. Парень исчез. Неизысканно выругавшись, Винкс распрямил спину, быстрым взглядом прошелся по отходящим от перекрестка улочкам, но никого не увидел. Значит, парень двинулся обратной дорогой. Впрочем, пойдя за ним следом, Винкс рисковал бы также нелепо попасться во второй раз. Матеря на чем свет стоит происходящее, лейтенант осмотрелся и, коротко подпрыгнув, повис на невысоком решетчатом заборе здания библиотеки. Подтянувшись, помогая себе ногами, перебрался на другую сторону, тяжело спрыгнул на заросшую неухоженной зеленью землю. Вокруг раскинулся дикий темный сад, заваленный горами строительного мусора, образующими лабиринты, где стенами были костлявые строительные леса. Едва двинувшись вперед, Винкс споткнулся и чуть было не упал. Света на территории библиотеки не было. Все походило на то, что идея срезать тут путь оказалась на редкость неудачной.

Выставив вперед руки и чуть сгорбившись, Эдвард Винкс, как мог быстро, двинулся вперед. «Найду говнюка, – зло думал он, стараясь не удариться головой о лежащие под брезентом доски, – и прихвачу на месте. Хрен с ней, со скрытностью. Ясное дело, что парень невинен, как монашка в казарме солдат».

Проходы между мусором и зарослями то и дело петляли в сторону. Если бы не массивное здание библиотеки, мрачно и неприветливо отсвечивающее далекие уличные огни, лейтенант быстро потерял бы направление. Шумящие где-то над его головой деревья шелестели последними, еще не опавшими листьями. Лицо то и дело омывало холодным резким ветром, забирающимся за воротник пальто, четко очерчивающим холодом границы тонкой рубашки.

«Осень, – мимоходом подумал Винкс, кутаясь в пальто и продираясь через мусор, крапиву и неухоженную густую траву. – Снова осень».

То и дело наткаясь на тупики, Эдвард проплутал в темных лабиринтах из стройматериалов минут десять, пока окончательно не запутался. Лейтенант остановился, хмуро отдуваясь. Возможно, именно это позволило ему услышать где-то неподалеку тихие голоса. Разговаривали двое. Глубоко вдохнув, следовательно двинулся на звук.

На лужайке перед громоздким, теряющимся во мраке зданием библиотеки стояли, беседа о чем-то вполголоса, едва не скрывшийся парень и мужчина постарше. Последний носил спортивную куртку, морщины на его лице говорили о возрасте и не самой легкой жизни, крупные черты подчеркивались короткой, не слишком идущей ему стрижкой. Как лейтенант ни старался, расслышать он мог лишь обрывки фраз. Не тратя напрасно время, Винкс укрылся за кусками бетона с арматурой, достал направленный микрофон, вставил наушник и активировал устройство.

– Именно так, – говорил парень. Голос у него был довольно глубокий и спокойный, но за видимым холодом Винкс быстро уловил нервные нотки. Парень опасался своего собеседника, делал паузы между предложениями, очевидно, выбирая слова. – Товара закупил как обычно, проблем не было.

– Да и не должно было быть, – согласился мужчина. Говорил он тихо и немного невнятно. Винкс плотнее прижал шайбочку наушника к уху, вслушиваясь в его голос. – Меня больше волнует будущее. Думаешь, все пройдет нормально?

– Не знаю, – парень замаялся. – Не знаю. Мой новый контакт раньше не работал с взрывчаткой, я вообще о нем ничего не слышал. Зовут Альберт. Знаете что-нибудь о нем?

– Нет. Но узнаем. Сегодня же передам запрос о нем в управление и, как получится, сообщу тебе.

– Благодарю. С тех пор, как при попытке покушения положили многих стариков, Сопротивление напоминает встревоженный муравейник. Мне небезопасно тянуть ниточки.

– Так не тяни. Пока не разберемся что да как, достаточно будет, если ты продолжишь поставлять им компоненты для взрывчатки.

– Я думал так же, – с явным облегчением произнес парень. После чего торопливо продолжил, – возможно, к этому Альберту получится внедрить наших людей. При покушении положили не только его предшественника, так что опираться ему не на кого. Думаю, если у него более-менее развязаны руки в выборе средств и людей, мы должны этим воспользоваться.

– С этим мы как-нибудь разберемся, – внезапно похолодевшим тоном отозвался мужчина. Парень замолк. – Тебе об этом точно переживать незачем. Есть другая сложность, о которой ты должен знать.

– Слушаю.

– Особка накопила много грязи на руководство, так что вот-вот полетят головы. Новое начальство будет выслуживаться, так что не избежать реформ. Управление уже трясет, никто не знает, что будет завтра.

– Что это означает для нас? – после небольшой паузы спросил парень.

– Насчет «нас» или «вас» я не знаю, но конкретно для тебя это означает следующее. Могут... да что там: будут менять протоколы связи и процедуру работы с агентурой. К чему это приведет, пояснять не буду: геморрой вырастет больше, чем... да-а... Учти, что в какой-то момент ты можешь полностью лишиться связи с внешним миром, не только с управлением, – мужчина помолчал. – Но не бойся, мы тебя, если что, вытащим. Просто какое-то время не будешь докладываться, вот и все. Как только появится возможность, мы сразу с тобой свяжемся.

Помолчали.

– Ладно, давай закругляться, – вздохнул мужчина, доставая откуда-то из кармана куртки вязаную шапку, шедшую ему еще меньше, чем короткая стрижка. – До встречи. И не дрейфь там. Как говорит капитан...

Что именно говорит некий капитан, узнать Винксу было не суждено. Он слишком увлекся разговором двух мужчин, и не заметил проезжающую за расположенной позади него оградой чистящую машину городских служб. С чувством урча, сверкая яркими специальными сигналами, машина поливала водой под напором улицы города, смывая с них накопившуюся за день грязь и мерзость. Кроме того, она чудеснейшим образом подсвечивала пульсирующим грязно-желтым светом спецсигнала силуэт скорчившегося в тени Винкса.

Первая пуля чиркнула по бетонной плите справа от лейтенанта, вторая отчетливо просвистела рядом с его головой.

Не тратя время на разговоры, только что мирно беседовавшие мужчины ринулись к Винксу. В руках у обоих, неведомо когда, появились пистолеты.

Отпрянув за угол, лейтенант, чертяхаясь, пошарил рукой за пазухой, стараясь нащупать рукоять собственного пистолета. Которого там не было. Изображая замначальника цеха, Винкс не брал на работу табельное оружие. Вновь выругавшись, Эдвард быстро сунул в карман микрофон и бросился в кутавшийся во мраке мусорный лабиринт. Добежав до поворота, Винкс резко свернул. Вырвавшийся навстречу поток ветра сбил с головы шляпу, высушил глаза, заставив их слезиться.

«Осень», – подумал Винкс.

За спиной вновь раздался выстрел, пуля, прорвав завесу обжившей старый забор плесени, рванула в город. Задыхаясь с непривычки, Винкс бежал, как мог быстро, между тонущей в темноте крапивой, цеплялся за разбросанный везде мусор, то и дело ударяясь локтями и коленями, спотыкаясь. Его преследователи не отставали. Время от времени раздавались выстрелы: один, второй, третий. В саду стояла непроглядная темень, так что стреляли, похоже, на звук. Парень и мужчина отличались немалым проворством, и неуклонно шли по следу лейтенанта, однако боялись рисковать в темноте и не неслись во весь пыл. Впрочем, это не имело значения. Рано или поздно они все равно возьмут его в кольцо, загонят как дикого зверя, прижмут к ограде или к тупику. По поводу дальнейшей своей судьбы у Винкса не было ни малейших сомнений.

Даже будь его преследователи боевиками, они не стали бы рисковать, особенно после того, как подняли своей стрельбой на уши пол-округи. Но Винкс уже знал, что они не просто боевики.

В очередной раз резко рванувшись куда-то в сторону, до крови ободрав пыльную ладонь торчащим из стены кривым гвоздем, лейтенант уперся в тупик. Слева от него валялось нагромождение пыльных массивных блоков под полиэтиленом и брезентом, справа и перед ним путь преградили угловатые завалы досок, арматуры и строительного инвентаря.

Где-то из глубины коридора, откуда только что пришел Винкс, раздался еле различимый за стуком крови в ушах треск сухой ломаемой ветки. Тяжело дыша, безумно озираясь, Эдвард прижался спиной к доскам и утер трясущейся рукой пот со лба. Потом посмотрел наверх. И как мог быстро закарабкался по выступающим из общей груды доскам. Ладони Винкса сразу изрешетили занозы. Шершавая поверхность стройматериалов обдирала руки, присыпая струящуюся кровь пылью и опилками. Гора опасно вибрировала под лейтенантом, медленно, но верно разваливаясь под его весом. Трясаясь от возбуждения и страха, чувствуя, как все больше досок выскальзывают из-под его рук, Эдвард вдруг с омерзительной отчетливостью понял, что наверх ему не взобраться.

Он взобрался. Перекинул ногу, перенес вес тела. А потом вдруг свалился на другую сторону, вскрикнув от резкой тупой боли, пронзившей правую ногу. Удар о землю сопровождался болезненным ушибом, плечо и бедро сделались нездорово чувствительными. Попытавшись подняться, Винкс снова приглушенно вскрикнул, потом тяжело привалился к растущему рядом клену, оперся на ствол, помогая себе здоровой ногой, встал. Пуля пробила ботинок насквозь, очевидно, серьезно зацепив большой палец правой ноги. Нечего было и думать, чтобы опереться на нее.

Перед ним лежало массивное здание городской библиотеки, не слишком четко выступавшее на фоне почти черного неба. Некоторые пролеты облепили строительные леса, напоминающие какую-то гротескную паутину, поймавшую колонны и балконы в стальные и деревянные сети. Окна здания были мертвы, не таили в себе ни капли света. Кое-где не было стекла. Библиотека производила удручающее и тяжелое впечатление со своим старым громоздким архитектурным стилем, с массивным монолитным фасадом и большими окнами. Ниши, предназначенные для демонтированных после революции статуй давно уже позабытых людей, чернели пустотой, как потерявший несколько ребер старый скелет. Лысели потрескавшиеся кое-где колоннады, ничем не увешанные и украшенные лишь поблекшими уже граффити и ругательными надписями. Многие надписи были сделаны с ошибками.

Когда-то, много лет назад, здание оштукатурили и покрасили в два цвета: стены – в бежевый, а колонны, стяги и карнизы – в белый. Сейчас же, под влиянием времени и под руками хулиганов, все выцвело в какую-то серую мешанину грязных разводов и пыли, прерываемую кое-где темными следами от влаги.

Собравшись с силами, стараясь не беспокоить раненый палец, Винкс заковылял к зданию. Нельзя было терять время, его преследователи, должно быть, уже искали обходной путь.

Двери-половинки главного входа оказались заперты. Выругавшись, Винкс осмотрелся, ахая от боли подобрал валяющийся под ногами кусок кирпича и, коротко замахнувшись, швырнул его в окно. Звон крошащегося стекла рассек ночную тишину, но лейтенанту было все равно. Наверняка вооруженные люди и так уже догадались, куда он направлялся.

Подобрав еще один кусок, сочащийся песком, известью и цементом, Эдвард раскрошил торчащие острые осколки стекла и с трудом перевалился через высокий подоконник. Зацепившись мыском, больно приземлился на колено, наверняка разбив его до крови. Ахнул от подступившей к раненому пальцу от неосторожного движения тепловатой пульсирующей боли. Винкс прополз короткий парадный коридор и забрался в какую-то комнату, тяжело привалившись к стене. Он не мог позволить себе оставаться на месте, но встать уже просто не мог. Непривыкший к бегу организм оказался на пределе: сердце бешено стучалось, к горлу подка-

тивала тошнота. Долбящая в такт пульсу боль в пальце становилась невыносимой, ободранные руки саднили и пачкали пальто кровью. Все сильнее ныло ушибленное колено, которое уже больно было сгибать.

«Мать твою, – бессвязно думал про себя лейтенант, сражаясь с тошнотой и головокружением, – сука. Как же это они?.. Боевики... Соппротивление... коллеги, мать их... президента грохнуть решили? Кто? А ведь если догонят...»

Густо сплюнув и попав себе на воротник, Винкс открыл глаза и повел вокруг мутным взглядом. Первым, что он увидел, стал включенный телевизор. Картинка конвульсивно дергалась и шла помехами, звука не было. Стоял телевизор на небольшом столике, на котором также располагался пузатый красный телефон, какие-то бумаги, кружка. Рядом находился стальной стул с покрытым истертой искусственной кожей сиденьем. На спинке висела бесформенная демисезонная куртка-спецовка.

«Сторож, – подумал Винкс, все еще безуспешно пытавшийся восстановить дыхание, – у них тут сторож есть. Пустое, никому нахрен не сдавшееся здание на застывшей реконструкции, а они посадили сюда сторожа. Не потому что это кому-то нужно, не потому что тут есть, что охранять. Нет, просто потому что так положено. Тупые сукины дети».

Следователь попытался приподняться на руке, но та так задрожала, что он оставил попытку. В первую секунду после находки в Винксе проснулась дикая обжигающая надежда. Бессмысленная. Разумеется, ночной охранник не мог уберечь его от преследователей, даже если бы у него были оружие и желание. От его преследователей – если Винкс не ошибался на их счет – в этом городе не могло уберечь ничто. Его единственной надеждой было остаться неопознанным, сбежать до того, как его найдут. Нужно было прийти в себя и покинуть территорию библиотеки, затеряться в переулках и узких улочках Блока до того, как в коридоре послышатся шаги.

В коридоре послышались шаги, ночную тьму разогнал луч ручного фонарика. Кто-то что-то крикнул, резко, грубо. А потом до Винкса донеслись звуки стрельбы. Стреляли с пистолета, причем не одного. После пары выстрелов, вновь послышались громкие, нечеловечески вибрирующие от эха окрики, возгласы. Снова выстрел. А потом еще и еще.

Поборов страх и собравшись с силами, Эдвард подполз к двери и коротко выглянул в коридор. В нескольких метрах спиной к нему сидела на коленях крепко сложенная женщина в форменной одежде с коротко подстриженными волосами. В руках она сжимала табельный пистолет, из которого периодически поливала свинцом пространство перед собой.

Винкс этого не знал, да и не мог знать, но сорокатрехлетняя Милла Кравович и была охранником, работающим на этом объекте. Преследователям Винкса совершенно не повезло, потому как чуть ли ни любой иной сторож в сложившейся ситуации доставил бы гораздо меньше проблем. Госпожа же Кравович обладала совершенно отвратительным характером и не в пример лучше многих своих нынешних коллег умела обращаться с оружием. Над первым поработал ее отец, отставной довоенный генерал армии, считавший, что все беды исходят от баб, а бабы охотнее всего укрощаются ремнем. Последнее же стало заслугой службы в женской колонии, а также в оперативном полку Надзора. Желание сперва говорить, а потом уже – если приспичит – думать в какой-то момент привело к нарушению субординации и увольнению из органов, отчего бывший офицер Надзора Милла и устроилась работать в частное охранное предприятие.

Теперь барышня, совершавшая ночной обход объекта и услышавшая шум и стрельбу, не особо разбираясь в ситуации, сидела и палила по преследователям Винкса, не задаваясь вопросами и не мучаясь рассуждениями. Время от времени ей отвечали неприцельным огнем из-за угла. В очередной вспышке выстрела, Винкс узнал в стреляющем парня, преследованию которого он посвятил большую часть ночи и благодаря которому до утра рисковал не дожить.

Быстро осмотревшись, Эдвард наткнулся взглядом на вторую дверь из караулки. Поборов слабость, он все же поднялся на ноги, морщась от боли и вновь ощущая колотящее молотом по ребрам сердце. Прохромал к двери, молясь, чтобы та была открытой. Дверь действительно поддавалась, отворилась и открыла взгляду служебный коридор с несколькими дверями. Подгоняемый все еще доносящимися из-за спины выстрелами, Винкс начал заглядывать во все подряд комнаты, пока не обнаружил пожарный выход.

Осторожно выглянув на улицу и не обнаружив ничего подозрительного, Винкс неуклюже выбрался наружу, прикрыв за собой дверь. На лейтенанта хлынул поток холодного ветра, раздражающий ободранные ладони и рассеченную обо что-то бровь.

Проковыляв через двор и попетляв еще некоторое время по мусорным джунглям, следователь вышел к ограде. Пройдясь немного вдоль нее, держась в темноте за решетку, Эдвард нашел, что искал. В одном месте погнутые прутья решетки образовывали проход достаточный, чтобы через него мог пролезть средних размеров человек. Впрочем, Винкс как раз-таки был человеком гораздо более, чем средних размеров, поэтому пришлось сложиться в три погибели, тщательно оберегая ревуший палец и ноющую коленку, чтобы протиснуться наружу.

Выбравшись с территории библиотеки, Винкс как можно быстрее пересек улицу и растворился в городских переулках.

Утренний город кутался в густой влажный туман, скрывающий от глаз невысокие дома и чистые от бедности улочки. Время от времени из матовой мути выкатывались автомобили, все чаще можно было встретить скучных невыспавшихся людей, спешащих на работу. Чистый воздух бодрил, подчеркивал свежесть раннего часа, поднимал настроение. Винкс любил ночной и утренний город, когда казалось, что улицы безраздельно принадлежат ему одному. Впрочем, сейчас ему было вовсе не до романтического настроения, а о бодрости после бессонной, полной приключениями ночи и речи идти не могло.

Стиснув в кармане небольшой бумажный пакетик, Эдвард, хромя, пересек улицу, влился в грязные переулки, утопающие в мутных лужах, некоторое время петлял по ним. Лейтенант постоянно оглядывался, пару раз заходил в подъезды знакомых домов и выжидал, но никто его не преследовал. Это обманчиво успокаивало, убаюкиваяще подбрасывало мысль о том, что его ночные маневры по городу оставили преследователей у разбитого корыта, что они потеряли след. Но он знал, что это вряд ли соответствует истине. А даже если и так, то сила, стоявшая за приоткрытой им тайной, имела достаточно ресурсов, чтобы найти излишне самоуверенного беглеца.

Переждав, пока патрульная машина Надзора медленно прокатится по улице, Винкс неуклюже перебежал грязную полосу покрытого сеточкой трещин асфальта и скрылся в подъезде. Ричард Ортега жил на седьмом этаже, удобно было бы добраться до его квартиры на лифте, но Эдвард не хотел рисковать. Превозмогая боль, лейтенант принялся медленно ковылять по лестнице, стараясь не поднимать шума.

Знакомый хирург, к которому завалился ночью измученный и грязный Винкс, не подвел. Как выяснилось, пуля преследователя прошла Эдварду через палец. Спасти его, как ни крути, не вышло бы, поэтому Винксу повезло, что нашелся не привыкший задавать вопросы врач, который смог грамотно ампутировать палец, не оставив острых краев в кости, обработавший нерв, костный опил и проведенный прочие необходимые процедуры.

Конечно, следователь должен был обратиться в больницу, но у него не было такой возможности. Анестезия некоторое время помогала, но ее действие уже подходило к концу, тупая боль и дискомфорт возвращались, и, казалось, поднабрались сил.

«Надо решить, – думал Винкс, – как теперь поступить». Разумеется, о дальнейшей работе на заводе и речи идти не могло. Докладывать же о выясненном Маркову было нелепо – это лишь открыло бы новым друзьям его личность. Надеяться на их благородство Винкс и не думал.

Нет сомнений, что его пустят в расход, как только выяснят, что он успел узнать и кому уже рассказал.

Последние несколько пролетов Эдвард поднимался с повышенной аккуратностью, но у дверей Ортеги его никто не подждал. Быстро протиснув в небольшую щель почтового ящика бумажный сверток, лейтенант поспешил вниз.

Город начал потихоньку наполняться людьми, текущими по улочкам, словно кровь по артериям. Появлялось все больше машин, щебетание птиц и рыки ветра все увереннее вытеснялись поднимающимся гомоном вялотекущей толпы.

В очередной раз остановившись для отдыха, Винкс закрыл уставшие воспаленные глаза, оперся на левую, здоровую ногу, постарался успокоиться, застыть, унять тупую пульсирующую от перенапряжения и усталости голову.

Он все же смог дождаться того момента, когда спасительная человеческая муть хлынула на улицы, спеша на работу, в магазин, школу, на почту, к юристу. Люди высыпали на тротуары, и среди них можно было сравнительно безопасно передвигаться. Стоило лишь избегать крупных общественных мест, типа станций метро, вокруг которых постоянно ошивались надзиратели. В последний раз глубоко вдохнув, Винкс открыл глаза и побрел дальше, стараясь не прихрамывать, не выделяться.

Когда его окликнули, он вздрогнул. Хоть и ожидал чего-то подобного все утро и всю ночь.

Сотрудник патрульной службы Надзора не спеша направлялся к нему. Светло-серая форма пятнилась неопрятными потеками из-за утренней влаги, берцовые сапоги покрывала ржавая корка грязи. Надзиратель оказался молодым светловолосым парнем, однако он уже успел забыть на соблюдение некоторых требований устава. Черный берет с логотипом Департамента болтался в руке, перчатки смято торчали из переднего кармана.

Винкс бросил взгляд на кобуру и немного успокоился: табельный пистолет находился там, сам чехол был застегнут. Очевидно, патрульный не принял его за разыскиваемого беглеца и остановил по каким-то иным причинам.

Причины эти Винкс узнавать не собирался. Подпустив надзирателя поближе, он подождал, пока тот снова откроет рот, собираясь, видимо, что-то потребовать, и нанес ему мощный удар прямо в лицо. Губы парня лопнули, как спелые сливы. Он покачнулся, и тогда Эдвард ударил еще два раза, не жалея своих немалых сил, используя могучий вес и длину рук. Патрульный упал и сразу же получил два сокрушительных удара ногой по голове.

Убедившись, что коллега отключился, лейтенант, страшно ковыляя, бросился бежать, посасывая кровоточащие костяшки. В плане истекания кровью Винкс вообще мог вполне уверенно посоперничать с зажариваемым на хорошем слое соли телячьим стейком.

Покрытые паутиной трещин старые кирпичные дома сменялись выцветшими бетонными блоками новостроек. Замшелые воняющие экскрементами переулки разбавляли время от времени виды узких улочек и размокших от дождя детских площадок.

Чудовищная боль в ноге становилась невыносимой. Она не подтачивала волю, она рубила ее с размаху здоровенным тупым ржавым тесаком. Изобретатели шотландской девы однозначно были бы впечатлены.

Задыхаясь, стиснув зубы, лейтенант Эдвард Винкс бежал. Он петлял, несколько раз менял направление движения, стремился как можно скорее покинуть район.

Попался он совершенно неожиданно и вряд ли по своей вине. Просто одной из ищущих его групп повезло.

Выскочив из очередного переулка, он наткнулся на небольшой грузовичок с затемненными стеклами без опознавательных знаков и с обыкновенными номерами. Едва он появился, двери автомобиля раскрылись и навстречу ему вышли шестеро крепких мужчин в гражданской

одежде. Все они двигались спокойно и четко, все не спускали глаз с его рук, тяжело свисавших вдоль мокрого грязного пальто. Винкс без труда распознал профессионалов.

Очередной порыв ветра ударил ему в спину, принеся из глубин подворотни запахи дерущихся за помойку котов, самой помойки и пристроившегося неподалеку бездомного, возможного, скончавшегося.

– Осень, – бесцветно произнес Эдвард Винкс, прежде чем получить болезненный удар в живот.

Лейтенант согнулся, завалился, но упасть ему не дали. Подбежали, окружили, схватили за ноги и под руки, понесли, слабо извивающегося, параллельно земле, закинули в грузовик, навалились сверху. В нос ударил резкий запах искусственной кожи новых сидений, а потом был удар по голове, красно-черный взрыв и забвение.

Глава 5

Ввинтившаяся в мозг Ортеги трель дверного звонка повлияла на лейтенанта самым удручающим образом. Бросив сонный взгляд на будильник, Ричард от души выругался и громко застонал: увлеченный с вечера фантастическим романом, Ортега заснул уже поздней ночью, так что не выспался бы ни при каких обстоятельствах. Неизвестный же визитер отъел у него даже оставшиеся жалкие сорок минут сна.

Пролежав в состоянии тупой нервной сосредоточенности еще некоторое время и убедившись, что посетители не собираются уходить, Ортега не спеша поднялся, натянул домашние треники и футболку, сунул ноги в тапки с кофейными следами и пошаркал к дверям.

«По полу тапки грохотали», – всплыло неведь откуда в его невыспавшемся сознании.

– Кто там? – хрипло и невнятно поинтересовался он через дверь, выбравшись в предбанник.

– Уполномоченный участковый от Департамента Надзора, лейтенант Ниждиц, – отозвались из-за двери. Выглянув в глазок, Ортега и правда обнаружил некоего мужчину в светло-серой униформе с офицерскими знаками различия. – Откройте, пожалуйста.

– Удостоверение покажите, – прочистив горло, уже более прилично произнес Ричард.

Посетитель немного повозился, после чего приложил к сканеру бордовую книжечку. Второй небольшой экранчик, висящий в квартире на уровне двери, услужливо подтвердил на синем поле, что документ принадлежит лейтенанту Надзора Александру Ниждицу и показал фотографию визитера.

Ортега немного помедлил, но затем все же открыл дверь. Не то, чтобы он всерьез сомневался в личности гостя, просто чертовски не хотелось вот так прямо сразу, с началом дня, из постели нырять в какие-то непонятные проблемы.

– Ричард Ортега? – поинтересовался переступающий через порог участковый. Роста он был здорового, сложения же не сказать, чтобы очень могучего. Настолько не сказать, что даже воплощающий сейчас саму хмурость Ортега не смог подавить про себя смешок. Определенно, лейтенанту Ниждицу стоило заниматься спасением застрявших на деревьях котят или побелкой потолков.

Нескладная фигура участкового источала четко ощутимый аромат пота и парфюмерного мускуса.

– Ричард Ортега, – подтвердил лейтенант, передавая документы для проверки. – Что-то случилось?

– Вот хожу, выясняю, – возвращая «шкуру», не слишком окрыленным тоном отозвался участковый. – Кто-то ваших соседей снизу ночью залил.

– Не я, – убежденно, насколько позволял застрявший в горле зевок, заявил Ортега.

– Не вы, так не вы, – безразлично произнес мускусный надзиратель. – Ванную вашу можно осмотреть?

– Само собой.

В общем и целом обзор ванной комнаты и санитарного узла занял минут десять, за которые Ортега успел окончательно перейти в привычное для себя состояние невыспавшегося сторонника геноцида. Мускусный же Ниждиц занимал себя тем, что бился время от времени лбом о низкую перегородку между ванной и коридором, бурчал, что-то записывал, задевал потолок макушкой, хмурился, осматривал трубы и стучался о самые разные вещи головой. Он бы производил весьма забавное впечатление, если бы не ранний час и общий далекий от позитива настрой Ричарда. Помимо всего прочего, Ортега не мог в присутствии уполномоченного лица облегчить по-утреннему бунтующий мочевой пузырь. Пару раз Ричарду казалось, что участко-

вый бросал странный пристальный взгляд в прочие комнаты, до которых ему, собаке, вообще дела быть не должно.

В любом случае, вскоре гость ушел и Ортега благополучно позабыл о своих наблюдениях, занятый во время утренних мероприятий и завтрака тем, что зверски ругал посетителя.

Покончив с едой, Ричард не без опасения открыл дверцу шкафа, но, похоже, его содержимое не собиралось мигом вывалиться, придавив хозяина к полу. Одеваясь, Ортега меланхолично и без всякого вдохновения мычал тоскливую мелодию, а мысли его текли в самых бессмысленных направлениях.

Любопытно, но по идее ему следовало бы знать приписанного к его дому коллегу, а потому вся небольшая заминка с проверкой документов посетителя должна была бы выглядеть если не странно, то, как минимум, необычно. Но это по идее.

Из-за жестких методов, применяемых Департаментом Надзора в первые годы функционирования, служба эта изначально не пользовалась пламенной народной любовью. Возникшие впоследствии болезни, такие как повсеместная коррупция и крышевание организованной преступности, престиж Департамента не подняли. Простые люди по старой памяти недолюбливали Надзор, и старались лишний раз не обращаться в Департамент. По тем же причинам Ортега, который сам там работал, тоже по возможности решал свои проблемы без привлечения городских служб, в том числе и коллег.

Привыкшие к такому отношению надзиратели, кто как, обычно делали хорошую мину при плохой игре, продолжая упорно выполнять свою работу. Народ столь же упорно продолжал иронично-презрительно именовать их «надзорами».

Наверное, если бы Департамент Надзора играл в городской системе именно ту скрипку, которая была ему отведена, весь концерт проходил бы несколько иначе. Например, все жители дома знали бы своего участкового в лицо, а он знал бы большую часть подопечных. На деле же Ниждиц, похоже, совсем не удивился тому, что его не признали, хоть на доске объявлений в подъезде и должен был висеть распечатанный листик с его именем-фамилией, телефоном и прочей контактной информацией.

Когда-то Ортегу это беспокоило, потом он смирился и даже привык. Сам он работал более или менее за совесть, но почему-то демонстрировать свое удостоверение гражданам ему иногда было очень совестно.

Насвистываемая тоскливая мелодия уже некоторое время как перешла в полнейшую импровизацию, став от этого, как ни странно, только печальнее. Выбравшись на лестничную клетку, Ортега запер дверь, убрал ключи, прогнав при этом в памяти все запланированные на сегодня по работе дела. Начал зверски ругаться.

В коридоре все еще стоял мускусный аромат мускусного участкового. «Вероятно, – невесело подумал Ричард, проверяя почтовый ящик, – коллега использует запашок по прямому назначению – метит территорию. Всяко проще, чем время от времени мыться».

Утренняя почта порадовала лейтенанта рекламой распродажи поддержанных вещей, сообщила еженедельный график отключения воды и предложила услуги крысолова. Просмотрев вскользь всю эту благодать, лейтенант еще раз сунул руку в ящик, полазал по углам и вынул небольшой скомканный бумажный сверток.

Опа.

Некоторое время лейтенант затаив дыхание смотрел на зажатый в руках предмет, потом зачем-то выругался. Вероятно, по привычке.

В принципе, вряд ли стоило опасаться. Ортега уже некоторое время держал странную посылку в руке, но ничего нежелательного – скажем, взрыва – не происходило. Да и на ощупь не казалось, что внутри находится взрывчатка.

Взвесив все и так и этак, Ричард решил в пакет все же заглянуть. Впрочем, дабы не демонстрировать судьбе, что он очень уж ей доверяет, не открыл завернутый конвертиком уголок, а оторвал боковую часть.

Внутри раскромсанного пакета взрывчатки и правда не обнаружилось. Вытряхнув содержимое на ладонь, Ортега с удивлением уставился на ключ с болтающимся с ним в связке пластиковым брелком-квадратиком. На брелке была крупно изображена восьмерка, с другой стороны красовался логотип расположенного неподалеку универмага. Очевидно, это был ключ от камеры-хранилища.

Любопытно. Поглазев немного на находку, следователь хмыкнул и сунул ключ в карман пальто. Подобных фокусов Ортега в своей практике припомнить не мог, но вывод, в общем-то, напрашивался простой – кто-то оставил ему в указанной ячейке некую посылку. Вероятнее всего, какой-то коллега по работе. Форма же намекала на то, что иначе эту информацию было не передать. Правда, оставалось вопросом, зачем тогда было засвечивать жилую норку Ортеги. Но, видимо, причины были, коли к нему не зашли на работу или не отправили все письмом на электронную почту.

На улице царил тоскливая атмосфера распяляющейся осени, пахло расположенной за углом подъезда помойкой, щекотало влажным воздухом. К тому моменту, как Ортега добрался пешком до универмага, его рейтинг сегодняшнего дня скатился в безнадежный минус. Впрочем, не все было так уж плохо: искомая ячейка под восьмым номером нашлась весьма скоро, ключ же к ней – невероятно – подошел без проблем.

Оглянувшись для порядка в поисках возможных наблюдателей и не найдя таковых, Ричард открыл шкафчик и вытащил карманный направленный микрофон – такой же, каким он пользовался сам по работе – и посеребренную флеш-карту с ремешком.

Да, похоже, ему и правда оставили какую-то информацию, посмотревшись предварительно сериалов в жанре «нуар» про следователей Надзора, которые почему-то вместо того, чтобы работать, носились по крышам, врывались в штаб-квартиры наркоторговцев и бродили под снегом или дождем, размышляя вслух про природу негодяев и сволочей. Однако же любопытно было бы выяснить, кто именно решил осчастливить таким образом Ричарда. Направленные микрофоны свободно продавались в магазинах, но, по правде говоря, они мало кому были нужны.

Ортега мог предположить, что это привет от какого-нибудь его знакомого частного детектива. Те любили залезать время от времени в крайне печальные жопеня, после чего просили его содействия в спасении их здоровья и совести, причем здоровье обычно находилось на первом месте. Отсюда и то, что информацию побоялись передавать ему с рук на руки. Но нет, все равно странно. Дошли, считай, до дверей, засветив квартиру, после чего не решились заходить внутрь?

«Впрочем, – порешил Ортега, повинувшись злобному рокоту выстроившейся у него за спиной очереди к ячейкам, – что гадать? Флешку можно посмотреть и в конторе. Если это и правда знакомый пинкертон, то придется добавить к запланированным нервотрепкам еще одно дельце. Если же коллега...»

Продравшись через очередь у камер хранения на улицу, Ортега зябко поморщился, вжавшись в высокий воротник пальто, достал телефон и обзвонил несколько человек. Большинство сотрудников отдела, согласно раннему часу, послали его к черту, остальные – подальше. Кто-то дополнительно подтвердил, что ничего Ричарду не оставлял. Винкс трубку не поднял.

Устало вздохнув, Ортега сунул телефон в карман и побрел к метро.

Добравшись до угловатого унылого здания, Ричард Ортега остановился недалеко у входа, чтобы докурить сигарету. После нескольких дождливых недель воздух пропитался влагой, на улице стояла холодрыга. Царапающий ветер, налетающий иногда неведомо откуда, неприятно задувал за высокий воротник куртки и резал по глазам.

Докурив, Ортега бросил окурочек в засаленный ржавый мусорный бак и с усилием раскрыл ведущую к станции метрополитена дверь, которая чуть было не ударила его из-за сквозняка по носу. Двери на входах в метро вообще любили вытворять разные опасные фокусы, о чем Ортега, привыкший к комфорту служебной машины, успел напрочь позабыть.

Приложив к турникету свою карточку гражданина, Ричард меланхолично прошел вперед и неспешной походкой начал спускаться на станцию. Он выглядел – да и был – человеком, который твердо уверен, что ближайшие дни окажутся хуже некуда, а сделать по этому поводу ничего не удастся, поэтому вполне естественно можно позволить себе расслабиться и не спешить.

Вокруг Ортеги сновали люди, множество людей, работавших в центральных Блоках. Метрополитен являлся для них основным средством передвижения, охватывающим своими разноцветными ветками-щупальцами весь город. Взглянув на висящую под потолком карту подземки, Ортега мельком отметил названия станций: «Площадь гражданского единства», «Дворец Структур», «Театр имени Стефански»... Среди них затесался и «Проспект путча 2020 года».

Ричард мысленно усмехнулся: почему-то это был один из любых для него осколков прошлой жизни, имевший отношение еще к временам прежней власти. Многие станции метро, когда-то называвшиеся иначе, сейчас носили имена, прославляющие построенное Советом Структур гражданское общество и великих послевоенных деятелей. Путч же 2020 года был чем-то, можно сказать, бунтарским для Ортеги. Он не относился ни к Совету Структур, ни к достижениям граждан города, ни к каким-то архитектурным шедеврам. Нет, это был кусок той еще, старой жизни, которая была знакома людям только по полувековой давности кино-пленкам, фотографиям да рассказам уходящий стариков. А немного бунтовать, наслаждаться чем-то, не относящимся к работе, к партии, к реальным проблемам, для Ортеги было приятно, вот пусть даже так, пусть даже про себя.

Бывало, он задумывался над тем, чем вызвана эта его психологическая черта, но никогда особо не стремился действительно во всем этом разобраться. Слишком оторвано оно от повседневных обязанностей, слишком мало и бессмысленно по сравнению с постоянно наваливающимися на работе заботами. Просто маленький огонек в темноте вечных нервотрепок.

Дождавшись старого, с потрескавшейся серебристой краской поезда, Ортега уселся на свободное место у дверей и, скрестив руки над портфелем на груди, прикрыл глаза. Как это обычно и бывало, он практически сразу погрузился в чуткую полудрему, в то время как в голове его медленно, словно огромные валуны, по грязи перекатывались ленивые мысли: о расследовании, о его отделе, о пропаганде СГБ, о станции, названной непонятно кем в честь события, которому минуло так много лет.

Ортега вынырнул из круговорота мутных мыслей с голосом, назвавшим нужную ему станцию. Голос принадлежал Елене Фроловой, диктору Единого новостного агентства. В сущности, она зачитывала все, начиная от пресловутых новостей и заканчивая объявлениями в метрополитене и автобусах. Ортеге ее голос нравился, но его раздражало, что женщина сопровождает граждан вот уже лет двадцать везде, куда бы они ни направились. Наверняка это было какой-то психологической уловкой сгбшников. Ричард как-то пытался представить себе, что было бы, если объявления в трамваях зачитал кто-нибудь другой. Не удалось.

Выбравшись на улицу, Ортега направился перпендикулярно основному потоку текущих вокруг людей, во дворы. Он специально вышел из метро раньше, не доезжая одной станции. Площадь вокруг «Силовой», от которой рукой было подать до комплекса Департамента, уже наверняка, несмотря на сравнительно ранний час, была забита злобным людом. Гражданский марш согласовывался с руководством города оппозиционными лидерами аж несколько месяцев, ожидалось порядка сотни тысяч человек. Несмотря на возбуждающее время от времени недовольство граждан, проявляющееся в виде митингов и забастовок, таких массовых граж-

данских волнений Ортега в последние годы не припоминал. Хотя ругаться людям было на что. Ричард, как сотрудник одной из самых критикуемых и ненавистных в обществе структур это прекрасно понимал.

Митинговали против постоянно повышающихся налогов, против понижающегося качества еды, против все более частых сбоев в поставках мяса, против совершенно не работающего министерства здравоохранения, против устаревшего сверх всякой меры Комитета по чрезвычайным ситуациям. Недовольство вызывал беспредел сотрудников силовых структур, учащающиеся закрытия школ, постоянные сбои в работе десятилетиями не обновляемых средств транспорта. На всех уровнях государственной службы, вне зависимости от министерства, процветала коррупция, обеспечивающая полнейшее несоблюдение столь котируемых в средствах массовой информации и политике Совета Структур гражданских прав и свобод. Механизмы, приводящие нынешнюю систему в действие, были выкрашены в яркий зеленый цвет баснословных бонусов, обещанных властями элите. Бонусы эти гарантировали верхушке города очень сытую жизнь, оставляя абсолютное большинство граждан за бортом жизни хотя бы просто спокойной.

Граждане винили Совет Структур, Парламент и Президента Картера лично: за отвратительную экономическую политику, за стагнацию в работе министерств и служб, за неспособность предотвращать деятельность террористов, за отсутствие элементарной поддержки бизнеса, за все на свете. Картер, как персонифицированное зло получал основной удар, хотя на личных встречах с ним оппозиционеры вдруг теряли весь свой пыл. Критиковали президента, в общем-то, заслуженно, потому что совершенно очевидно именно он и его приближенные создали ту систему, которая десятилетиями угнетала жителей города. Ортега и сам до колик в почках не любил нынешнюю власть и в особенности президента, занимающего пост уже два десятка лет, имеющего наглость раз за разом изображать участие в выборах, результат которых сам же и предрешал.

При жизни в запертом городе, осаждаемом аберрантами, окруженном зараженными биологическим оружием пустошами, людям просто необходимо было верить, что когда-нибудь – завтра, через год, два, десять лет – все это закончится. Или хотя бы пойдет на улучшение. Правление Картера, поначалу обнадеживающе стабильное, даже в чем-то прогрессивное и уж точно весьма жесткое, сильное, привело в результате к тому, к чему привело.

После очередных нахальных выборов с предсказуемым итогом народ, подстегиваемый профессиональными оппозиционерами, не мог не выйти в очередной раз на улицы.

До официального начала Гражданского марша оставалось еще несколько часов, но на площади перед станцией «Силовая» наверняка уже нельзя было протолкнуться через слепо воодушевленных людей и угрюмых сотрудников оперативного полка Надзора, готовящихся к рукопашной обработке населения. Никто, конечно, не собирался применять силу без причин, но причины появятся, в этом Ортега не сомневался.

Среди празднично шатающихся толп можно было увидеть идеологически настроенную молодежь с флажками и побитых жизнью стариков с палочками. Кто-то таскал к устанавливаемой неподалеку сцене оборудование и провода, в которых путались прохожие. Кто-то носился и раздавал цветные ленточки – символ акции. Шныряющие между людьми собаки пугали голубей, кто-то шугал собак. Время от времени раздавался звонкий смех или неубедительное пение, прорывающееся через вопли животных, завывания матюгальников, шарканье ног.

Торговцы зазывали, потерявшиеся дети – орали. Над площадью разносились запахи тысяч потеющих тел и перемешиваемой грязи, в которые удивительным образом вплетались ароматы выпечки и цветов с переносных лотков уличных барыг. Подъезжающие время от времени на недостижимых для среднего гражданина автомобилях лидеры оппозиционных движений немедленно требовали к себе внимания. Сергей Свербицкий и Эдуард Квалишвили, – лица молодой оппозиции, немедленно забрались за сцену и стали громко голосить, время от вре-

мени ругаясь. Старые оппозиционеры, чувствуя, что у них отъедают аудиторию, срочно планировали ответную акцию.

Разворачивались транспаранты, гремели лозунги, обличались преступления, голосили граммофоны, играла музыка. Подразделения Надзора, следящие за проведением шествия, замерли в мрачном ожидании. Над всем этим витал в воздухе чистый и незамутненный политический дух.

Чтобы не столкнуться со всей этой гольтьбой, не увязнуть в ней и не попасть ненароком в какую-нибудь заварушку, Ричард и решил выйти из метро заранее и добраться до работы по обыкно забитым наркоманами, мелкими бандитами и возвращающимися из школ детьми дворам. Как-то так выходило, что здесь сейчас было безопаснее.

Впрочем, утром беспокоиться не было резона. Наркоманы расплозились кто куда, занятые по ночам пьянью детские площадки и лавочки оккупировали теперь одинокие старики, а дети более-менее эффективно удерживались в школах.

На территорию комплекса Департамента Ортега зашел на всякий случай с черного хода. Сразу за дверью его встретила такая же вооруженная охрана, как и на главном пропускном пункте, но зато неприметная снаружи дверь с кодовым замком привлекала меньше внимания воинствующих дураков, чем солидно перегороженная шлагбаумом дорога и серые автоматчики.

Пройдя проверку, Ортега выбрался на внутреннюю территорию, повилял между канцелярскими зданиями, миновал закутанную в массивные колонны бежевую академию. Стены учебного заведения были традиционно разрисованы курсантами, которые, судя по размаху мысли, содержащемуся в надписях, явно пренебрегали принципом «служить и защищать», более налегая на «бухать и сочинять».

Добравшись до нужного здания, Ортега поднялся на пятый этаж, снова прошел проверку. Пожалуй, если бы кто-нибудь, – например, Винкс, – решил с ним поспорить, он мог бы попробовать проделать повторяющийся изо дня в день путь от входа в здание до своего рабочего места с закрытыми глазами, на память.

– Лейтенант Ортега? – полуутвердительно произнесла девушка на входе.

Ортега некоторое время без выражения смотрел на нее.

– Для такой красавицы, – произнес, наконец, он, – да к тому же сидящей здесь и видящей меня по несколько раз в неделю уже чуть ли не месяц, вы удивительно забывчивы.

Выражение лица девушки никак не изменилось, но в глазах плотно засело знакомое Ричарду выражение недалекой враждебности. Однако, вопреки ожиданиям лейтенанта, она не ответила какой-нибудь резкостью. Может, на ней уже висело дисциплинарное замечание, а может он ошибся, и девушка вовсе не была агрессивной дурехой. Думать на эту тему Ортеге совершенно не хотелось.

– Ладно, неважно. Да, я – лейтенант Ортега.

– Вас хочет видеть в своем кабинете полковник Марков. Немедленно.

– Учту, спасибо.

– Полковник Марков, – поджав губы, повторила девушка. – Немедленно.

Поначалу Ортега не воспринял слова секретарши слишком серьезно. Если бы Маркову действительно нужно было срочно переговорить с одним из своих подчиненных, он бы, несомненно, позвонил, а не стал дожидаться, пока сонный и частенько опаздывающий следователь сам явится на работу. Однако едва Ричард заметил взгляды, бросааемые на него коллегами по отделу, едва увидел, как изменилось выражение лица Маркова при виде лейтенанта, он сразу понял, что ошибся, что случилось что-то действительно серьезное, большое. Более того, стало понятно, что раз полковник не связался с Ортегой немедленно, случившееся было непоправимым.

На этот раз Ричард оказался прав.

– Винкса убили, – без предисловий положил Марков, как только Ортега уселся напротив.

Видя, как тот побледнел и замер, полковник выдержал паузу, позволяя лейтенанту осмыслить сказанное.

– Похоже, ты об этом еще не слышал. Мои соболезнования, Ричард. Восемь лет – большой срок для совместной работы.

Он вновь замолк, ожидая, вероятно, ответной реакции. Дождаться пришлось долго, очень долго.

– Как это случилось? – глухо спросил Ортега.

– Еще выясняем подробности. Эдварда нашли утром, в одном из промышленных районов Блока Шесть, чуть ли ни у внутреннего кольца Барьера. Судя по... следам, это работа культивистов.

– Каким следам?

Марков угрюмо уставился на собеседника.

– Зачем тебе это?

Ортега не ответил. Некоторое время оба молчали.

– У Винкса, – наконец заговорил полковник, – нет пальцев на руках и ногах, присутствуют ожоги. Плюс еще некоторые свидетельства, позволяющие подозревать Старую Веру или другой культ. Делом занялись Саровски и Медич из тяжких преступлений. У них уже есть версия, сейчас прорабатываются детали. На Старой Вере некоторое время висит четкий кровавый след, есть предположение...

Заметив пустой взгляд лейтенанта, Марков наконец понял, что его не слушают, и замолчал.

– А вы переволновались, полковник, – прервал залившую в очередной раз комнату тишину Ричард.

– Отдохни, Ортега, – Марков тяжело вздохнул, глянул на собеседника из-под светлых бровей. – Отдохни пару дней. Приди в себя. К такому нельзя привыкнуть, побереги здоровье. Если хочешь, отпуск возьми.

– Не хочу, – отрезал Ричард. – Но спасибо за внимание, я это ценю, правда. Лучше поработаю. Отвлекусь.

– Понимаю, – кивнул задумчиво Марков.

– Поработаю, – продолжал, уперев взгляд в столешницу, Ортега. – Соберу вместе все наработки за месяц, отброшу устаревшую информацию. Выцежу самое важное... важное...

– Ортега, – тихо позвал полковник.

– Найду самое важное, и доложу, – закончил Ричард. Поднял взгляд.

– Есть еще кое-что. Пришло распоряжение сверху, час назад. Дело о поставках взрывчатки в Соппротивление у нас принимает Служба гражданской безопасности. Твои материалы уже направлены в их следственный отдел.

На этот раз Ортега не опускал взгляд, но молчал очень, очень долго.

– Пожалуй, я сегодня все же возьму отгул, – сказал он, поднимаясь со стула и натягивая пальто.

– Конечно, – без колебаний согласился Марков. – Если не секрет, куда отправишься?

– Воспользуюсь вашим советом. Подумаю о том, как поберегу здоровье.

– Ортега... – скривился начальник, – пить едешь?

– Не сегодня, полковник. Не сегодня.

Глава 6

Оторвавшись от губ распластанного под ней парня, Майя слезла с него и улеглась рядом. От разгоряченных тел исходила липкая духота, воздух в замшелой небольшой коморке, служившей девушке жилой комнатой, все еще горел от недавнего нетерпеливого дыхания.

Тяжело дыша, Майя деловито поставила парню на грудь приспособленную под пепельницу крышку от банки и закурила. Парень, что отрадно, не возражал. Отдохнув немного, Майя убрала куда-то на тумбочку самодельную пепельницу, запустила пальцы в напоминающую лишайник светлую скудную растительность на груди партнера и попыталась встретиться с ним взглядом. Впустую. Парень, тяжело дыша, мутными глазами пялился в потолок, даже не пытаясь изображать гордого собой мужчину, добившегося, кажется, каких-то побед.

– Может, пожарть сделать? – поинтересовалась несколько насмешливо Майя, приподнявшись на локте и заняв еще больший обзор изможденного любовника.

Видя, что парень, не в силах ответить, просто неуверенно кивнул, она победно усмехнулась и поднялась с постели, даже не пытаясь прикрыться. Настроение у нее было чертовски хорошее. Жизнь любила время от времени пинать ее ногами, адекватную же отдушину при ее занятиях было нелегко найти. Поэтому со временем Майя научилась использовать для отвода чувств единственный ресурс, окружающий ее в изобилии – людей. Причиняя им, так или иначе, боль, она забивала собственные невеселые чувства: разочарование, обиду, боль утраты. Ярость. В последние годы все больше ярость. Она любила подавлять людей – особенно мужчин – чувствовать их слабость и робость. Отчасти именно поэтому в постели она предпочитала молодых и неопытных, но заносчивых партнеров. Таким было большее падать.

Набрав в не слишком чистую кастрюлю не слишком прозрачной воды, Майя включила не слишком новую газовую плиту, подготовив щепотку соли и пакет с жидкой кашей. Рядом, на соседней конфорке, поставила небольшой чайничек, в который аккуратно, чтобы не рассыпать, опустила горсть любимого чая. Глянув на начинающего приходить в себя парня, она вздохнула и подсыпала еще небольшую порцию чайных листьев. В конце концов, парень был не так уж и плох, а она не была совсем уж бессердечной. По крайней мере, так говорили.

– Ну что, – подал через несколько минут голос парень, когда Майя засыпала в кипящую воду хлопьев и вернулась в постель, – земля вздрогнула?

Девушка засмеялась.

– Скорее уж покачнулась ось мира, по крайней мере, твоего, – она снова закурила, выпустила струйку дыма, поморщилась. Первые после допросов большие нагрузки на организм давали о себе знать дискомфортом и болью в ребрах и пальцах.

«Нет, – подумала девушка, – к черту это все. Если я все же права насчет Сопротивления, Дахоев подохнет. В этом я не должна себе отказывать».

Парень, попытался приобнять ее, но игр ей больше не хотелось. Резко дернув плечами, она молча кивнула на уже готовую еду. Парень, впрочем, ничего не понял, поэтому пришлось пояснить:

– Кашуними и давай, жри. Я еще поспать хочу, а спать привыкла одна.

Как ни посмотри, ее сегодняшний партнер был далеко не из понятливых, однако репутация Майи среди бойцов Сопротивления, видимо, все же добралась в глубинах его мозга до участков с инстинктом самосохранения. Другими словами, он уловил резко изменившуюся атмосферу и решил последовать приказам девушки, не испытывая судьбу.

Каша была недосоленной, а чай, разделенный на две кружки – слабым. Кроме того, отдающая жестью кастрюля окончательно испохабила вкус и без того далекой от совершенства стряпни. Слово посчитав, что завтрак недостаточно испорчен, судьба подкинула Майе еще один сюрприз.

Заслышав стук в дверь, Майя отложила тарелку с едой, поднялась с постели, взяла пистолет, потом натянула взятые со стула брюки и майку.

– Кто там? – спросила она, встав чуть в стороне от двери.

– Дахоев. Открывай, девушка.

Майя выругалась, – достаточно громко, чтобы ее услышал посетитель, – и открыла дверь.

Бородатый боевик вошел в комнату, пропускаемый Майей, без интереса оглядел разбросанную по полу одежду и остолбенело застывшего за столом парня. Сел, за неимением другой мебели, на табуретку напротив.

– Уйди отсюда, – без выражения бросила парню Майя, усаживаясь на кровать.

Парень, доказывая не полную свою безнадежность, быстро похватал вещи и смылся, прикрыв дверь.

– Веселишься, – отметил Дахоев, сбрасывая автомат с плеча.

– Живу, – без эмоций то ли дополнила, то ли поправила Майя. – Чего тебе нужно?

– Ты.

– Извини, – невесело засмеялась девушка. – Я не железная. Придется тебе сегодня обойтись чем-нибудь более для тебя привычным. Скажем, свиньей.

– В моем деле свиньи без надобности, – не оценил Дахоев. – У меня для тебя задание. Хочу, чтобы ты знала, что лидер Джамал снова доверяется тебе именно по моему настоянию.

– Вон оно как, – скривила губы Майя. – По твоему настоянию, значит. Месяц назад твое настояние привело к тому, что меня всю поломали, а теперь оно же удумало возвращать меня в лоно организации. Чем же это я заслужила?

– Много чем. Хотя бы тем, что ушла от скотов из СГБ и добралась живой и незараженной до нас. Если, конечно, так оно и было.

Майя долго молчала, глядя собеседнику в глаза, но это было дохлым делом: прочитать что-то по Дахоеву было нереально. Все равно, что пытаться резиновым шлангом избить батут.

– Что у тебя за задание? – спросила, наконец, она.

– Возглавишь группу, – без промедления ответил Дахоев, – из четырех человек, включая тебя. Проследишь за надзором, следователем. Заберешь у него кое-что, его самого – убьешь.

– Что забрать?

– Несколько дней назад один из наших поставщиков взрывчатки сообщил, что за ним следили. Он попытался пристрелить преследователя, но ничего не вышло, тот ушел. В ту же ночь кто-то убил одного следователя из Надзора, а его расследование, касающееся как раз поставок нам взрывчатки, было забрано из Надзора в СГБ.

– Это странно, – прищурилась Майя.

– Это подозрительно, а не странно. Мы думаем, что наш поставщик вполне может оказаться не таким уж и нашим.

– Сгбшник, – кивнула Майя.

– Может, и сгбшник, – не стал спорить Дахоев. – Очень на то похоже. Возможно, поставщика преследовал, не зная о том, кто он такой, надзор, а как только этот надзор понял, во что вляпался, его закопали сгбшники, прикрывающие своего.

– Мрази.

– Еще те. Перед смертью надзор мог передать своему напарнику, твоей цели, информацию о случившемся. Она нам нужна, в любой форме. Это может быть записка с пояснениями, диск с данными, что угодно. Добудь это.

Майя некоторое время молчала, обдумывая услышанное до тех пор, пока Дахоев не потребовал подтверждения того, что она поняла приказ.

– СГБ, – медленно покачала она головой, – какими бы тварями они не были, не стали бы просто так мочить свояка, пусть и из Надзора. Это чушь.

– Девушка, – прервал ее Дахоев. – Хватит болтать. На войне не болтают, а дела делают. Ты свое сделаешь?

– Как это поручение связано с вашим расследованием покушения на Картера? – не дала сбить себя с толку Майя. – Как информация этого надзора связана с тем, что кто-то послал месяц назад нашего смертника без нашего ведома? Я не слепая, я вижу, какой переполох начался из-за Берга.

– Да ты умница, девушка, – Дахоев скривился так, словно почувствовал на губах мерзкий привкус. Это было первым проявлением эмоций, которое он себе позволил за этот визит. – А нам нужны не умницы, а исполнители. Остальных мы отбраковываем. Я думал, тебе это ясно.

– Дахоев...

– Молчи! – резко оборвал ее мужчина, тряхнув бородой. – Молчи, пока вконец не запаршивела в моих глазах! Нет никакого переполоха, нет никакого расследования! Берг был мучеником, добровольно пошедшим на смерть! Да, мы его не посылали, но быстрая проверка все вскрыла – его квартира, найденная в ней литература, вещи – все свидетельствует о том, что он давно готовил себя к этой акции. Он предпринял ее без нашего ведома – это плохо, но он принял смерть как настоящий свободный человек, как предписывает ему «Кредо». Возможно, тебе стоит внимательнее перечитать наш духовный труд, но что тебе точно стоит сделать – так это прекратить разлагать организацию своими выдумками. Ты меня поняла?

– Поняла, – угрюмо ответила Майя. Дахоев редко повышал голос, и ей, как ни странно, стало вдруг совсем не по себе от осознания того, что она его взбесила. – И все же...

– Никаких «все же», – безапелляционно прервал ее Дахоев, поднимаясь на ноги. – Ты берешься за дело?

– Берусь.

– Надзора зовут Ричард Ортега. Детали здесь, – он бросил ей на колени старую потрепанную папку. – Не знаю, откуда ты, девушка, набралась своих мыслей, но мы на войне, и у меня нет ни желания, ни времени в этом разбираться. Поступим мы по-военному. Выполнившая задачу Майя Фаукс будет бороться за общее дело дальше, руководя, как когда-то, боевыми группами на операциях. Майя же Фаукс, решившая предать «Кредо» и организацию, решившая болтать несурезицы и распространять слухи, будет, по законам военного времени, висеть. Выбериай, девушка.

Через несколько минут после того, как Дахоев ушел, хлопнув дверью, Майя подошла к столу, достала бутылку спирта и сделала хороший глоток, закашлялась. Потом посмотрела на растерзанную постель и вдруг жутко пожалела, что поторопилась выгнать любовника.

Темнело этой осенью очень и очень рано. Не успел завершиться на приятной улыбке дикторши вечерний выпуск Единого новостного агентства, как улицы уже затянуло матовой темнотой. Вероятно, причиной тому были медленно, но верно убивающие природу процессы, происходящие с климатом из-за войны. Или десятилетиями не обновляемая техника на городских предприятиях отравляла маслянистыми нефтяными облаками небо, запирая солнечные лучи. А может, все было как обычно, как и год, десять лет назад. Может, виной всему были причуды восприятия, скрашенные отдающими могильным холодом мрачными размышлениями.

– Завтра, слышь, собраться не получится. А вот послезавтра, думаю, будут все. По крайней мере, из стариков. Бренди не побрезгуешь?

– Не побрезгую.

– Да-а, – протянул лейтенант Саровски, притормаживая на светофоре. – Нелегко же тебе сейчас. Сколько вы там с ним работали?

– Восемь лет.

– Восемь. Надо же. Дай Боже всем так. Ты не подумай, слышь, по вам видно было, что вы с Винксом не просто коллеги, а и друзья. Мне бы так.

Машина катила по вечернему, выглядящему ночным, городу. Промытые маслянистым грязным дождем окна автомобиля светились мозаикой пронсящих рядом фонарей, рекламных вывесок, фар.

Встречным ветром в нос забивались запахи несвежей влаги, гари и бензина. Когда машина проезжала городской рынок, обоняния приятно коснулись перемешанные ароматы лука, огурцов, картофеля и кинзы. Ароматы специй. За поворотом запах овощей и фруктов сменила въедливая вонь гари и пороха. Пламя пожара после очередной спецоперации уже прибили, но из почерневших окон дома все еще выветривался дым достаточно сильный, чтобы его можно было заметить в сумерках. За линией оцепления в соседнем дворе толпились люди. Дети бегали по размоченной дождями песчаной площадке, взрослые переживали, новостные репортеры сочувственно кивали, работали.

– Мне бы так, – повторил Саровски. – Что угодно могу поставить, слышь, что если меня грохнут, Медич только рад будет. Мы с ним друг друга переносим, как Джамал и Картер.

– Да? И кто из вас Джамал?

– Шутишь, что ли, Ортега? Ну, уже что-то. А не повезло все же Винксу, – заметил вдруг лейтенант, – не повезло.

– О чем ты, Саровски? Кроме очевидного?

– Погиб по-дурацки, не на службе, – пояснил коллега Ортеги, выводя машину на шоссе, – Не по делу погиб, от каких-то религиозных козлов-импотентов. Я бы так не хотел.

– А как бы ты хотел? – поинтересовался Ричард, не отрываясь от мелькающих за окном огней.

– Я бы хотел дома, в постели у Риты, – Саровски рыгнул. – Впрочем, учитывая далекую перспективу, лучше уж у ее сестры – она на двадцать лет моложе. Жену я люблю, но умирают один раз, так что можно себе позволить.

– Не думаю, – Ортега кашлянул, прочистил горло, – не думаю, Анджи, что Винкс вообще хотел умирать. Вне зависимости от опций.

– Что, даже на службе?

– Насколько я его знал, да, даже на службе. Понимаешь ли, Анджи, на службе ли, не на службе, с любящей ли женой в постели или с ней и со всей ее родней разом, умирают, как ты верно заметил, только один раз.

Вырулив с шоссе, автомобиль резко набрал скорость, рванул под спуск. В другой ситуации Ортега отсоветовал бы водителю ехать через торговый центр, но сейчас ему было все равно.

Проехав километр, машина плотно встала в веренице автомобилей на светофоре. На перекрестке проходила дорога, которая использовались в городе водителями грузовиков и прочих тормозящих движение легкового транспорта фур. Стоять здесь приходилось регулярно и подолгу.

– Ну не знаю, Ортега, – убедившись, что разворачиваться и ехать обратно уже поздно, Саровски сплюнул в окно, попал на велосипедиста, ответил матом, погрозил кулаком. – То, что мы с тобой делаем, слышь, это благо. Мы с тобой примерно одного возраста. Вспомни, что было в сороковых, в пятидесятых. Еды нема, кругом криминал. Сейчас, может, и есть проблемы, зато мы все еще живы, благодаря всему тому, слышь, что Совет Структур за последние годы создал. Поэтому, коли надо будет, лично я готов за это голову положить.

– Готовность-то готовностью. Но мы, вроде, говорили о желании. А желаю я жить в обществе, где моя работа приносит кроме удовлетворения чувства долга еще и реальные плоды. Желаю, чтобы моя работа приводила к результатам: уменьшала количество убийств, насилий, грабежей. Делала то, ради чего была изначально создана. Желаю, чтобы кроме Департамента правильно работали министерства и службы, чтобы толпы не собирались на Гражданский марш и чтобы из припертых к стене людей не рождались фанатичные религиозные сволочи, отрезающие по ночам людям пальцы и другие части тел в подворотнях.

– Зря ты, – вздохнул, немного помолчав, Саровски, – зря ты туда ездил. Не на что тебе там было смотреть.

Ортега не ответил.

– А по тому, что ты говоришь, ответчу так. На марш сегодня приперлись почти семьдесят тысяч недовольных. Если предположить, что еще по три раза столько же тоже недовольны, но, будучи ленивыми жопами, остались дома, то все равно получается, что большинство все устраивает.

– Все равно так нельзя. Слишком многие остаются за порогом, слишком многими приходится жертвовать.

– И что же ты предлагаешь? Этих самых многих, слышь, действительно немало, но даже они ничего сделать не в состоянии. Хочешь доказательств – посмотри на Силовую площадь. Там до сих пор, наверняка, смердит дымом и кровью. А ты что предлагаешь?

– Да ничего, в принципе, – Ортега невесело скривил губы. – Просто ворчу. Может, верхи и можно растормошить, но только с низов. А с большого криминала всегда кормится малый.

– Старая Вера, – догадался Саровски.

– Они, – согласился Ричард. – Или другой ответственный. Что покажет следствие.

– Следствие все покажет, – пообещал лейтенант Анджей Саровски, притормаживая во дворе дома Ортеги. – Можешь, слышь, не сомневаться. У Медича на религиозных нюх тот еще. Мы с ним их найдем. Тех, кто их организовал – тоже. Психов сдадим в дурку, организаторов засадим так, что на нарах от их жоп к концу срока следы останутся. Не сомневайся, Ортега.

– Не уверен, что мне это так уж нужно, – Ричард надел шляпу, застегнул пальто, – но все равно спасибо, Анджи. За то, что подбросил – тоже. Бывай здоров.

– Бывай здоров.

Лифт в подъезде не работал. Еще лет пять назад его отключили на профилактику, видимо, все еще не закончившуюся. Второй подъемник вышел из строя позже, года два назад, да так и стоял на первом этаже, распахнув в предсмертной агонии двери. Вздохнув, Ортега двинулся вверх по лестнице, считая этажи.

В действительности, Ричард прекрасно понимал и даже в чем-то соглашался с Саровски. Смертность среди сотрудников следственного отдела Надзора была не такой уж и высокой, и зачастую имела причиной профессиональную деятельность. Эдвард же Винкс частенько лез на рожон, работал несколько раз под прикрытием, регулярно лично присутствовал при специальных операциях. И выживал. Красиво выживал. С улыбкой, юмором, посмеиваясь из-под своих шикарных усов. Работа с ним была для Ортеги большим подспорьем, позволяющим гораздо проще справляться с постоянным стрессом.

А теперь Винкса убили. Не торговцы горячей травой, не чокнутые уголовники, не боевики. Нет, его убили какие-то долбанутые на голову шизики, во имя своих тухлых сумасшедших идей.

Черт побери.

Нет, все же по здравому размышлению Ортега не будет на этот раз оставлять все коллегам. Конечно, расследование поручили не ему, напарнику убитого, но Ричард был в достаточно хороших отношениях с Саровски и Медичем, чтобы попросить об услуге. О содействии. Вряд ли они откажут, в чем можно было убедиться после сегодняшнего разговора.

Лимитированное ночное освещение на этаже не работало. Уж во имя профилактики или чьего-то раздолбайства Ортега даже думать не мог. Сегодняшний день принес слишком много злых вестей, чтобы беспокоиться об очередном маленьком провале маленького мирка офицера Департамента Надзора Ричарда Ортеги.

Это так забавно. Он, пусть и не верил, но все же говорил о какой-то там победе над преступностью, об исполнении Департаментом своей роли, когда в его собственном подъезде не работало освещение и не ходил лифт.

Повозившись пару минут в темноте с ключом, Ортега наконец-то попал в замочную скважину, открыл дверь, миновал предбанник.

Пока вешал шляпу на сушилку и снимал пальто, прогнал еще раз в голове последние мысли. Нет, все же лучше решить все потом, на свежую голову. Через неделю, возможно. В конце концов, если с Эдвардом сделали это не какие-нибудь психи, а серьезные люди, Ортега добраться до них не сможет. Разве что решит прежде пробиться через армию левых людей, окружающих любое судебное разбирательство. С таким Саровски ему помочь будет уже не в состоянии.

И все же если это будет кто-то другой, Ортега должен их достать. Чтобы Эдварду хорошо лежалось. А в зеркало потом Ортега как-нибудь научится смотреть, не в первый раз собственное отражение грозило стать ему невыносимым.

Ричард зажег свечи, помыл руки, умылся, решил не бриться, побрел на кухню. Желания приготовить в добавку к вечернему пищевому пайку хотя бы лапшу не было совершенно, поэтому он быстренько кое-как соорудил бутербродов с бледным плавленым сыром, заварил чай, уселся на диван. Телевизионные каналы радовали детской вечерней программой, песенным конкурсом и познавательной передачей о природе аберрантов с видеоматериалами и фотоиллюстрациями. Выбрав центральный городской канал, Ортега откинулся на спинку дивана и принялся за бутерброды.

– Крупномасштабное столкновение с аберрантами сегодня днем вынудило защитников города привлечь авиацию. В результате длившегося почти час боестолкновения двое защитников Барьера погибли, еще пятеро находятся в коматозном состоянии на карантине. Представитель Командования Барьером заявил, что было ликвидировано свыше сотни аберрантов, бросившихся в атаку на город по невыясненным пока причинам. Погибшие офицеры Департамента Надзора за правопорядком будут, по заявлению властей, представлены к посмертным наградам, равно как и ряд прочих героически проявивших себя сотрудников.

Невесело усмехнувшись над двусмысленностью последней фразы, Ортега немного подумал и выключил телевизор. Очутившись в тишине, он откинул голову на спинку дивана и закрыл глаза.

Даже выпуск новостей не поднимал настроения, не приносил обычного расслабления. Паршивый, на редкость паршивый день. Не стоит с таким настроением принимать никаких серьезных решений.

Хотя нет, пошло все к черту. Убийцы Винкса заплатят. В любом случае заплатят. Но сперва нужна информация. Без информации точно ударить не получится.

Открыв глаза, Ортега некоторое время боролся с нежеланием что-либо делать, но заснуть ему все равно не удалось бы, а чтению он вряд ли смог бы уделить достойное этого занятия внимание. Словом, не было ничего лишнего в том, чтобы достать-таки валяющуюся в кармане пальто флеш-карту, добытую утром в магазине, и узнать, в чем дело.

Отложив тарелку с бутербродами, Ортега не спеша встал, добрался до прихожей, достал из кармана флешку и направленный микрофон. Покрутил его по пути в рабочий кабинет, положил на стол. Модели прибор был, как и показалось утром, именно такой, какой пользовался он сам по долгу службы. Учитывая, что по нему пару раз в жизни стреляли из такого же пистолета, которым он пользовался сам, становилось и вовсе забавно. Получалось, что единственной материальной вещью, что отличала его от преступников, было удостоверение. Впрочем, документы тоже запросто подделывались.

Ортега вставил флешку в порт компьютера, проверил ее на вирусы, открыл.

И замер. Потому что флешка в своем названии несла порядковый номер удостоверения Винкса. А значит, принадлежала именно ему.

А потом Ортега запустил звуковые файлы, запись некоего разговора, произошедшего, судя по дате, этой ночью.

Долгое время лейтенант сидел неподвижно, не слишком осмысленным взглядом упершись в давно уже потухший монитор компьютера. Потом медленно поднялся, не переодеваясь и не запирая дверь вышел на лестничную клетку, спустился на один этаж.

– Кто там? – раздался из-за двери опасливый и не слишком внятный голос. Пока Ричард зависал над звуковыми файлами, прошло немало времени, стрелки часов уже давно перевалили за полночь. Лейтенант об этом даже не задумался.

Ортега прочистил горло.

– Это Ричард Ортега, ваш сосед сверху. Скажите, вас вчера ночью никто не заливал водой?

– Это что, самое подходящее время для таких вопросов?

– Просто скажите «да» или «нет».

Сосед некоторое время молчал, явно борясь с желанием послать ночного посетителя к черту и отправиться спать. Поборол.

– Нет, никто меня водой не заливал.

– И участковый наш к вам не заходил?

– Нет, не заходил.

Немного помолчав, Ортега ушел, не прощаясь. Тихо поднялся к себе в квартиру, запер дверь. Немного поразмышлял о том, что лучше: алкоголь или успокоительное. Выбрал и то и другое. На опасность для сердца ему сейчас было конкретно наплевать.

Пил он долго и невдумчиво, стопку за стопкой, мешая все, что только мог найти. Легче не становилось, совсем наоборот. Время от времени он обнаруживал себя истерически посмеивающимся или пускающим слезы. В какой-то момент вдруг осознал, что стеклянный сервиз разбит, а окровавленный кулак разгибается с большим трудом.

Ближе к утру, когда стало легче, Ортега сравнительно спокойно поднялся с дивана, потратил час на извлечение осколков сервиза из руки и уборку квартиры. Попробовал, – без особого успеха, – погрызть сухариков и хлебцев, потому что есть хотелось безумно.

А потом извлек из компьютера флешку Винкса, взял тяжелый выдавший виды молоток из старой зеленой коробки с инструментами и разбил карту на множество маленьких кусков.

– Илай Скарро, – приятно, по-отечески глянул на гостя полковник Марков. – Капитан Илай Скарро. Знаете, а вы, похоже, очень способный молодой человек, раз дослужились до капитана к своим тридцати двум.

– Делаю все от меня зависящее. Полковник.

Скарро на улыбку хозяина кабинета не ответил. Его четко очерченное худое лицо хранило холодное выражение. Выразительные карие глаза беспокоили, нервировали неподвижной пронзительностью. Коротко подстриженные – подстать спортивному телосложению – черные волосы не скрывали напряжения лба и висков, свидетельствующее о том, что он фиксирует и оценивает каждое услышанное слово, каждый лишний жест или недостаточно убедительный смешок.

Илай Скарро ничем не демонстрировал нетерпение или презрение, но его холодная уверенность в себе заставляла неуютно поторапливаться, не болтать попусту и переходить к сути дела.

Скарро беспокоил. Впрочем, похоже, на Маркова это не распространялось.

– Как хорошо, – полковник откинулся на спинку стула, пригубил горячего чаю. – Для Службы гражданской безопасности вы, вероятно, ценный кадр. Хотя не могу не отметить, что

столь быстро проходимые ступеньки карьеры обычно свойственны либо близким родственникам чьих-то больших людей, либо любителям карабкаться по трупам. К вам, капитан, это случайно не относится?

– Особенности мои служебной деятельности, полковник Марков, – Скарро не потушил темного взгляда, – касаются исключительно моего непосредственного начальства.

Марков еще раз усмехнулся, отставил напиток и уже серьезнее глянул на собеседника. Серьезнее, но все еще чуть насмешливо.

– Весьма верное замечание. Как оно, к слову, – ваше начальство? Я говорю, конечно, о генерале Борожем, вашем, как вы выразились, непосредственном начальнике. Спрашиваю не из праздного интереса, а потому что мне посчастливилось несколько лет работать в тесной связи с генералом и могу подтвердить: упрекнуть его можно во многом, но не в посредственности.

– Генерал Борожий пребывает в добром здравии, спасибо. Напомню, полковник, что именно по его поручению, а не из собственной прихоти, я нахожусь здесь.

Марков задумчиво кивнул, не спуская глаз с карего блеска из-под бровей Скарро.

– Разумеется. Мне лишь хотелось бы увериться, что по пути своей столь шустрой карьеры, вы, Скарро, не оставите за собой пару трупов в моем отделе.

Скарро показал в улыбке ровные зубы. Улыбался он на удивление мило. И очень натурально.

– Это зависит от обстоятельств, полковник. Как уже было сказано, я всегда делаю все, что от меня зависит.

– В данном конкретном случае речь идет напрямую об угрозе моему сотруднику, Скарро. Ситуация требует вовлеченности всех, я бы сказал, заинтересованных сторон.

– Именно поэтому, полковник, я и был послан к вам. Чтобы провести совместную работу.

– Вы хотели сказать «получить необходимую информацию»?

– Я сказал именно то, что хотел. Следственный отдел Службы гражданской безопасности уже некоторое время располагает сведениями о связях с Сопротивлением двух ваших сотрудников. То, что один из них внезапно погиб при крайне странных обстоятельствах поторапливает нас, не позволяет нам и дальше продолжать пассивный сбор информации.

– И вы решили перейти к активному вмешательству в дела независимого Департамента, миновав его отдел собственной безопасности.

– У нас есть определенные причины поступать именно так. Полковник. – Скарро чуть нахмурился, сделав вид, что решил доверить Маркову нечто важное. – Серьезные причины. Заверяю, мы огласим их, как только сможем.

– Разумеется, Скарро, – Марков сделал вид, что поверил.

Выставив грудь и полный живот, расставив носки чистеньких ботинок и задрвав подбородок, Олаф Семеш выглядел довольно забавно. Светлые салатные глаза Олафа Семеша задорно поблескивали на крупном лице, обогащенном яркой живой мимикой. Соломенные волосы Олафа Семеша в полном беспорядке торчали из макушки в разные стороны, подобно выгоревшей на солнце половой тряпке. Олафа Семеша можно было принять за задорного студента старших курсов, судя по разбросанному виду, еще не определившемуся, зачем он вообще пошел в высшее учебное заведение и что ему с получаемым образованием делать в дальнейшем.

Олаф Семеш выглядел простачком. И совершенно им не являлся.

В частности, Олаф Семеш, ни разу не видевший полковника Маркова в ярости, мигом сообразил, что сейчас с тем что-то не так, а потому встал по стойке «смирно». Все было просто: Марков забыл предложить подчиненному присесть, что уже о многом говорило.

– СГБ, сэр, – невыразительно, но с удивительным пониманием проблемы произнесли забавные пухлые губы Семеша. – Это будет непросто.

Марков смотрел в окно, машинально помешивая уже остывший чай.

– Вероятно. Но, Семеш, пойти на поводу в этой ситуации мы не можем. Скарро будет копать, будет выжимать. Будет пытаться подкупить и запугать. СГБ зачем-то понадобился Ортега, в чем-то они его подозревают и для чего-то им пришлось связаться с нами. Я хочу знать, в чем дело.

– Мне нужно проследить за сгбшником, – спокойно констатировал Семеш.

Марков повернулся к нему.

– В том числе. Учитывая, что это все же «старший брат», не лезь на рожон, но и не отпуская поводок слишком далеко. Это будет твоей второй задачей.

– Второй, сэр.

– Первой и основной станет Ричард Ортега.

На смешном полудетском лице Олафа Семеша на мгновение мелькнуло неясное выражение.

– Установишь за ним круглосуточное наблюдение, – продолжил Марков. – Будешь лично сообщать мне о любых странностях поведения. С учетом, конечно, того, в каком он сейчас состоянии после смерти Винкса. Странные звонки, знакомства, маршруты – я хочу знать все. Но самое главное, Семеш – сохрани Ортегу в живых.

– СГБ, – снова кивнул Олаф. – Думаете, они могут его...

– Уверен, – прервал Марков. – Уверен, что могут.

В кабинете повисла тишина. Марков, казалось, задумался о чем-то своем, смешной же Семеш все столь же четко и дисциплинировано стоял перед ним.

– Сэр, – прервал, наконец, тишину Олаф. – Если СГБ правы... если Ричард Ортега и правда...

– Если Ортега виновен, он предстанет перед судом и будет, при соответствующем приговоре, казнен. Не раньше.

– Еще один вопрос, сэр.

– Слушаю, Семеш.

Надзиратель некоторое время молчал. Марков не подгонял его, ждал, пока тот найдет нужные слова.

– Сэр. Какого черта происходит? При всей нелюбви к СГБ... они же просто делают свою работу. Они не стали бы убивать или пытаться убить офицера Надзора без чертовски серьезных причин. Или нет?

На этот раз уже Олаф не подгонял Маркова. И дело было не в возврате любезности. Совсем нет.

– Будь я проклят, если знаю, Семеш, – ответил, в конце концов, Марков.

В одном Марков был прав на все сто процентов: Илай Скарро и правда копал и выжимал, причем отменно. Копал под людей и выжимал их же. По крайней мере тех, кто это ему позволял.

По следственному отделу Надзора уже некоторое время циркулировали слухи о деятельности внезапно свалившегося на его голову капитана СГБ. Его появление предвещало густое, широким фронтом расплывающееся душное чувство уязвимости, опасности. За ним же оседал липкий туман неуверенности, тревоги.

Скарро посетил в течение одной рабочей недели всех более-менее близких сослуживцев Ортеги, но не потрошил никого угрозами, не давил полномочиями, не пытался подкупить. По крайней мере, никто сам об этом не говорил, а подобные предположения отрицал. Это порождало лишь еще большую нервозность. Подозрительность.

Поговорил офицер СГБ, конечно, и со всеми теми, кто вместе с Ортегой провожал Винкса в последний путь. Поэтому когда к лейтенанту Саровски в кабинет со стуком вошел Скарро, тот прекрасно знал, как себя вести и что говорить. На вопросы по делу отвечал четко и кратко, без вызова, на иные предпочитал не реагировать. Все время ожидал, что собеседник вот-вот начнет предлагать деньги или обрисовывать «альтернативы» откровенным ответам. Но Скарро был неизменно корректен. И холоден. А перед уходом улыбнулся. Весьма и весьма, казалось, удовлетворенно.

Выбитый из колеи Саровски еще долго не мог прийти в себя, не понимая, что же его так смутило. Не разобравшись, лейтенант достал из тумбы стола бутылку виски, глотнул прямо из горла, закашлялся, убрал, и пришел к двум выводам. Первое: виски оказался крепким, и второе: он чертовски не любит Службу гражданской безопасности.

Глава 7

Пиво было холодным, мясо с гарниром – благородно теплым.

Освещение в баре-ресторане, как и всегда после девяти вечера, приглушили. Вокруг ламп болтались на тонких невидимых издали нитках бумажные светлячки.

Из телевизора над барной стойкой раздавались временами приятные, в остальном – отвратные голоса и мелодии выступающих в музыкальном шоу исполнителей. Хозяин заведения несколько месяцев мучился, подбирая подходящее звуковое сопровождение своему бару. Старожилы помнили «Красного аиста» и спорт-баром, и блюз-кафе. Когда-то здесь исполняли живой джаз, когда-то гремели молодежные мотивы. Продолжалось это до тех пор, пока хозяин не понял, что люди приходят к нему не для того чтобы кого-то или что-то слушать, будь то музыка или собеседники. Люди шли в «Красный аист» выговориться. Или упиться.

Упивающийся уже неделю Ричард Ортега выговаривался. Вместе с ним привычно жаловались еще трое человек, с которыми он познакомился здесь же.

Сложно было сказать, на что больше налегал Андрей Лозинко, редактор спортивной газеты – на еду или выпивку. Ловко орудуя ножом и вилок, толстый, наверняка толще уничтожаемой сейчас свиньи, Лозинко утробно урчал, чавкал, закатывал глаза и богохульствовал.

– Картер – мудака, – богохульствовал он, потрясая вилок с насаженным на нее солидным куском мяса. – Наш великий и непогрешимый президент. Мудака, мать его.

– Поясните, – потребовал неопределенного возраста субъект в широкополой шляпе по дореволюционной моде, которую он, судя по всему, то ли упорно не желал. ю то ли не мог, снять.

– И правда, Андрей, – с укором проурчал глазастый сухенький, как вишневая ветка, преподаватель, о котором было известно лишь то, что его фамилия Костыль и что он задолжал в этом заведении уже солидную сумму. – Вам ведь, как-никак, благодаря усилиям Совета Структур есть что кушать, чем запивать.

Ортега мутно хмыкнул. Действительно, Лозинко было, что кушать. Кушал он без перерыва уже минут тридцать, причем в хорошем темпе. И, судя по всему, заканчивать вовсе не собирался. По левую руку от него располагался пяток тарелок, заваленных обглоданными костями откушанных зверушек, по правую стояли четыре литровых стакана из-под пива, уже некоторое время как освобожденные от содержимого.

Лозинко закатил глаза, облизал густые светлые усы, ткнул в направление широкополого субъекта вилок.

– Ты. Чем занимаешься?

– Финансовыми услугами.

– Воруюсь, значит.

– Андрей, ну Андрей, – заурчал Костыль, уже полчаса мусоливший полулитровый стакан из-под пива. – Ну зачем же вы так? Мы тут кушаем... запиваем...

– То-то я и вижу, как много ты кушаешь. Учитель, а марок, похоже, зарабатываешь не слишком дохрена.

– Я учу! – возмущенно вскинул голову Костыль.

Лозинко промокнул губы салфеткой, придвинул следующую тарелку.

– Учи. Пока можешь, учи, потому что не сегодня-завтра Картер и твою школку прикроет. Ему умное поколение ни к чему.

– Факт, – внезапно согласились финансовые услуги в широкополой шляпе. – Совет Структур постоянно закрывает школы. А вузы? Что они делают с вузами? Лезут туда со своими программами, со своими специалистами! Ха!

– Ха, – икнул Ортега, решив, что надо поддержать разговор.

– Ха! Интересно, на чем эти специалисты специализируются, простите мою тавтологию! На краже денег и доносах на преподавателей в СГБ?

– Если есть, на что доносить, то правильно делают, что доносят! Я двадцать лет преподаю историю, и никогда у меня не было ни единой причины отойти от одобренной Советом Структур учебной литературы!

– Это потому что преподаватель из тебя, – невнятно прорычал из-за куриной голени Лозинко, – как из блокпоста на Барьере бальный зал. Или, выражаясь не столь завуалировано, как из козьей жопы – труба!

Не обращая внимания на раздувающего щеки сухонького Костыля, спортивный обозреватель отбросил последнюю кость, залпом допил пиво, расстегнул пояс.

– С другой стороны, ты хоть и зарабатываешь мало, но это хотя бы марки, а не переломы. На Гражданском марше была группа учителей из десятой гимназической школы имени Тареева, что в Третьем Блоке. Я там рядом стоял, видел и слышал все сам. Учителя те, пользуясь весьма грамотными аргументами, ставили под сомнение как результаты деятельности Картера в частности, так и бенефиты революции пятьдесят второго года в общем.

– И что, слушал их кто? – заинтересовался Ортега.

– Слушали, а как же. Оперполки Надзора. Причем так активно слушали, что переломали из чистого стремления к знаниям всех ораторов. Отмечу, что ни баб, ни стариков не жалели.

– Оперативные полки, надо бы вам знать, тоже получили неслабо, – вставили непонятно чью сторону в споре занимающие финансовые услуги. – Двадцать офицеров госпитализировано, около сотни пострадали!

– На фоне нескольких тысяч граждан, заваливших городские больницы, это не слишком впечатляет.

– Я слышал, – Ортега прочистил горло, прислушался к ощущениям. Решил, что говорить все же удастся. – Я слышал, что причиной столкновения между надзорами и митингующими стали сами митингующие. Они кидали камни, разве нет?

– Конечно, кидали, – с гордостью подтвердил Лозинко. – Потому что людей начали зажимать на сторонних улицах, забирать без объяснения причин в автобусы.

– Верно, – чихнули финансовые услуги.

– Но они же вышли за оговоренные и утвержденные границы шествия. Стали мешать движению на соседних улицах.

– Еще бы! Изначальный маршрут был кретинским! Там не уместились бы пришедшие двести тысяч!

– Из которых планировались, стоит отметить, лишь сто. Но, как говорили в новостях, пришло всего семьдесят.

– Двести, – уверенно кивнул на глазах расплывающийся в кресле Лозинко. Видимо, последний литр все же оказался лишним. – Гарантирую.

Ортега хмыкнул.

– Вы считали?

– Я спортивный обозреватель, а не бухгалтер! – гордо тряхнул усами Лозинко. – Мне не нужно ничего считать! Я как толпу вижу – жопой чувствую, какая в ней там статистика!

– Да, да... – не слишком внятно бормотали финансовые услуги.

– Да и забирать Свербицкого и Квалишвили было беспределом. Причем так жестко. Жестоко! Зачем?

– Мне казалось, они пытались снять с оперполковцев шлемы и забить тех палками?

– Чушь. Я был там, я все видел. На Свербицкого и Квалишвили напали подло, со спины.

– То есть со стороны митингующих?..

– Въехали автобусами прямо в толпу, – мигом нашелся Лозинко.

– Верно-верно...

– В чем я могу с вами согласиться, – кивнул Ортега. – Так это в том, что наш уважаемый президент – мудака. Потому что откомментировать такие массовые народные волнения шуткой про использование оппозиционеров в качестве приманки для аберрантов на Барьере мог только истинный дегенерат.

– А что ему будет? – внезапно спокойно поинтересовался Лозинко. – Он же сидит за всеми этими надзорами, сгбшниками, сопшниками.

– А все же не бесил бы народ. Кто знает, что будет, если он вконец всех задолбает.

Под потолком летали бумажные светлячки, телевизор голосил. Упивающийся уже неделю Ричард Ортега выговаривался.

– Насчет единственно верного варианта власти, я сомневаюсь, – Ортега потянулся за шляпой, да чуть не упал. – Никогда не слышал, чтобы в каком другом уцелевшем после войны городе была у власти организация вроде нашего Совета Структур.

– Совет Структур был создан, как идея, уже после путча двадцатого года, – Лозинко сидел чуть криво, медленно, но неуклонно заваливаясь на бок. – А когда после революции город был на грани выживания, требовалась сильная рука. Вы же наверняка должны помнить, что было в сороковых и пятидесятых. Взрыв газа под центральным шоссе?

– Было такое.

– Прорыв аберрантов в Шестой Блок? Кровь, заражение... Помните?

– Помню.

– Создание Службы городской очистки тоже ведь было правильным решением. Правда, работали они сперва диковато... Как семь лет был на карантине тот же Шестой помните?

– Помню.

– Да-а... Сильная рука нужна была, сильная власть. И нужна до сих пор. Но не за счет стагнации всего, что только можно. Картер выбрал простой путь: заседать, пока не сдохнет, тешиться властью. Поэтому он гробит образование, поэтому вкладывает дикие бабки в силовые структуры, поэтому вдабливает столько усилий в тактические, а не стратегические цели.

– Хочет, чтобы было спокойно и сыто, пока он у руля, – соглашаясь, кивнул Ричард.

В разговоре участвовали уже некоторое время только Лозинко и Ортега. Широкопольные финансовые услуги отошли в туалет и пропали там без вести. Рискующий же остаться без работы, но, тем не менее, идеологически поддерживающий происходящее вокруг Костыль, поняв, что никто ему больше одалживать не будет, скорбно удалился, ругая под нос оппозиционных обозревателей и бандитских ортег. Таким образом он уходил каждый вечер, так что никто не обижался.

– И все же, нигде, кроме нас, нету во власти банды из нескольких министров, из которых половина – силовики.

– Противодействующая сила, – мудро кивнул Лозинко, пуская газы. – Город забит террористами. Тут высокопоставленного надзора застрелили, там мужика из администрации президента подкараулили. Вчера диверсия на Барьере, сегодня взрыв в метро. Ясное дело, рулить должны надзоры и иже с ними.

Дурная мелодия из телевизора сменилась какой-то малоопознаваемой темой, вполне способной служить музыкальным сопровождением старого порнофильма.

– Да-а... А другие города, Ортега?.. Много ли мы знаем? Ну, вроде, есть такие. Вроде, связь с ними у властей имеется. Вроде, новости приходят. Да только так ли оно, не так – кто знает?

– Все ложь и обман, – окончательно провалился в кресло Ортега.

– И разврат, – добавил, прислушиваясь к ванильной мелодии, Лозинко.

На дороге за окном время от времени мелькали фары проезжающих в поразительной тишине и спокойствии автомобилей. Под потолком летали бумажные светлячки, телевизор голосил. Упивающийся уже неделю Ричард Ортега выговаривался.

- Знаешь, я ведь даже не помню, как ты ко мне подседа.
- В твоём-то состоянии? Неудивительно.
- Неудобно как-то.
- Пустое.

Ортега поднял взгляд, осматривая тонущие во мраке артистичные фотоснимки, усеивающие стены заведения. Сейчас он, разумеется, не мог разобратить, что было на них изображено, но смутно помнил, что при дневном свете они вызывали какие-то возвышенные эмоции.

- Ну, пустое так пустое.

Взгляд Ортега отвел преимущественно для того, чтобы скрыть некоторое смущение. Он действительно не помнил, когда и при каких обстоятельствах общество ему решила составить красотка лет двадцати пяти-тридцати. И когда они успели перейти на «ты».

– Дабы не накалять обстановку, – решил, наконец, Ричард на вопрос, мучавший его уже некоторое время. – Позволь спросить... э-эм...

- Майя, – улыбнулась девушка.
- Разумеется, – не смутился Ортега. – А я – Ричард.
- Помню.

– Ну да. Так вот... Майя, сейчас я уже начал более-менее приходить в порядок, поэтому должен уточнить, не говорил ли я тебе за то время, что мы тут сидим, чего-то, за что мне теперь должно быть стыдно?

Девушка заглянула во все еще дымящуюся ароматом чашку из-под фруктового чая, сделала глоток. Стоить такой напиток должен был чертовски немало, и Ортега искренне надеялся, что это не он угостил им новую знакомую.

- А чего по-твоему вообще стоит стыдиться?
- Пошлости.
- Пошлости?

– Чего-то, что идет вразрез нашим морально-этическим убеждениям, – просидев сегодня в баре уже немало часов и денег, а также удачно миновав кризис, Ортега начал потихонечку трезветь, а в таком состоянии любил поговорить о том, что в иной ситуации назвал бы чушью. – Чего-то, что мы не сказали бы просто так малознакомому человеку.

- А мы с тобой, выходит, уже хорошо знакомы.
- Вряд ли. Поэтому и спрашиваю.

Майя усмехнулась. Как и в прошлый раз, одними губами.

Ортега, пожалуй, вышел из несколько одеревенелого состояния именно из-за смутного чувства тревоги. Сейчас он, похоже, уже понимал, в чем дело.

Девушка была странной.

Красоткой ее назвал, вероятно, все еще циркулирующий в его крови алкоголь. Девушка действительно была весьма и весьма хороша. Но это было заслугой природных данных, не более того. Небольшой вздернутый нос, интересно подведенные скулы, приятная пухлость губ, красивые чуть приподнятые брови, темные волосы, собранные в задорный хвостик. И холодные, отрешенные глаза. Два ярко-зеленых циферблатика, за которыми откровенно крутились какие-то шестеренки. Нехорошие шестеренки.

К тому же Майя была не слишком ухожена. Отсутствие макияжа не удивляло – многие женщины не могли его себе позволить, однако было и что-то еще. Обветренная, чистая, но не очень здоровая кожа. Аккуратные, но не совсем ровно подрезанные ногти. Хорошая,

не слишком бросакая, но удачная одежда, в которой девушке было заметно непривычно. И морщины – следы тяжело перенесенных болезней или сложной жизни.

Ортеге казалось очевидным, что за кого бы Майя ни пыталась себя здесь выдавать, этим «кем-то» она наверняка не являлась.

Впрочем, придя к такому умозаключению, Ричард снова расслабился, откинулся на спинку кресла, сплел пальцы на животе. Ему было, в общем и целом, понятно, кем Майя скорее всего была.

Девушки, выходцы из неблагополучных с низким гражданским статусом семей, пытающиеся быстренько обзавестись сравнительно состоятельным супругом, были не в диковинку в центральных Блоках города. Здесь всегда располагалось множество офисов и контор, клерки из которых были зачастую одиноки. Прекрасные охотничьи угодья для неспособных найти из-за низкого статуса работу девушек, понимающих, что красота и молодость не вечны. Что нужно ковать железо, пока горячо.

А может, Майя просто была свободной ночной бабочкой, не желающей работать в организации. Или тоскующей молодой вдовушкой. Или любительницей приключений.

Кто знает?

Ортега про себя усмехнулся. Он действительно не помнил, как к нему подседа резво перешедшая на «ты» девушка, зато прекрасно помнил свои намерения в ее отношении. И пусть небесная красота Майи утекала вместе со стремительно растворяющимся счастьем в хмели, планов своих Ортега пока менять не собирался.

Чего ради?

– Да, вряд ли я хорошо знаю тебя, а ты – меня. Поэтому и спрашиваю.

– А что, если, – Майя заправила выбившиеся волосы за уши, потом откинулась на спинку кресла, тоже сплела пальцы на животе. Отметив про себя, что девушка пытается его отзеркаливать, Ортега внутренне утробно заржал. – Что, если и было что-то... пошлое? Что сделаешь?

– Извинюсь.

Майя рассмеялась.

– Крутой дядя, нечего сказать. А если учесть, что у нас с тобой вряд ли похожи... как ты это сказал? Моральные и этические убеждения?

– В одном обществе живем, – пожал плечами Ортега. – В одном городе. Смотрим одно и то же, слушаем одно и то же. Делаем. На поверхности что-то наверняка разное, но в сердцевине...

В глазах Майи возникли и провернулись зеленые чертики.

– Вряд ли мы с тобой смотрим одно и то же. Вряд ли одно и то же читаем, – она резко отвернулась, взглянула на улицу. – И тем более делаем.

Ортега проследил за взглядом девушки. Там, за окном, уже царилась ночь, дождь то накрапывал, то моросил, а из тьмы в конус света фонарей время от времени выныривали мокнущие спешащие фигуры.

– Делаем наверняка одно, – тихо произнес Ортега, удивляясь своему разморенному покою, накатившей лирике. – По разному – да. Но одно.

Майя фыркнула, причем Ричард готов был поклясться, что услышал первый не наигранный звук, изданный ей сегодня.

– Да? И что же?

– Выживаем. Каждый по-своему.

Долгое время они молчали, слушали удары дождя по окну. Музыка из телевизора сменилась какой-то ночной дискуссией о проблемах здравоохранения, гул голосов немногих остающихся в баре посетителей накатывал вместе с приносимой им сонливостью.

– Ладно, – прервала тишину Майя, резко, решительно взглянув на Ортегу. – Кое-что ты все же говорил, пока еще философствовал бухим и бордовым. В частности, говорил разные

приятности о моей заднице. А теперь, – девушка резко вскинула головой, поправила волосы, – извиняйся, если хочешь.

Ортега усмехнулся, на этот раз не про себя. Не стесняясь, но без наглости во взгляде осмотрел собеседницу, насколько это позволял низкий стол. Стол, стоит отметить, не только не мешал, но и поощрял.

– Извиняюсь, – чуть кивнул Ортега. – Извиняюсь, что делал, будучи бухим и бордовым, приятностные комплименты твоей заднице. Которая, тем не менее, весьма хороша.

В зеленых фонариках Майи снова дернулись чертики, морщинки вокруг глаз чуть углубились.

– Далеко живешь?

– Минут двадцать пешком.

– Один?

– Конечно.

– Идем.

«Красный аист» располагался в двух станциях метро от дома Ортеги. В конце рабочей недели он предпочитал оставлять служебную машину на стоянке на территории конторы. По дороге домой лейтенант обычно выходил, не доезжая пары остановок. К концу недели он, случалось, ощущал некоторый дискомфорт, некоторую неправильность происходящего вокруг. Дискомфорт же лейтенант Департамента Надзора Ричард Ортега умело топил. Весьма умело.

Изведенный обычно связанным с оперативными мероприятиями стрессом, который он вот уже несколько лет прятал внутри, Ортега имел привычку расслабляться вовсе не дома. И хоть привычка эта обычно колола его где-то глубоко в душе некоторым стыдом, он осознанно старался об этом не думать. Многие это делали, это нормально.

Посиживая в «Аисте» до тех пор, пока утопленный дискомфорт не переставал пускать пузыри, Ортега собирался, проверял, на месте ли табельный пистолет, и отправлялся в ночь, вдоль городского шоссе, домой.

Сегодня, как и всю неделю до этого, Ортега пистолет с собой не брал. Боялся потерять его где-нибудь при недостойных зрелого мужчины обстоятельствах.

А зря.

Поначалу Ричард тащил Майю за собой вдоль шоссе, по обычному маршруту, но девушка, видимо, хорошо знала район, потому что выведав, где именно живет Ортега, помашила его в сторону от дороги, чтобы срезать через городской парк.

К тому моменту, как Ортега немного забеспокоился, они ушли уже достаточно далеко от шоссе, от людей.

– Не боишься? – спросил в какой-то момент он, старательно вслушиваясь в голос Майи.

– А чего мне бояться?

– Бандитов. Насильников. Убийц. Террористов.

– Тут парк, – высказала очевидное Майя. – Операции тут проводить не за чем.

Ортега замер, чувствуя, как по внутренностям стремительно ползет озноб.

– Операции, – неожиданно для себя самого выдавил он. – Само собой.

Выдал ли он себя содержанием этой фразы или ее формой, он не знал. Возможно, он все еще был не до конца трезвым. А может, дело было в том, что Майя просто удачно бросила на него взгляд за секунду до атаки.

Как бы то ни было, удар самого Ортеги не встретил никакого сопротивления. Однако не закончил еще лейтенант своего движения, как резкая боль плашмя саданула его по голени, заставив упасть на колено. Второй удар, что Ричард успел заметить, был нанесен сверху вниз, кулаком, по скуле.

Когда лежащий на спине Ортега открыл глаза, первым, что он увидел, оказался направленный на него ствол пистолета.

– Очень это не круто, – прошипела стоящая в паре метрах от него Майя, – очень это не круто – сперва делать девушке комплименты, а потом пытаться хватануть ее кулаком по затылку.

Ортега ничего не ответил, лихорадочно думая. Однако быстро понял, что думать особо не о чем. Вокруг не наблюдалось ничего, чем можно было бы защититься, за чем можно укрыться в случае побега. Да и девушка держала его на прицеле, стоя вне зоны досягаемости. Ближайший фонарь остался далеко позади, поэтому Ричард не был уверен, но ему казалось, что пистолет в руках его новой знакомой совсем не дрожал.

– Мне нужна информация, надзор, – произнесла Майя. – Ответишь на пару вопросов, кое-что мне дашь, и пойдешь домой.

– Пошла к черту, сука.

Девушка долго молчала. Подозрительно долго. Страшно долго. Настолько долго, что Ортега успел не на шутку испугаться, решив, что хватанул конкретно лишнего.

Но пронесло.

– Дашь мне информацию, – повторила, наконец, она. – Пойдешь домой. Ляпнешь еще какую-нибудь глупость – убью.

Ортега ни секунды не сомневался – убьет.

Обрадованный тем, что девушка не ответила ему пулей в лоб, лейтенант кивнул. Вспомнив про темноту, сказал:

– Слушаю. Что тебе надо?

– Информация. Девять дней назад твоего дружка Эдварда Винкса окочурили. Кто и почему?

Ортега задохнулся влажным воздухом. Такого он, признаться, не ожидал.

– Кто и почему? – требовательно переспросила Майя.

– Не знаю, – сглотнув комок в горле, по возможности холодно ответил Ричард. – Убийством занимаюсь не я. Это нормальная практика. Если в паре следователей кто-то погибает, начальство передает расследование другим людям. Чтобы избежать кровной мести.

– И ты не знаешь, кто его убил? Не знаешь ничего об СГБ?

– Я...

Ортега запнулся, откашлялся. Майя заметила.

– Он передал тебе какую-то информацию.

– Передал, – по небольшому размышлению, подтвердил Ортега.

– Что именно?

– Флеш-карта. Разговор. Запись разговора.

– Вставай. Идешь вперед к себе домой. Не спеша, не оглядываясь.

– Зачем?

– Отдашь мне карту.

– Она не дома.

– Что?

Ортега вздрогнул, причем вовсе не из-за ледяного дождя, вконец его вымочившего. В голосе девушки послышалась дикая, ненормальная ярость.

– Что ты сказал? Повтори! Быстро!

– Флеш-карты нет у меня дома. Я отнес ее на работу, как только прослушал начало записи. Она в конторе, в отделе. В моем кабинете.

– В комплексе Надзора?

– Да, там.

Долгое время ничто не нарушало тишины, кроме дробящих землю в грязь капель дождя. Ортега молча сидел и ждал, разведя чуть в стороны руки. Майя замерла в нескольких шагах от него, не опуская пистолет, и молчала.

– Мы знаем о тебе все, Ричард Ортега, – наконец, тяжело проговорила она. – Ты понимаешь, о ком я. Мы знаем, где ты работаешь, куда ходишь, что смотришь. Знаем, адреса твоих контактов, спящих и действующих. Адреса твоих друзей-ублюдков из Надзора, знаем адрес твоей бывшей женушки.

Ортега хотел сплюнуть, но не решился.

– Мы знаем о тебе все. Завтра, в девять вечера, я буду ждать тебя с флешкой в переулке Гордеевой, в паре улиц от твоего дома. Там есть арка, вход во двор.

– Я знаю, – Ортега кивнул. – Знаю это место.

– Умница. Буду ждать тебя там. Одного. С флешкой. С той самой флешкой, которую тебе дал сдохший дружок.

– Я принесу.

– Принесешь. Но если вдруг забудешь... или скажешь кому-нибудь... или принесешь не то, что мне нужно – помни, мы знаем о тебе все, Ричард Ортега. И мы это все у тебя заберем. Уьем всех, с кем ты хоть раз беседовал, всех, кому ты руки пожимал, всех, кого ты потраховал. Вырежем всех. Ты понял меня? Ричард Ортега?

– Понял.

– Отвернись.

Лейтенант отвернулся. Он думал, что девушка молча уйдет, скроется в ночной тьме. Он ошибся.

Удар по шее оказался не слишком болезненным, но неожиданным. Скривившись в позе эмбриона, Ортега долго пролежал в полусознательном состоянии. Когда, наконец, пришел в себя, рядом, разумеется, никого не оказалось.

Сложно было сказать, купилась ли Майя на ложь, но Ортегу это и не волновало. Его не пристрелили, как собаку, в парке, и на том спасибо. А ведь если бы он не сумел грамотно сымпровизировать, если бы не смог убедительно все преподнести, именно такая участь его бы и ждала, в этом Ричард не сомневался. Его бы убили на месте, как только получили информацию.

Соппротивление не грешило избытком милосердия.

Когда Ортега, грязный и растрепанный, ввалился в квартиру, больше всего на свете ему хотелось принять душ. Но время не ждало, это он понимал прекрасно. Поэтому в первую очередь он набрал телефон полковника Маркова, домашний.

– Ортега, – перебил его Марков, говорящий несмотря на поздний час весьма бодрым голосом. – Серьезные разговоры по телефону не разговариваются. Тем более, сейчас.

– Сейчас? – не понял Ортега.

– Сейчас. Времена настали трудные. В любом случае, ты прав, нужно встретиться и поговорить. Лично.

– Когда?

– Немедленно.

– Я подъеду.

– Нет. К тебе сейчас поднимется наш человек, ты его знаешь. Сделаешь все, как он скажет. Так надо, Ортега.

Ортега и не спорил. После всех потрясений этой недели в целом, и этой ночи в частности, он был в чертовском раздразе чувств. Поэтому Ричард не слишком удивился, когда увидел на пороге своей квартиры трех сотрудников Комитета по чрезвычайным ситуациям. Вернее,

трех человек в форме сотрудников Комитета по чрезвычайным ситуациям, потому что во главе их стоял забавный, но сейчас необычайно серьезный Олаф Семеш.

От разговора с Марковым до появления коллег не прошло и десяти минут. Ортега, пусть и был не совсем в себе, сделал выводы.

– Одевайся, Ричард, – Семеш вручил ему такую же спецовку, в какую был облачен сам. Дальше ему передали парик, весьма натурально имитирующий лысеющую макушку, и накладной нос-картошку.

Ортега вопросительно глянул на коллегу, держа все это в руках.

– К чему это все, Олаф?

– У меня приказ, Ричард.

– Я только что разговаривал с Марковым...

– Как и я. Одевайся, прошу тебя.

Спецовка оказалась жесткой и негнущейся, раздражала мокрую от дождя кожу. Парик, напоминающий больше шапочку для плавания, никак не хотел натягиваться на влажные волосы.

Наконец, справившись с врученным добром, Ортега глянул на себя в зеркало при дверях и остался доволен: на себя он действительно не слишком походил.

– Сойдет, – кивнул Олаф Семеш. – Теперь за мной. В темпе, след в след.

Из дома они вышли через главный вход, быстро нырнув в служебную машину в цветах КЧС. Едва двери за ними закрылись, рванули колеса, расплескивая собирающуюся вдоль тротуара воду, забормотал глушитель.

Семеш, как ни доставал его Ортега, на вопросы не отвечал, обещая, что все объяснят на месте. До этого самого места пришлось добираться добрый час, пока машина курсировала по ночному городу, валандаясь вокруг комплекса КЧС в центральном Блоке, болтаясь по улицам. И чем дальше каталась машина, тем увереннее становился в своих выводах Ортега относительно того, от чего именно оберегала его группа Семеша. Он искренне сомневался, что у Сопротивления есть возможность устраивать длительную профессиональную слежку за транспортом известного в отделе специалиста по оперативной деятельности Олафа Семеша. Если у кого такая возможность и была, так это у СГБ.

Все, в принципе, уже стало очевидным, но Ортега все-равно отказывался поверить в худшее. Отказывался отказать себе в надежде.

Тщетно.

– Ты под колпаком у СГБ, Ортега, – проговорил полковник Марков, подавая лейтенанту сигарету.

Они уже чуть больше часа сидели в неизвестной Ортеге квартире. Маркову она вряд ли принадлежала, потому как выглядела пусто и не обжито. Ричард, не тратя время, прямо в спецовке КЧС уселся на кухне на табурет и выдал залпом все. Про ключи в почтовом ящике, про микрофон Винкса и, очевидно, его флеш-карту. Про разговор, подслушанный на ней.

Марков долго молчал, потом предложил сигарету Ортеге. Чуть было не закурил сам. Сдержался.

– Ты под колпаком у СГБ, Ортега. Дело твоим занимается офицер по имени Илай Скарро. Очень бескомпромиссный, очень быстрый на приведение справедливости в жизнь. Он пришел ко мне спустя несколько дней после гибели Винкса, попросив о содействии в твоём... в вопросе. Они подозревают, что ты связан с Сопротивлением. Как и некогда Винкс.

Ортега молча курил.

– Доказательств никаких мне представлено не было, но у Скарро имеются все полномочия. Высшего уровня.

Он не стал пояснять, что эти полномочия означают. Это казалось лишним.

Установилась долгая тишина. Ортега с трудом переваривал новый хук, которым угостила его судьба. Чего ждал Марков, он не знал. Впрочем, скоро выяснилось, что полковник усердно размышлял.

И жалел.

– Жаль, – сокрушенно покачал Марков головой. Ортега от удивления чуть не выкурил фильтр: никогда еще он не видел начальника за таким раздосадованным жестом. – Жаль, что ты мне все это рассказал, Ричард. Черт подери.

Ортега молчал.

– Служба гражданской безопасности поставляет взрывчатку Сопrotивлению. Тому самому Сопrotивлению, которое чуть было не убило президента. Ту самую взрывчатку, которой Сопrotивление чуть было не убило президента. Черт подери.

Ортега молчал.

– И даже если это действующий под прикрытием агент, – а все именно на это походит, – то все равно они позволяют себе убивать без суда и следствия офицера дружественного Департамента Надзора. Своего же собственного коллегу, союзника. Так не бывает, Ортега.

Ортега молчал. На этот раз молчал и Марков.

– Полетят головы, – тяжело выговорил полковник. – Полетят, Ортега, головы, и я даже примерно не берусь предположить, чья будет среди них. Тут совершенно явно речь не о поставках взрывчатки и не о случайном раскрытии Винксом агента СГБ. Речь идет о чем-то таком, что, всплыв на поверхность, поднимет дикую волну, прямо-таки цунами. И утопит всех, кто что-то об этом знает. Жаль. Жаль, что ты мне об этом рассказал, Ричард.

– Поначалу я решил не говорить, – тускло отозвался Ортега. – Боялся, что вы доложите, куда надо, об этом узнают и меня заберут. А потом найдут где-нибудь... Как Винкса...

– Ты поэтому, – тихо спросил Марков, – разбил карту памяти? Поэтому не сделал копий?

Ортега не ответил. А Марков и не ждал ответа.

– Ладно. С СГБ вопрос ясен. Наша с тобой задача убедить их в том, что мы ничего не знаем. Да-да, теперь речь идет именно о нас, а не о тебе, потому что картинка, кусочек которой Винкс случайно вскрыл, явно стоит жизни начальника следственного отдела Надзора.

Ортега не спорил.

– Что мне непонятно, так это твоя сегодняшняя сцена. Сопrotивление, – а это, очень похоже, именно Сопrotивление, – интересуется гибелью от рук СГБ офицера Надзора. Сопrotивление откуда-то осведомлено о том, что этот офицер мог перед гибелью оставить тебе какую-то информацию. И Сопrotивлению эта информация нужна.

– Вероятно, – Ортега вытащил из пачки на столе еще одну сигарету, четвертую подряд, – они узнали от каких-то своих тараканов о случившемся и сложили два и два. Может, начали подозревать собственного поставщика.

– Скорее всего. И в этом наш шанс. Накроем охотящуюся на тебя банду Сопrotивления, сдадим ее СГБ. Тем самым закроем все их дутые претензии к тебе. Я подключу свои связи, постараюсь убедить высоко сидящих людей в том, что ты ценный кадр и пускать тебя в расход только на базе подозрений нельзя.

– Думаете, поможет?

– Думаю, Ортега, что стоит попробовать. Слежку за тобой все равно некоторое время будут вести, поэтому Семеш пока останется при тебе. Вместе со всей своей командой. Они не позволят никому до тебя добраться в ближайшие недели, пока я все не утрясу. А потом еще несколько месяцев побудут твоими ангелами-хранителями.

– А Сопrotивление?

– А что Сопrotивление? – Марков усмехнулся. – Твоей молодой душе позаботиться бы о другом. Сопrotивление же... завтра у тебя, похоже, свидание. Несмотря на стеснительность

твоей новой знакомой, думаю, мы все же отправим с тобой людей. Управление «К». План операции разработают там же, я позабочусь, чтобы они знали ровно столько, сколько нужно знать.

Ортега зябко повел плечом, выдохнул струйку дыма.

– Я не только об этом. Мне угрожали не в первый раз в жизни, так что тут я уверен, девка говорила серьезно. Насчет того, что у них есть разная... информация. Они могут отомстить.

– Решим, – кивнул Марков.

– Спасибо, полковник, – Ортега поднял взгляд с расширенными зрачками, – спасибо вам огромное. Другой бы меня сдал не медля. Я ваш должник. Огромный должник.

– Ты офицер Департамента Надзора, – Марков поднялся с места, поправил рубашку и жилетку. – Не будем больше к этому возвращаться.

– Олаф Семеш?

– Капитан Скарро, – надзиратель обернулся на голос, остановился, скрестил руки на груди. – Я слышал, что вы проводите какое-то расследование, подменяя нашу особку. Чем могу служить?

– Так может получиться, – Скарро остановился в двух шагах, сцепил руки за спиной, впился карим блеском в простецкое лицо Семеша, – что мы с вами занимаемся одним делом. До меня дошли слухи, что вы сейчас заняты оперативной слежкой за вашим коллегой. Это так?

Семеш быстро сориентировался в ситуации, принял выражение улыбочивого дурачка, не слишком вникшего в то, что ему говорят.

Скарро не поверил.

– Боюсь, капитан, – произнес Олаф с уже серьезным выражением лица, – я не могу об этом говорить. За всей необходимой вам информацией вы можете обратиться к полковнику Маркову. Уверен, он вам не откажет.

– Полковник Марков, – прервал Скарро, – полностью развязал мне руки на время расследования. Речь идет о совместной работе двух наших структур, поэтому ваша осторожность, хоть и похвальная, здесь неуместна.

– Не понимаю, – Семеш вопросительно поднял соломленную бровь, – почему бы вам не получать необходимую информацию лично у полковника. Коли уж он вам так доверяет.

– Не люблю сломанный телефон.

– А я не люблю сложных решений. Как вы могли заметить, я человек простой и незамысловатый, для меня понятна четкая командная и отчетная структура. Находящиеся вне ее люди, пусть и обладающие широкими полномочиями, меня пугают и смущают. Вызывают животные и грустные желания взять и удалбать.

Глаза Скарро на мгновение сузились.

– Даже так?

– Именно что так.

– В таком случае, Семеш, мне интересно узнать кое-что еще. Вы отдаете себе отчет в том, что в рамках нашей работы, если я все же прав и вы присматриваете за своим коллегой, мы можем в ближайшее время пересечься в самой непредсказуемой, зачастую неясной и хаотичной обстановке? Когда может произойти что угодно и несмотря ни на что?

– Я отдаю себе в этом отчет, капитан. На последний пункт я возлагаю особые надежды, если вы меня понимаете.

Карий взгляд холодно сверкнул из-под бровей. Скарро, похоже, все прекрасно понимал.

Глава 8

Вечер выдался удивительно теплым и светлым. Стемнело, как и должно, ровно в положенное время, так что Ортеге пришлось признаться самому себе, что его прошлые наблюдения были, вероятно, ошибочны. Дул аккуратный, обволакивающий ветерок, едва заметный, если стоять на месте. Перистые облака малость расплзлись за день, поэтому теперь радовали взор невероятной мозаикой кровавого, золотого и детско-розового, переливающейся на западе.

Ортега улыбнулся, несмотря на нервное перенапряжение, на выжимающий жилы страх, на физическую усталость. Несмотря ни на что.

Потому что закат был прекрасен.

Нос приятно щекотал запах недавно скошенной во дворе вокруг детской площадки травы – запах столь же здесь, в городе, необычный, сколь и тайно желанный. Очищенный долгими многодневыми дождями город пах, струился запахами. По большей части мерзкими, привычными. Но этому двору повезло. Здесь пахло лишь свежескошенной травой.

Ортега еще раз улыбнулся, как бы напоследок, про запас. Потому что скоро будет не до улыбок.

Майю – по фамилии Фаукс, как теперь знал Ортега – опознали по его описанию довольно быстро. Крайне одиозная, в том числе и среди ряда других бандгрупп, она давно находилась в розыске за теракты, убийства, вымогательства, похищения людей и многое другое. Прекрасный послужной список для девушки, не разменявшей еще и третьего десятка. Имевшей все шансы его так никогда и не разменять.

Для захвата опасной бандитки были, разумеется, задействованы лучшие специалисты Департамента. План операции подразумевал передачу девушке флеш-карты, вроде бы содержащей требуемую ею информацию. Аналитики сомневались, что она будет действовать одна, поэтому намеревались проследить ее как минимум до сообщников. Как максимум – до лагеря Сопrotивления. На тот случай, если террористке придет в голову убить Ортегу на месте, за встречей наблюдали несколько снайперов, готовых в любой момент ликвидировать угрозу. Наконец, на непредвиденный случай, в полной боевой готовности неподалеку располагались несколько десятков бойцов подразделения специального назначения, некоторые – в гражданском.

План, учитывая готовность правоохранителей, предполагал быстрый и чистый, по возможности бескровный захват. И провалился.

Потому что Майя на встречу не пришла.

Сказать, что Ортега начал беспокоиться к десяти часам вечера, было бы весьма неверным. Невыспавшийся, перенервничавший, с жуткой головной болью, он беспокоился весь день. Когда в девять часов на месте встречи никого не оказалось, он не слишком удивился. Его опыт подсказывал, что вряд ли чуть было не пустившая его в расход наемница дамочка прибудет точно вовремя, сложит оружие, да еще и завернет себя в подарочную ленту. Тем не менее, через час он начал ощущать более предметное беспокойство. Что, если девушка говорила о другом месте встречи? Если он неверно ее понял?

Сплюнув, Ортега помассировал уставшие глаза, присел на небольшую оградку у тротуара и закурил. Собрался, приглушил эмоции. Если уж что и могло пойти не так, – подумал он, то только потому, что она как-то поняла, что он привел с собой с полсотни вооруженных друзей. Даже если и так, ничего страшного не произойдет, просто не состоится встреча. Всех, кому Сопrotивление могло угрожать мстостью, уже взяли под наблюдение. Эвакуировать или вступать в контакт не стали, боясь спугнуть повстанцев, но держали руку на пульсе.

И тем не менее...

Тем не менее, часы показывали уже одиннадцать часов вечера. Дети и мамы скрылись в подъездах, двор лишь время от времени быстрым шагом пересекали обычные граждане разной степени замаринованности.

Выждавший до часу ночи, как и было оговорено заранее, Ортега был уже более-менее спокоен. Что не значит – расхлябан. Двинувшись домой, он держал одну руку в кармане, на рукояти пистолета, вторую оставил на виду. Имелась немалая вероятность того, что именно по дороге от места встречи до дома Ортегу прихватят члены подполья.

Впрочем, и этого не произошло. Миновав без проблем двор, Ортега пересек темную улицу, небольшой, пустынный в эту позднюю пору сквер, еще одну улицу, из-за клонящихся к дороге лысеющих кленов даже более темную, чем предыдущая. Вошел в подъезд. Здесь, разумеется, тоже уже располагались несколько надзирателей, но прямого визуального контакта с лейтенантом они не имели. До тех пор, пока Ричард не доберется до своей квартиры, руководители операции не смогут получать оперативную информацию.

Тут-то его и прихватили.

Лейтенант так и не понял, что именно его насторожило, но он вдруг замер на лестнице, не преодолевая пары оставшихся до клетки ступенек. Весьма возможно, он что-то услышал, потому что рассмотреть какое бы то ни было движение при тусклом лимитированном освещении было нелегко.

А потом краем глаза он отметил тень, скользнувшую на пролете ниже.

– Стой и не дергайся.

Дергаться он и не думал. Судя по отчетливо шелкнувшему в тишине звуку, его держали на прицеле. А по напряженному сопению откуда-то сбоку можно было предположить, что держали его в несколько стволов.

Из-за угла, до которого он чуть-чуть не добрался, вывалился неясный силуэт. Похоже, на человеке был разгрузочный жилет. Быстро обыскав лейтенанта, силуэт освободил его от пистолета, мобильного телефона, ручки, записной книжки, сигарет, зажигалки... всего.

Под конец Ричарда вытряхнули из ботинок и начали толкать куда-то вверх по лестнице. Скоро загнали в неизвестную квартиру, бросили на старый скрипящий при каждом движении диван, захлопнули дверь.

Сукины дети. Разумеется, Ортегу встретили не в его квартире. Не в квартире, предусмотрительно забитой прослушивающей аппаратурой. Не в квартире, находящейся под видеонаблюдением. Не в квартире, комнаты которой через окна с заранее заготовленных лежек простреливали снайперы.

Не в квартире, где он был в безопасности.

Конечно, скоро руководство операцией поймет, что Ортега слишком долго поднимается к себе, но сколько пройдет времени, пока его найдут? И будет ли он к тому моменту еще достаточно живым и здоровым, чтобы беспокоиться на этот счет?..

«Вздор, – Ортега, подслеповато щурясь на исходящий от горящих свечей неверный свет, встряхнул головой. – Вздор». Что нужно сделать, так это угомониться и тянуть время. Время – это все, что ему сейчас было нужно.

– Принес флеш-карту?

Голос принадлежал Майе, это он зафиксировал моментально. Тот же, в общем-то, приятный, даже мелодичный, но заставляемый звучать жестко, холодно и пронзительно голосок.

Он обрел, наконец, способность видеть. Лейтенант находился в обычного вида однокомнатной квартире с выходящим во двор окном. Кроме дивана в комнате стоял табурет с телевизором, пол и стены устланы пыльные узорчатые ковры. Прямо-таки бери фотоаппарат – и позорься.

Майя стояла прямо перед ним. Волосы ее, как и вчера, были собраны в хвост, мягкие кожаные брючки заправлены в ботинки с высокой шнуровкой. Камуфляжная бесформенная

куртка прижималась к телу разгрузочным жилетом. В руках у нее, как и у ее дружков, был автомат.

Дружков было двое. Один, чуть придерживая тяжелые воняющие жиром и пылью занавески, присматривал за улицей. Это был чертовски солидный мужчина лет сорока, довоенные корни которого явно уходили в южном направлении. Легкая щетина, темные, почти черные прямые волосы до плеч и выразительное, сильное лицо прямо-таки просились на какой-нибудь агитационный плакат. Камуфляжный костюм, такой же неопределенной формы и размера, как и у Майи, сидел на нем весьма удачно, подчеркивая развитую мускулатуру и широкие плечи. Ортега, признаться, совсем не ожидал увидеть в рядах боевиков кого-то с внешностью киноактера.

Третий бандит из команды Майи был, в противовес предыдущему, весьма непригляден. Покрывающая всю щеку сыпь от плохо перенесенной ветрянки упиралась в чудовищный шрам, тянувшийся прямо посреди лица, вертикально, от центра лба до ямки подбородка, через нос. Узкие губы мужчины были настолько бледны, что Ортега, не приглядываясь, не смог разобрать очертания рта. Растительности на голове практически не было – мужчина уже добрался до хорошего возраста, разменяв с полтинник. Зато немалую часть его лица занимали лесистые брови, торчащие во все стороны, словно дымовые следы от разорвавшегося только что снаряда.

Держа автомат на сгибе локтя, мужчина неприязненно поглядывал на Ортегу. Стоял он так, чтобы видеть входную дверь.

– Что молчишь? – Майя приблизилась ближе, приподняла ствол автомата, продемонстрировала черную лунку дула. – Принес флеш-карту?

– Виноват, – бросил стоящий у окна креол. – Я забрал, когда его обыскивал.

Он чуть покопался в одном из узких кармашков жилета, после чего вытащил и передал Майе выданную Ортеге для задания флеш-карту.

Разумеется, пустую.

Майя покрутила вещицу в руке, щелкнула крышечкой, вопросительно склонила голову.

– Это она?

Ортега сглотнул.

– Нет, не она.

В установившейся тишине стало слышно, как где-то за стеной подвывает ночным сериалом телевизор. Гремевший рядом колоритной тишиной вопрос звучал много более выразительно.

– Это рабочая, там ничего нет. Можете посмотреть, если хотите, – тишина стала гуще, грознее, поэтому Ортега поспешил продолжить, надеясь, что его заикающуюся импровизацию спишут на нервы. – Я прослушивал запись на флешке и знаю, насколько опасные там вещи. Именно из-за них убили моего сослуживца. Именно поэтому я никому ни о чем не рассказывал.

– Где флешка? – перебила Майя, а в глазах ее дернулись уже знакомые Ортеге зеленые черти. – Где флешка, зараза?

– Уничтожена, – задержал дыхание Ричард. – Мой кабинет проверял отдел собственного контроля, я еле успел спустить ее в унитаз.

Майя не пошевелилась, не изменила позы. Все также держала в руке пустую флешку, в другой зажимала рукоять автомата. Ортега, стараясь не моргать, не отводил взгляда, глядел девушке прямо в ярко-зеленые глаза, отмечая красные прожилки на белках и мелкие темные точки на роговицах. Пыль на длинных спутанных ресницах. Пытался понять, поверила ли она ему, и если еще нет, то к чему склоняется?

Напрасно. Как Ортега ни старался, как ни вглядывался, он ничего не мог прочитать в зеленом взгляде, кроме напряженно крутящихся шестеренок, определяющих его судьбу. Текли секунды, минуты.

На секунду Ортеге показалось, что он вглядывается в глаза вовсе не этой странной молодки, что их обладатель ему на самом деле давно знаком. Но он быстро прогнал наваждение. Он был неправ. Отчасти.

Взгляд этот он и правда прекрасно знал. Взгляд человека, давно переступившего черту. Взгляд того, кто долго скрывался, но уже давно этим не тяготился. Взгляд человека, которого многие человеком бы уже не признали.

Ричарда что-то кольнуло в душе. Несмотря на страшное и тягостное положение, он вдруг забыл на мгновение обо всем на свете и дико захотел, чтобы во взгляде девушки что-то переменилось. Чтобы что-то, хоть что-то отличило бы ее от всего того, худшего, что многие годы выплевывала на него действительность.

Тщетно.

Ему казалось, что эти размышления и странная тоска заняли его не более чем на пару секунд. Но, возможно, прошло все же больше времени. Потому что он вдруг четко увидел во взгляде Майи ответ на мучавший его вопрос.

– Что-то не так, – произнес оператор, не спуская глаз с монитора.

Олаф Семеш не ответил. Он давно уже чувствовал, что что-то не так. Что что-то настолько глубоко не так, что уже, быть может, поздно это исправлять. Но следовало убедиться, нужно было проявить терпение. Это отличало профессионала от профана.

Олаф Семеш был профессионалом. Однако ждать больше не мог.

– Он вошел в подъезд семь минут назад, – напомнил на всякий случай оператор.

– Верно.

Семеш еще раз окинул взглядом изображения, передающие кадры с установленных в квартире Ортеги видеокамер. Ни на одном из них не было ни следа движения.

Ричард Ортега вошел в свой подъезд и растворился в нем.

– Труби «шухер», – скомандовал Семеш. – Пусть «Факел» начинает проверять подъезд. Группам оцепления – фас, пусть никого не выпускают и не впускают. И подгоняйте штурмовиков. Быстро!

– Работаем по плану? – уточнил оператор.

Семеш некоторое время молчал, потом кивнул.

– Да. Ортега расценивается как заложник, не как противник.

– Рисуем.

– Рисуем. Но у нас нет никаких свидетельств того, что он с бандитами заодно.

– Олаф.

– Да?

– Доклад от «Циркуля-пять». Неопознанные вооруженные люди, много. Похоже, что наши.

Семеш подошел к окну, отвел занавески, выглянул на улицу. Поджал губы, отчего его пухлое лицо стало совсем похожим на детское.

– Не наши.

Тихо и аккуратно, из соседних подъездов выходили люди, множество людей. Конвоировали их вооруженные, силуэты которых выдавали тяжелую экипировку, которой они были нагружены. Все походило на то, что спецназ Надзора прибыл невероятно рано и уже приступил к эвакуации жителей дома.

Только вот это было невозможно.

– СГБ, – подтвердил догадку Семеша оператор, вслушиваясь в оживленный радиообмен. – «Факел» нарвался на спецназ СГБ. Это Управление специальными операциями, у них приказ... – обернувшись, оператор замолк. В комнате, кроме него никого не было.

Сбежав по лестнице, Семеш кое-как приладил раскладную радио-гарнитуру, рывкнул в общий канал:

– Всем группам, это «Цитадель»! В районе проведения спецоперации дружественные силы, огонь не открывать! Повторяю: в районе проведения спецоперации работают дружественные войска, не открывать огонь!

Распахнулась входная дверь, улица хлестнула Олафа холодным ночным воздухом, вбивая последние слова обратно в рот.

– «Факел», продолжать поисковые мероприятия! Найдите Ортегу и запритесь с ним где-нибудь! Как поняли меня, прием!

– Понял тебя, «Цитадель». Это будет нелегко. Здесь УСО СГБ, у них все документы на руках.

– Ты их не видел, – распорядился Семеш. – А теперь работай.

– Принято.

Преодолев улицу, Семеш остановился возле уже заблокировавших подъезд дома Ортеги бойцов. Сгбшники несли тяжелые бронежилеты и титановые штурмовые шлемы. Весь их внешний вид явно предполагал адресную спецоперацию с вероятностью затяжного боя, а не стремительный захват.

– Мужик, – выступил ему навстречу один из бойцов, – сюда нельзя. В доме бандиты, мы эвакуируем людей. Проследуй со всеми.

– Капитан Олаф Семеш, Департамент Надзора, – Семеш протянул документы. – Здесь проходит специальная операция Департамента. Кто дал вам приказ, где ответственный офицер?

– Простите, капитан, не могу знать. Ответственный офицер только что прибыл, он...

– Уже здесь.

Обернувшись, Семеш, нос к носу столкнулся с Илаем Скарро. Карие глаза офицера СГБ казались в ночи совсем черными, однако сверкали не хуже обычного.

– Все в порядке, лейтенант, – обратился он к спецназовцу, не отрываясь глазами от Семеша. – Продолжайте.

– Нихрена не продолжайте, лейтенант, – зло отчеканил Олаф. – Повторяю, это место проведения спецоперации Департамента Надзора. У нас есть все нужные бумаги, все разрешения самого высокого уровня.

– Разрешения высокого уровня, – приятно улыбнулся Скарро, – прикладывают к бумагам еще и полномочия, которые, я глубоко убежден, у меня выше.

– Срал я на твои полномочия, капитан, – Семеш сплюнул. – Ортега обвиняется в должностных преступлениях, и будет задержан и доставлен в Департамент.

– Глушите эмоции, Семеш, – Скарро скрестил руки на груди. – Ваш коллега – если вы все еще считаете его своим коллегой, что небезопасно – сейчас там, в этом доме, в обществе своих приятелей-террористов. Точнее говоря группы опаснейших и вооруженных до зубов убийц. И даже если вам по каким-то возвышенным причинам кажется неправильным, что захват проводит СГБ, борющееся с терроризмом, то я полюбопытствую, у кого, по-вашему, здесь имеются силы, достаточные для проведения операции?

– Полагаю, здесь мы равны.

Скарро приятно улыбнулся, бросил красноречивый взгляд на спецназовцев СГБ в массивных бронежилетах.

– В самом деле?

– О да, – Семеш ухмыльнулся, глядя куда-то над плечом Скарро. – Ты даже не поверишь, насколько.

Рявкнув, из-за поворота выскочил тяжелый бронированный грузовик Надзора. Резко затормозив перед подъездом, он лязгнул дверьми, выпуская несколько десятков тяжеловооруженных спецназовцев Департамента, высыпавших на улицу.

– Сэр? – уточнил, понятно что, боец СГБ.

Скарро молчал.

– Сука, – тихо выдохнула Майя. – Тупая, трусливая надзорская сука. Зар-раза-а...

– У нас мало времени, – прервал креол. – Информации у него нет, что будем делать?

– Завалим, – тихо и хрипло предложил лысеющий, со шрамом на морде. – Завалим потихому, и – со всей крейсерской отсюда.

– Информации у него нет? – задумчиво проговорила Майя, отбрасывая бесполезную пустую флешку. – Это вряд ли. Говоришь, – обратилась она к Ортеге, – что просмотрел ее?

Ортега облегченно кивнул.

– Да.

– Запомнил?

– Как тебя.

– Это ты зря.

– Убьешь?

– Убью. Потом. А сейчас – говори. Все, что помнишь со флешки.

– Зачем?

Глаза Майи на секунду округлились.

– Что?

– Зачем говорить? Если все равно убьете.

– Говори, дядя, говори, – оторвавшись от окна, креол показал в правильной улыбке ровные зубы. – Потому что так мы тебя, и верно, просто убьем, а иначе запытаем.

Ортега через силу усмехнулся. Хотя гораздо легче ему сейчас было слевать.

– Запытаете? Сомневаюсь.

– Проверить хочешь?

– Не хочет, – вмешалась Майя, все это время задумчиво разглядывавшая Ортегу. Эта ее задумчивость пугала его больше всего. – Он прекрасно знает, что пытаться нам его некогда, да и шуму слишком много. Не успеем припечь, как следует, перепуганные соседи всех его окрестных друзей скликают.

Ортега молчал.

– Что ты хочешь, надзор?

– Есть кое-что. Это будет второй пункт. А первым я хочу узнать, зачем вам информация с этой несчастной флешки.

Майя опустила голову, засмеялась.

– Очуметь можно. Твоя жизнь на кону, а ты все какими-то своими следственными делишками интересуешься, пытаешься выторговать, выкупить информацию. Профессиональный заскок?

Ортега молчал.

Майя посерьезнела.

– Ты что, конченый, что ли? Что замолк? Сделаем-ка мы иначе, – она подняла автомат, направила его Ортеге прямо в грудь. – Ты скажешь мне все, что знаешь, иначе я тебя пристрелю прямо здесь, прямо сейчас.

Ортега молчал. Он не был уверен, что Майя блефует, но очень на это надеялся. Говори, иначе убью? А когда скажешь – все равно убью? Вздор.

Он угадал. Майя, похоже, и сама быстро поняла свой промах, потому что держала его на прицеле от силы секунд десять. Потом чуть опустила автомат и без вступления выпалила, явно торопясь:

– Твой друг-надзор проследил за нашим человеком, после чего его убили. Мы думаем, что убили сгбшники.

– Думаете, что ваш человек – таракан?

– Умница, – прошипела Майя. – А теперь, давай, в темпе, пока я не...

Красавец-креол, следящий за улицей, резко дернулся, поднял автомат.

– Поздно.

– Что?

– Поздно. Надзор здесь.

К прибывшим первыми «кобрам» Надзора быстро присоединились еще две машины. Немного потолкавшись с вяло блокирующими подъезд, не знающими, что делать, сгбшниками, они все же вошли в здание, загремели тяжелыми сапогами по лестнице. Потом приехали еще грузовики, уже – Службы гражданской безопасности. Пока не дошло до беды, пришлось вывести большинство бойцов обоих спецподразделений из дома, оставив лишь несколько сводных отрядов на этажах.

Илай Скарро, несмотря на наверняка душившую его ярость, выглядел довольно спокойно. Лишь богатый опыт Олафа Семеша в общении с людьми позволял замечать истинное состояние капитана.

Семеш уже дозвонился до Маркова, Марков обещал дозвониться до кого-то еще. Скарро тоже запрашивал дополнительные инструкции, отдавая по ходу дела приказы подчиненным. Оба капитана – и Надзора и СГБ – находились метрах в пяти друг от друга, но не дальше. Несмотря на взаимную неприязнь, оба они предпочитали присматривать за оппонентом, а потому кружили по двору, то сокращая, то увеличивая дистанцию.

– Они на шестом этаже, – доложил подбежавший к Скарро молодой офицер, держащий в каждой руке по мобильному телефону.

– Уверены?

– Да.

– Пусть оперативно-штурмовые группы начинают.

– Что это ты там бормочешь, капитан? – приблизился Семеш. – Пока ситуация не прояснится, твои группы могут начинать разве что дружно онанировать, да и то не слишком бурно, чтобы казенный пол не заляпать.

Скарро улыбнулся обычной своей приятной улыбкой, но Семеш вдруг четко понял, что что-то изменилось.

– Очень смешно. Однако ситуация как раз только что прояснилась. У нас имеется согласованное с высшим руководством Департамента Надзора решение, по которому ответственность за операцию возлагается на Службу гражданской безопасности. Посему...

– Я не отзову людей, – буркнул Семеш, – пока не получу подтверждения от...

Он прервался, достал зазвеневший мобильный телефон. Звонил Марков.

– Семеш.

– Полковник?

Марков тяжело вздохнул.

– Ничего не вышло. Дело гораздо круче, чем мы все думали.

– Значит ли это?..

– Да. Со Скарро мы, увы, ничего сделать не сможем.

– Но Ортега, сэр?..

Марков молчал.

– Черт! Черт!

– Спокойно, Мойро. Мы выберемся.

– Ты видела, сколько их там? Одних только БТРов три штуки! Три!

– Спокойно, Мойро! Тэлли, возьми надзора. Да держи покрепче, что б не свалил. Двигаться будем быстро.

– Понял, Май.

Хватка у креола Тэлли была под стать высокому росту. Ортега, даже если бы у него не были связаны руки, вряд ли смог бы освободиться.

– Не дергайся, дядя, – морально поддержал его гигант. – Иначе что-нибудь сломаю. Ты нам для разговора нужен, а разговаривать и со сломанными руками сможешь, правда ведь?

Ортега не ответил.

Названный Мойро шрамомордый боевик уже некоторое время колдовал как-то над стеной в единственной комнате. Майя, засев в углу, напряженно следила за окнами. Тэлли, обхватив одной рукой связанного Ортегу, второй удерживал на прицеле входную дверь, виднеющуюся в конце коридора.

– Готово! – крикнул Мойро, и тут началось. Причем явно не то, что подготовил лысеющий бандит.

Входная дверь бухнула, крепления стальных петель взорвались тусклым сизым дымом. А через пару секунд дверь влетела на пару метров в квартиру в дымном облаке из всех оттенков белого, серого и черного.

Следом за дверью в коридор влетел огонь.

– Штурмуют! – проревел Тэлли, откидывая Ортегу в сторону.

Выпустив несколько длинных очередей с колена, он сам нырнул следом. Слишком поздно. Первый одиночный выстрел не достиг цели, разломав стоявший на полу блекло-зеленый плафон, но вторая пуля нашла себе мясо, угодив креолу в плечо.

Решивший не ждать развязки, Ричард, как только оказался вне медвежьих объятий боевика, вскочил на колени и, покачиваясь, бросился вперед. Он прекрасно знал, как рискует, вылезая под перекрестный огонь и сдаваясь на милость СГБ. Но в компании с террористами рисковал, как ему казалось, больше.

Выскочив, преследуемый бранью Майи, в коридор, Ортега остановился, различая в залившем лестничную клетку дыму гигантские, неверные, нечеловеческие силуэты. Вдруг один из них резко нырнул в дверной проем, исчезнув на кухне, поливая при этом пространство перед собой автоматными очередями. Дернувшийся в сторону Ортега, чуть было не пришипленный к стене, остался на ногах. Пули ушли в комнату, не позволяя высунуться затаившимся там повстанцами.

Ругаясь, Ортега хотел было предупредить штурмующих о том, кто он такой, но перебитое адреналином и страхом горло выдало лишь жуткий тихий хрип. В проходе, тем временем, появился еще один солдат. Быстро выцелив Ортегу, боец чуть опустил винтовку, взглядываясь в его лицо. С каждой следующей долей секунды лихорадочно работающее сознание Ортеги все больше и больше убеждалось в том, что солдат его узнает. И что радоваться по этому поводу совсем не стоит.

Только из-за стремительного рывка в сторону Ричард смог избежать пули в сердце, которая разорвала бы ему всю грудь и вышла из спины в ворохе мяса и крови. Ему невероятно повезло. Пуля попала в плечо. Вторая тоже, угодив практически в то же место.

Упав, Ортега тяжело выдохнул, закричал от боли. Он не попытался подняться, откатиться. На это его перегоревшей психики уже не хватило.

Кто-то подхватил его за ногу, потащил обратно в комнату, заставляя страдать от боли в плече, усугубляющейся связанными за спиной руками. Мутное сознание фиксировало лишь

странный темный росчерк, оставляемый за ним. Понять, что это тянущаяся следом кровавая дорожка, Ричард сейчас не мог.

Его затащили в комнату, толкнули куда-то вглубь, в сторону образовавшегося в стене дымящегося прохода. Именно над этой стеной шаманил минуту назад Мойро. Непослушные ноги подкосились, Ортега упал. Пол оказался не таким, каким он ожидал его ощутить. Не холодным и успокаивающим. Наоборот – чертовски теплым, липким, воняющим порохом и дымом.

Вокруг кто-то орал, стрелял, взрывал, рвал и проклинал. Ортегу резко поставили на ноги, подхватили под пояс, оторвали от земли, понесли.

– Взрывай! – услышал он голос Майи.

А потом все его находящееся на грани сознание потонуло в грохоте взрыва.

К тому моменту, как Олаф Семеш повесил трубку, Илай Скарро уже закончил раздавать приказы. Увидев окаменевшее лицо соперника, Скарро не стал злорадно скалиться или победоносно улыбаться. Просто пожал плечами, как бы говоря: «вон оно, браток, видел, как все получилось?..»

Может, он все же что-то и сказал бы, да не успел. Потому что дом за его спиной, стоящий через улицу напротив жилища Ортеги, вдруг упал.

Семеш слышал мощный басовитый гул взрыва, ясно отличающийся от гремящих в бою на шестом этаже гранат. Этот взрыв был тяжелым, раскатистым, который мигом рванул барабанные перепонки и прижал Олафа к земле. А затем пришел тяжелый, жуткий клуб пыли, вырвавшийся из-под строения. Слепленный, задыхающийся от поднявшейся над улицей волны пыли, Семеш уже не видел, как в считанные секунды целый подъезд дома сложился внутрь, словно провалился вдруг в адское пекло. Как накренились соседние подъезды, как улицу и людей омыли тысячи бескомпромиссно смертоносных осколков стекла.

Они неслись во весь дух по переулкам и дворам, виляя, уходя от гремящих по всем улицам сиренам погони. Раненый Тэлли, хоть и пытался сначала тащить неадекватного Ортегу самостоятельно, потом вынужден был просить помощи Майи. Майя, коротко взглянув на оцепеневшего Ричарда, отдала шрамолицему приказ.

Выбравшись в общей неразберихе из дома, они с боем прорвались к ближайшему двору, потом с боем же из него выбрались, лишь чудом никого не потеряв. Но и затем фортуна им не изменила: позволила крутиться прямо под носом у Надзора, СГБ и черт знает кого еще, идущих по следу. Несмотря на удачу, все понимали, что долго так продолжаться не могло.

Вывалившись из переулка к какому-то могучему зданию, бетонно очерченному в темноте, они нарвались на патрульную машину Надзора. Майя, заметившая ее первой, не медля открыла огонь. Ортега, смутно отмечающий происходящее, снова был брошен на землю, снова приложился простреленным плечом, снова заорал. Стертые, в одних разодранных грязных носках ноги ревели, сердце дико колотилось о ребра, его тошнило. Глаза застилал вихрь кислотного оттенка образов.

Он видел, тем не менее, что пули Майи достигли цели. На лобовое стекло из салона словно брызнули темно-красной краской, практически черной в неверном свете фонаря. Благодаря этому Ортеге повезло не разобрать в деталях, во что превратилось лицо патрульного.

Второй надзиратель резво выпрыгнул из машины, спрятался за корпусом автомобиля, открыл ответный огонь. Один пистолет был слабым аргументом против трех автоматов, однако очередной выстрел внезапно поразил в ногу Тэлли, и без того мучающегося застрявшей в плече пулей.

Взрывав, креол бухнулся на бок, отполз под покрытие какой-то лавчонки. Ортега, перевернувшийся на спину, кинул взгляд в сторону отстреливающегося патрульного. Как раз

вовремя, чтобы заметить небольшой черный цилиндр, прикатившийся под укрывающую надзирателя машину. Взрыв гранаты мигом подпалил бак автомобиля. Яркий, гремящий взрыв заставил Ортегу сильно зажмуриться, скривить лицо под ударами дикого грохота.

– Вперед! – подгонял кто-то голосом Майи. – Давайте, вперед! К заводу!

Ричарда снова подхватили на руки, снова вызвали волну хрипящей боли в плече. Открыв слезящиеся глаза, Ортега с удивлением обнаружил, что узнает это место. В мелькающем маслянистом свете горящего автомобиля он четко разобрал тот самый завод, на котором последний месяц работал с Винксом.

«Как причудливо все сплетается», – мелькнуло в сознании Ричарда, пока Мойро, кряхтя и ругаясь, тащил его через контрольно-пропускной пункт, переваливал через турникеты. Что случилось с охраной, Ортега не видел, но слышал время от времени стрельбу со стороны шедшей впереди Майи. Тэлли, хромающий, с безвольно свисающей вдоль тела правой рукой, потерявший где-то автомат и теперь вооруженный лишь пистолетом, замыкал шествие. С ним шел еще один боевик, непонятно откуда и когда присоединившийся к группе. Небольшой, кряжистый, сильно напоминающий Мойро лицом, но носящий длинную, по грудь, черную бороду. В руках он тащил снайперскую винтовку.

Они довольно далеко углубились в территорию завода, добрались до внутреннего двора, заваленного песком, где, вероятно, отгружался товар, когда их все же не остановили. Просто в какой-то момент они наткнулись на прижатую плотным огнем Майю.

Забрав у красного от натуги Мойро автомат, болезненно кривящий красивое лицо Тэлли высунулся из-за угла, поливая невидимого отсюда противника длинными неэкономными очередями. Пристроившийся рядом бородач принялся деловито расчехлять винтовку, все еще приглядывая за тылами.

Как вскоре выяснилось, верно делал. Конечно, глупо было ожидать, что рыскающая по всей округе погоня не обратит внимания на светопредставление, устроенное ими с подрывом автомобиля и теперешней стрельбой. Фейерверк этот наверняка порадовал даже дежурных на Барьере.

Засунутый в какую-то подсобку, чтобы не мешал, Ортега тяжело, с хрипами дышал, глядя на спины ведущих неравный бой боевиков. Бежать у него не было сил. Да и некуда ему теперь было бежать. Как вдруг выяснилось.

Неказисто выругавшись, Майя нырнула за перевернутый массивный стальной стеллаж, вытащила из автомата магазин, вставила новый, передернула затвор.

Ситуация казалась патовой. Если сперва они еще могли, как следует поднатужившись, прорваться через засевших где-то вокруг двора охранников завода, то теперь их уже подменили надзоры. Или сгбшники. Словом, черти, знающие как и что делать. Пока они еще держались, потому что отступающие охранники позволили им чуть разбежаться и занять выгодные позиции, но штурмующие медленно, но уверенно увеличивали простреливаемую территорию, заставляли повстанцев все глубже и плотнее друг к другу забиваться в угол.

Сзади, оттуда, откуда они пришли, уже тоже перли враги. Не так активно, как со двора, но вполне убедительно. Не решаясь рвануться вверх по широкой и простреливаемой всеми ветрами лестнице, атакующие расположили у ее подножья несколько групп, время от времени заливающих направление длинными автоматными очередями. На большее они пока не были способны. Пока что бородатый снайпер все еще был жив и не давал им особо наглеть. Пока что.

Стремительно выглянув из-за укрытия, Майя поймала в прицел дальний по диагонали угол двора, замерла в ожидании. Дождалась аккуратно высунувшегося из-за угла квадратного щита с маленьким оконцем в верхней части, послала, целясь в него, две очереди по три пули. Спокойно нырнувший обратно за угол щит, вероятно, был не слишком впечатлен. Дли-

лось это явно недолго, потому что потом причины впечатляться появились в вихре стекла и каменного песка.

Песчаный грунт в середине двора вдруг резко просел на пару метров, в воздух взвились гейзеры пыли и мелких камушков, вместе с крошащимися стеклянными стеллажами. Пораженные необыкновенностью происходящего, и штурмующие и повстанцы на минуту прекратили огонь. А потом вдруг послышался крик, резкие, панические приказы, и двор залили невиданные ранее потоки свинцового огня.

Потому что из отверстия в земле, выкапываясь, во двор вываливался ужас.

Ортега знал об аберрантах столько же, сколько и все прочие жители города. Знал, что в результате примененного во время войны биологического оружия произошло что-то, что породило в зоне карантина отвратительных, размером с большую собаку, паразитов, именуемых мирмелантами. Знал, что мирмеланты размножились, паразитируя на различных животных, в том числе и на человеке. Знал и то, что любой зараженный мирмелантом человек обречен: быстро развивающийся подсаженный паразит прилипал к позвоночному столбу и бойко принимался за своего носителя, сводя на нет работу высших мыслительных процессов. А потом начинал прорастать, развиваться бесформенной биомассой, лезшей буквально изо всех щелей сходящего с ума от боли человека, тело которого, фактически уже просто висело на отвратительной заразе, подобно старому ненужному пальто. Более того, спустя пару дней после заражения живое существо начинало распространять воздушно-капельным и гематогенным путем смертельно опасный вирус, убивающий человека максимум за пару недель.

Все эти знания, что Ортегу вполне устраивало, он решительно нигде не могу применить. Время от времени, – с досадной регулярностью, – аберранты, жертвы мирмелантов, пробирались в город, закапывались, рыли норы, исчезали в метро. Зброшенные участки подземки, как утверждала Служба городской очистки, кишмя кишели мерзкими уродами, которые до сих пор не заволокли город только благодаря бдительности служащих на Барьере людей. Разумеется, Ричарду по долгу службы даже пришлось пару раз видеть трупы этих чудовищ, не похожих ни на что другое. Однако сталкиваться с живым, – во всей парадоксальной отвратности этого слова, – аберрантом ему еще не доводилось.

До сих пор.

Выбирающиеся из норы в земле твари выглядели по-разному: кто-то явно был когда-то человеком, в ком-то узнавались собаки, кабаны, другие животные, лоскуты которых уже никто не решился бы с уверенностью идентифицировать. Однако кое-что их все же объединяло: нервные, словно сдерживаемые невидимым поводком, движения. Резкие, порывистые дерганья, несмотря на которые аберранты двигались невероятно быстро. Кроме того все они обросли белесыми, с отвратительной прозеленью наростами, недоразвитыми конечностями, торчащими во все стороны, ранящими их самих обломками костей, клыков, клещей, когтей.

Время от времени какой-нибудь урод вдруг открывал человеческие глаза, с жуткой адской торжественностью демонстрируя, что он еще жив. Впрочем, это могли быть просто спазмы мышц. Паразит отчасти контролировал тело своей жертвы, хоть зачастую и не до конца понимал, что делает.

Из-под земли аберрантов выкопалось много. Чудовищно много. Похоже, они долгое время жили колонией-ульем где-то под заводом, время от времени выбираясь на охоту, а затем закапывались обратно. Скорее всего, сейчас их привлекли громкие, дико раздражающие их тонкие органы чувств звуки боя.

Почему Ортега решил, что аберранты выбирались на улицу?.. Немного покопавшись в памяти, лейтенант захотел усмехнуться. Но не смог.

Исчезновения на заводе людей, как же.

Хлынувшие твари рванули к самой очевидной цели – спецподразделениям Надзора и СГБ. Поднявшаяся канонада прерывалась разве что дикими, морозящими душу воплями тех, до кого аберранты добрались и яростными – до кого еще нет.

Тэлли, с перекошенным лицом, уже собирался, было, пальнуть в набухшую от копошащихся тел яму из подствольного гранатомета, но Майя резко осадила его. Похоже, аберранты их все еще не заметили. Насчет же результатов боя с этой нечистью у Ортеги не было никаких иллюзий.

Стрельба во дворе продолжалась, потихонечку перекидываясь, как пожар, в другие помещения, расползаясь по заводскому комплексу.

– Держите все под контролем, – прохрипела Майя. Голос ее дрожал, пальцы, сжимающие автомат, побелели от спазматической хватки.

Может быть, Ортеге стоило бы удивиться такому поведению недавно столь нестигаемой и жесткой бандитки. Может быть. Но он не удивлялся.

– А ты куда? – хмуро спросил креол, пытаясь затянуть скользкий бинт на все обильнее кровоточащей ноге.

Майя, все еще бледная, глянула на Ортегу.

– Пойду выполню наше задание.

– Майор, я требую, чтобы вы делали свою работу! Черт подери, да вы видели, что там... что оттуда вылезло?

– Видел-видел, – на офицера Службы городской очистки повышенный голос Семеша явно не производил должного эффекта. Посиживая на принесенном кем-то из его помощников раскладном голубом стуле прямо посреди царящей вокруг суетни, он поглядывал на загорающийся на востоке рассвет и что-то насвистывал, подкручивая светлые кавалерийские усы. – Но мы не можем, Олаф, просто взять и залить все напалмом, знаете ли.

– Отчего же, – потирая гипс, Семеш покачал головой. – Раньше вы именно так и работали. Да и что сейчас изменилось?

Кавалерист подкрутил ус.

– Кое-что. Хотя бы то, что больше мы так не работаем.

Несколько опровергая его слова, со стороны завода раздавались непрекращающиеся выстрелы, яростный рев огнеметов и утробный рев сжигаемых аберрантов. Все новые и новые бойцы в тяжелейших, полностью герметичных костюмах направлялись в здание завода, укрепляя периметр.

– Майор, – подал, наконец, голос Илай Скарро. – Здесь я должен согласиться с... коллегой. Я решительно не вижу никаких причин, по которым вы задерживаете моих людей от исполнения ими своего долга.

Усатый задрал голову и громко, во всю глотку заржал.

– Ой-ой-ой, Илай, да что вы мне тут в душу срите, ну ей-бо! Долг! Ваши мужики если и хотят сейчас исполнять какой долг, то явно не этот. Не тот, что связан с толпами мутировавшего дерьма. Впрочем, если вы настаиваете, можете послать их внутрь. Я раскрою кордон перед ними и замкну за ними. Потому что обратно они выйдут уже лишь через недельку, причем рук и ног у них будет – ей-бо – существенно больше!

– Майор, – Скарро улыбнулся, несмотря на то, что рухнувший полчаса назад на голову дом существенно подбил его здоровье, – здесь проходит операция по задержанию опаснейших преступников. Операция, согласованная входящими в Совет Структур лицами. Вы понимаете, что...

– Илай, что вы мне в душу срите? Все ваши согласования-перегласования-недогласования мне до свечки! Любые ваши засратые, прости господи, закулисные игры и интрижки мигом

забудутся, если аберранты пролезут в город и пожрут граждан. А вот что не забудется, так это я, который это допустил.

– Майор...

– Все, парни, все, – усатый сделал категорический жест рукой. – Мои группы узнают, что там, на заводе, есть из горючего и смазочного – хе-хе – а потом сделают свое дело. За своих опаснейших преступников можете – ей-бо – не волноваться. Они, если еще не сдохли, то скоро сдохнут наверняка.

Олаф Семеш поглаживал гипс на руке. Илай Скарро чуть покачивался, держась за ребра.

– Ничего вечерок, – Ортега сплюнул кровь с разбитой губы. Застонал, когда Майя без лишних церемоний завязала сильный узел на месте перевязки. – Совсем ничего.

– Заткнись.

– Помнишь, я говорил тебе вчера в баре, что мы с тобой выживаем, каждый по-своему?

– Заткнись, я сказала.

– Так вот, видимо, выживаем мы все же как-то неправильно.

Закончив с перевязкой, Майя поднялась на колени, отерла пыльной рукой вспотевший лоб, размазывая грязь и кровь.

– Довольно. Расскажи, что было на флешке. Мне нужно знать.

Ортега рассказал. Хоть это и был единственный его козырь, единственное, что сдерживало боевиков от того, чтобы его хладнокровно пристрелить. Может, предварительно не столь хладнокровно приречь, а потом пристрелить. Рассказал все, что помнил из записи. В деталях. Потому что ему было все равно.

Болело простреленное, развороченное плечо, болели расцарапанные порванные ступни, болела голова, болело сердце. Что ему сейчас точно не хотелось делать, так это юлить, придумывать, как бы обмануть своих похитителей, чтобы прожить еще чуть дольше. После выстрела того сгбшника он не видел в этом особого смысла. Тихо лечь и умереть тоже не хотелось.

Хотелось спать.

Выслушав его, Майя повела себя неожиданно. Долгое время она молча стояла, без какого-либо выражения глядя на него. Потом села рядом, оперлась спиной на стену, положив автомат на колени. Уставилась невидящими зелеными фонариками перед собой. Ортега мог бы, наверное, даже несмотря на свое плачевное физическое состояние, попытаться сейчас обезоружить девушку, завладеть автоматом. Но ему не хотелось.

Стены сотрясались от взрывов и далекого рева огнеметов. Оживший кошмар был в соседних помещениях.

– Вы там, у себя в Надзоре, – блекло проговорила Майя, – знаете, что Сопротивление контролируется СГБ?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.